

КРАТКІЯ ЗАПИСКИ

О ДѢЙСТВІЯХЪ

ЛЕЙБЪ-ГВАРДІИ УЛАНСКАГО ПОЛКА

ВЪ СОСТАВѢ ВОЙСКЪ

ГВАРДЕЙСКАГО КОРПУСА

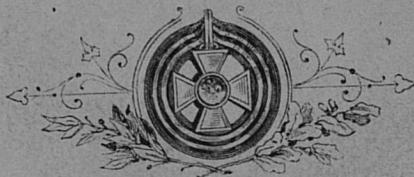
ПРИНИМАВШИХЪ УЧАСТІЕ ВЪ ТУРЕЦКОЙ КАМПАНИИ

1877—1878

СОСТАВЛЕНЫ

ПОЛКОВЫМЪ АДЪЮТАНТОМЪ ШТАБСЪ-РОТМИСТРОМЪ

Александромъ Шрубниковымъ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ И ХРОМОЛИТОГРАФІЯ А. ТРАНШЕЛЯ, СРЕМЯННАЯ 12

1880

КРАТКІЯ ЗАПИСКИ

О ДѢЙСТВІЯХЪ

ЛЕЙБЪ - ГВАРДІИ УЛАНСКАГО ПОЛКА

ЗА 1877 — 1878 ГГ.

КРАТКІЯ ЗАПИСКИ

ПОСВЯЩАЕТСЯ

БЫВШЕМУ Главнокомандующему Дѣйствующей Арміи

Августѣйшему Шефу Полка

ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛЬДМАРШАЛУ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ

ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ

НИКОЛАЮ НИКОЛАЕВИЧУ

СТАРШЕМУ

Штабс-Ротмистръ Трубниковъ.

КРАТКІЯ ЗАПИСКИ

О ДѢЙСТВІЯХЪ

ЛЕЙБЪ-ГВАРДІИ УЛАНСКАГО ПОЛКА

ВЪ СОСТАВѢ ВОЙСКЪ

ГВАРДЕЙСКАГО КОРПУСА

ПРИНИМАВШИХЪ УЧАСТІЕ ВЪ ТУРЕЦКОЙ КАМПАНИИ

1877—1878

СОСТАВЛЕНЫ

ПОЛКОВЫМЪ АДЪЮТАНТОМЪ ШТАБСЪ-РОТМИСТРОМЪ

Александромъ Шрубниковымъ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ И ХРОМОЛИТОГРАФІЯ А. ТРАНШЕЛЯ, СТРЕМЯНАЯ 12

1880

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТРАН.
Отъ автора	1
Выступление полка изъ Петергофа	4
Отъездъ изъ Петербурга	11
Столкновеніе поѣздовъ близъ Конотопа	14
Походъ отъ станціи Жмеринки до мѣстечка Скулянь	17
Переходъ черезъ границу и походъ по Румыніи до Зимниці	20
Зимница, переходъ черезъ Дунай, Турска-Слива, Горный Ступень, Горная Липпица, Бѣжанова	27
День Горнаго Дубняка	33
Телишъ	39
Бивуакъ у Махалета	44
Рекогносцировка г. Рахова	48
Стоянка въ деревнѣ Бренницѣ	50
Выступление къ Яблоницамъ	52
Бивуакъ у деревни Усоковицы	57
Рекогносцировка г. Орханіе	59
Рекогносцировка Старо-Софійской дороги и переходъ дивизіона уланъ черезъ Балканы	69
Городъ Орханіе	74
Деревня Лежани	83
Переходъ полка черезъ Балканы	85
Рекогносцировка Тапкисенскихъ укрѣпленій	93
Вѣсть о перемиріи	101
Близъ Филиппополя	104
Городъ Хаскійой	112
Адрианополь	117
Люле-Бургась. Встрѣча съ 1-й кавалерійской дивизіей	121
Городъ Чурлу	124
Городъ Силиври	127
На отдыхъ въ городъ Родосто	130
Выступление изъ Родосто	132

Деревня Галатарія близъ Санъ-Стефано	136
Деревня Нифась	140
Парадъ.—Санъ-Стефанскій миръ	141
Послѣ 19 февраля	145
Генераль Струковъ—командиръ полка	149
Свѣтлый праздникъ подь Константинополемъ	153
Отъѣздъ Главнокомандующаго	155
Полковой праздникъ	159
Острова Принца	165
Парадъ по случаю возвращенія войскъ въ Россію и отъѣздъ полка изъ Санъ-Стефано	167
Смотръ Государя въ Севастополь	169
Село Славянка	171
Встрѣча полка въ Петергофѣ	172

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Гг. офицеры л.-гв. Уланскаго полка, выступившіе изъ Петер- гофа 3 августа 1877 года въ турецкій походъ	176
Награды, полученныя полкомъ въ минувшую кампанію	180

Составляя свои записки, я старался помѣстить въ нихъ, въ видѣ дневника, все то, что касалось службы л.-гв. Уланскаго полка, со дня объявленія мобилизаціи по день возвращенія полка въ Новый Петергофъ. Цѣль составленія записокъ заключалась въ желаніи оставить въ памяти товарищей безпристрастную быль похода 1877 и 1878 годовъ, со всѣми пріятными и непріятными его сторонами. Я писалъ иногда подъ вліяніемъ испытываемыхъ мною лично ощущеній; но факты, на сколько мнѣ кажется, остались безъ измѣненія. Заранѣе прошу снисходительности къ моему изложенію.

Выступление полка изъ Петергофа.

Высочайшимъ манифестомъ 12 апрѣля 1877 года была объявлена война Турціи. Гвардейскій корпусъ не вошелъ въ составъ дѣйствующей арміи, а потому легко себѣ представить общее наше сожалѣніе—быть военными и не быть на войнѣ, и общее желаніе какими нибудь способами попасть на Дунай.

О возможности мобилизаціи гвардіи въ то время не было и помину, почему гвардейскій корпусъ, въ половинѣ іюня, перешелъ въ лагерь подъ Красное Село, — когда газеты приносили уже радостныя извѣстія объ успѣхахъ нашего оружія.

Сборъ 1877 года прошелъ, какъ и слѣдовало ожидать, необыкновенно скучно; 16 іюля кавалерійскій лагерь окончился и на другой день полки перешли на траву. Намъ предстояло отбыть смотръ стрѣльбы, почему, возвратясь 17 числа въ Петергофъ, мы расковали лошадей,—началось травяное довольствіе, а люди на свободѣ проходили добавочный курсъ стрѣльбы. Въ это время, т. е. въ половинѣ іюля, начали ходить тревожныя слухи о нашихъ неудачахъ, что отчасти подтвердилось напечатанною 20 числа въ газетахъ официальною телеграммой Главнокомандующаго объ отбитой вторичной атакѣ Плевны; весь Петербургъ пришелъ въ какое-то недоумѣніе; говорили, что неудачи эти происходятъ главнымъ образомъ отъ недостатка войскъ,

которых за Дунаемъ въ то время было дѣйствительно не много, если вспомнить всю линію, на протяженіи которой нашимъ войскамъ пришлось дѣйствовать. Блеснула надежда дѣйствительной возможности мобилизаціи гвардіи.

21 іюля генералъ-адъютантъ графъ Шуваловъ *) получилъ отъ Великаго Князя Главнокомандующаго телеграмму приблизительно слѣдующаго содержанія: „Давнишняя моя мечта исполнилась; поздравляю гвардейскій корпусъ съ мобилизаціей и надѣюсь скоро увидѣть на Дунаѣ свое родное дѣтище“. Телеграмма эта быстро облетѣла Петербургъ и окрестности онаго; въ Петергофѣ содержаніе ея было извѣстно около 2 часовъ дня.

Въ этотъ день утромъ я по службѣ долженъ былъ быть въ Красномъ Селѣ. На дебаркадерѣ желѣзной дороги остановилъ меня Его Высочество Принцъ А. П. Ольденбургскій и сообщилъ, по его выраженію, эту радостную вѣсть.

Въ штабахъ и управленіяхъ Краснаго Села поднялась суета. Возвратясь въ Петергофъ, я въ 5 часовъ былъ уже у командира полка и доложилъ ему, что мобилизація гвардіи, и въ томъ числѣ нашего полка, официально объявлена. На музыкѣ (въ Петергофѣ въ іюнь, іюль и августъ по вечерамъ обыкновенно играетъ военная музыка) въ этотъ день народу было больше обыкновеннаго; но не наслаждаться игрой кавалергардовъ и конной гвардіи собрались петергофскіе дачники; у всѣхъ на лицахъ была какая-то затаенная грусть и желаніе знать подробности куда, когда и кто идетъ. Разумѣется, многимъ было надъ чѣмъ призадуматься, кто провожалъ мужа, брата, отца, сына, которые всѣ шли охотно съ полнымъ сознаниемъ своего долга.

*) Начальникъ штаба Петербургскаго Округа.

Съ 22 числа началась мобилизация полка, о которой было сообщено официально. Хотя зимой и весной самая необходимая подготовка и приспособления были уже сделаны, темъ не менѣе, вслѣдствіе неожиданности и новизны дѣла, на каждомъ шагѣ встрѣчались недоразумѣнія, за разъясненіями которыхъ приходилось обращаться въ штабъ дивизіи. Но и тамъ хлопоты шли своимъ чередомъ, такъ какъ съ 16 іюня дивизія наша осталась безъ начальника; генераль-лейтенантъ Гурко былъ вызванъ въ дѣйствующую армію, а 18 іюля уѣхалъ туда же нашъ достойный начальникъ штаба полковникъ В. А. Бунаковъ. Все это, какъ я уже сказалъ раньше, доказывало, какъ мало думали о возможности мобилизаціи гвардіи; но разъ дѣло начато, мѣшать было нечего. Мобилизація въ полку шла. Разосланные въ эскадроны мобилизаціонныя таблицы, въ которыхъ былъ расписанъ каждый часъ занятій, въ каждомъ эскадронѣ, принесли много пользы. Согласно расписанію, мобилизація полка должна была быть окончена въ трие сутокъ. Выступление наше изъ Петергофа было назначено на 3 августа, значить времени было если и не много, но во всякомъ случаѣ достаточно.

27 іюля, въ день рожденія и именинъ нашего шефа, полковой командиръ, командиръ 1-го эскадрона и я (какъ полковой адъютантъ) ѣздили на Знаменку *) поздравить Великую Княгиню Александру Петровну, которая пожелала полку счастья и упомянула объ отличіяхъ, оказанныхъ нѣкоторыми нашими товарищами, бывшими въ то время на театрѣ военныхъ дѣйствій **).

*) Дача Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича, близъ Петергофа.

**) Штабъ-ротмистры Евреиновъ, графъ Стакельбергъ и корнетъ Дер-

дворца, командиръ полка послалъ Его Высочеству Главнокомандующему телеграмму; въ ней говорилось о готовности умереть за честь и славу Русскаго Царя, за вѣру православную и святую родину. Всѣ чины полка, дѣйствительно, были проникнуты этимъ чувствомъ.

29 іюля вечеромъ, на заднемъ кадетскомъ плацу, нашъ генераль дѣлалъ смотръ полку въ полномъ составѣ людей и лошадей, по военному времени, въ полной походной формѣ, съ полной укладкой обоза и всего полковаго имущества, шедшаго въ походъ. Благодаря общимъ трудамъ, полкъ представился очень хорошо: въ новомъ обмундированіи, снаряженіи и вооруженіи; все, что полагалось по штату, было на лицо, на своемъ мѣстѣ, въ должномъ порядкѣ и количествѣ. Между тѣмъ, время шло и шло; 3 августа подходило все ближе и ближе, молодые офицеры въ бѣлыхъ чахлахъ на фуражкахъ (признакъ нахождения въ дѣйствующей арміи) съ веселыми лицами развѣзжали по Петербургу, спѣша приобрести необходимыя вещи; но никто не могъ указать, что именно нужно въ походѣ, и обратиться было не къ кому; изъ приказа одно было извѣстно, что багажъ каждаго офицера долженъ помѣщаться въ одномъ чемоданѣ утвержденнаго образца и по расчету тяжесть его не должна быть болѣе 2 пуд. 9 фунт. Между тѣмъ, въ полку получались и доставались изъ цейхаузовъ новыя вещи; негодныя лошади браковались, а дѣйствующій полкъ пополнялся переводомъ молодыхъ лошадей изъ запаснаго эскадрона. Въ видѣ особой мѣры было разрѣшено безденежно уступить изъ забракованныхъ лошадей по одной лошади на офицера и класснаго чиновника. Большин-

фельденъ были назначены 8 апрѣля 1877 года ординарцами къ Его Высочеству Главнокомандующему.

ство офицеровъ получили лошадей, хотя и не служивыхъ вполнѣ, но могущихъ шагомъ везти офицерскій вьюкъ или офицерскаго деньщика, которому по положенію, весьма странному, полагается быть пѣшкомъ. Деньщикъ или слуга, а вмѣстѣ съ тѣмъ хранитель всего офицерскаго имущества, денегъ, а въ иныхъ случаяхъ и сестра милосердія офицера, долженъ поспѣвать за кавалерійскимъ полкомъ пѣшкомъ, въ то время, когда даже лошади, приходя на бивакъ, сейчасъ же ложатся, утомленныя большими переходами. Офицерамъ было разрѣшено перевести по желѣзнымъ дорогамъ по три лошади на каждаго. Не смотря на усиленную работу, не обходилось однако безъ небольшого разгула. Правда, это можно было отчасти объяснить готовностью нижнихъ чиновъ умереть на войнѣ и малою надеждою на возвращеніе домой; всѣ вещи ихъ домашняго казарменнаго комфорта распродавались чрезвычайно быстро и очень дешево. Желая помочь нѣкоторымъ, я предлагалъ оставлять вещи на моей квартирѣ, на храненіе; но никто не соглашался, говоря, что если Богъ велитъ вернуться, такъ опять можно нажить. Въ послѣдніе дни однако разгулъ былъ гораздо слабѣе, что просто объяснялось уменьшеніемъ денежныхъ средствъ.

Наконецъ былъ отданъ послѣдній приказъ въ Петергофѣ 1877 года 2 августа, въ которомъ значилось: „полку начать сѣдлать по генераль-маршу въ 11 часовъ и выѣзжать по сбору въ 12¹/₂ час.; одѣтыми быть въ полной походной формѣ, съ полной укладкой вещей, во всемъ новомъ, на фуражкахъ имѣть бѣлые чахлы (нужно сказать, что весь гвардейскій корпусъ шелъ въ походъ въ фуражкахъ съ бѣлыми чахлами, оставивъ каски и прочіе головные уборы въ полковыхъ цейхаузахъ); затѣмъ, при-

идя въ Петербургъ, расположиться на ночлегъ въ кава-
лѣргардскихъ казармахъ.

3 августа около 11 часовъ раздались трогательные,
на вмѣстѣ съ тѣмъ, торжественные звуки генераль-марша,
послѣ которыхъ люди начали выѣзжать и строиться у
полковой церкви, — трубачи на правомъ флангѣ, 1-й и
2-й эскадроны развернутымъ фронтомъ по Никольской
жулицѣ, а 3-й и 4-й напротивъ. Передъ дверями со-
бора былъ вынесенъ аналой, на которомъ стоялъ об-
разъ Вознесенія, дня нашего полкового праздника, и
округомъ котораго тѣснились матери, жены, сестры и
любимые знакомые, пріѣхавшіе и пришедшіе проводить
отъѣзжающихъ.

Около часу раздалась команда „смирно“, а затѣмъ
объяхалъ полкъ и поздравилъ съ походомъ нашъ бри-
гадный командиръ Свиты Его Величества генераль-
майоръ Клотъ, послѣ чего собралъ къ себѣ всѣхъ офице-
ровъ и сказалъ нѣсколько словъ о старинной боевой
чести и воинской славѣ полка, которую съумѣютъ под-
держать и въ эту компанію настоящіе его представите-
ли; затѣмъ обратился къ солдатамъ, сказавъ: „Ребята,
вамъ предстоитъ много труда и лишеній, надѣйтесь на
Бога и докажите Царю, что не даромъ онъ баловалъ
васъ въ мирное время. Надѣюсь, вы обрадуете въ воен-
ное время нашего возлюбленнаго Государя!“ Громкое
„ура“! было отвѣтомъ на слова бригаднаго командира.
Затѣмъ начался молебенъ, въ присутствіи Ихъ Высочествъ
Петра Николаевича и Георгія Максимилановича
Князя Романовскаго Герцога Лейхтенбергскаго, петер-
гофскаго коменданта А. В. Фрейгантъ, управляющаго
Петергофомъ генераль-лейтенанта П. П. Баумгартена,
и проч. „Царю небесный“ зашѣли уланскіе кантониеты
и начали креститься уланы въ конномъ строю. Въ этомъ

молебнѣ было дѣйствительно что-то торжественное; не блестящая обстановка производила это впечатлѣніе, а искреннее настроеніе всѣхъ присутствующихъ въ эту минуту придавало какой-то величественный видъ проводамъ полка, выступавшаго въ походъ. Молебенъ кончилъ ея окропленіемъ штандарта и всего полка святой водой при пѣніи „Спаси Господи люди твоя“. Петергофскія дамы въ лицѣ полковаго командира, благословили полкъ образомъ. Эта любезность была вполне оцѣнена всѣми офицерами, и благодарность наша выразилась въ простыхъ словахъ, которыя офицеры спѣшили высказать каждой изъ присутствовавшихъ отдѣльно. Затѣмъ петергофскіе жители, желая чѣмъ нибудь напомнить офицерамъ о прошлыхъ хорошихъ отношеніяхъ, всегда существовавшихъ между ними и полкомъ, пили здоровье полка изъ нарочно приготовленныхъ для этого маленькихъ серебряныхъ стаканчиковъ, на которыхъ было вырѣзано: „Петергофъ, 3 августа“; каждый офицеръ получилъ такой стаканчикъ, который и брался большинствомъ въ походъ. Нижнимъ чинамъ жители дали по чаркѣ водки и по 25 коп. на человѣка. Петергофскіе извожники также благословили полкъ образомъ; вообще проводы были самыя теплыя и сердечныя. Послѣ окончанія благословеній и прощаній, я отвезъ штандартъ въ 3-й эскадронъ; полкъ повернулъ направо и, подъ звуки полковаго марша, справа по три, выступилъ въ Турцію. У заставы мы были остановлены и построены развернутымъ фронтомъ вдоль шоссе, лицомъ къ Александріи *); мы ожидали пріѣзда Императрицы, которая желала проститься съ полкомъ и назначила пріѣздъ Свой въ два часа. Ровно въ назначенный срокъ изъ воротъ Александ-

*) Дача Ея Величества, въ Петергофѣ.

ри выѣхаль четырехмѣстный шарабанъ, въ которомъ сидѣли Государыня и Цесаревна, Ихъ Императорскія Высочества Евгения Максимильановна Ольденбургская и Мария Александровна Единбургская. Государыня Императрица проѣхала по всему фронту полка, при неумолкаемомъ крикѣ „Ура“! Затѣмъ, вернувшись въ 1-му эскадрону, приказала остановить шарабанъ у заставы, и полкъ прошелъ мимо Государыни справа по три, съ пѣсенниками впереди.

До Стрѣльны провожалъ полкъ Его Императорское Высочество Великий Князь Петръ Николаевичъ, ѣхавшій въ коляскѣ впереди полка (у Его Высочества болѣла нога), окруженный офицерами. Великий Князь почти все время дороги въ простомъ разговорѣ передавалъ лучшія желанія полку и отдѣльно каждому офицеру. Около Стрѣльны Великий Князь остановился и распрощался съ полкомъ, давъ нижнимъ чинамъ по чаркѣ водки, и чистосердечно обнималъ и цѣловалъ болѣе знакомыхъ ему лицъ.

По петербургскому шоссе всюду выходили массы рабочихъ, а отъ Петергофа до Стрѣльны встрѣчали и провожали насъ конногвардейцы съ громкими криками „ура“!, бросая при этомъ шалки вверхъ.

Старушки набожно крестились и благословляли насъ.

Около воротъ Сергіевскаго монастыря *) отецъ настоятель въ полномъ облаченіи, окруженный братією, съ образомъ въ рукахъ и святой водой, встрѣтилъ полкъ, который былъ остановленъ для слушанія напутственнаго молебна, послѣ окончанія котораго офицеры прикладывались къ вынесенной изъ монастыря иконѣ св. Сергія; а настоятель, въ лицѣ полкового командира, благосло-

*) Въ 18-ти верстахъ отъ Петербурга, на Петергофскомъ шоссе, находится монастырь св. Сергія.

виль полкъ образомъ угодника. Затѣмъ, полкъ, проходя мимо почтеннаго старца архимандрита, былъ окропленъ святой водой, при стройныхъ звукахъ монашескаго хора, пѣвшаго: „Спаси Господи“.

Часовъ около 7 мы пришли въ Петербургъ, но въ кавалергардскихъ казармахъ ночевать не могли, такъ какъ онѣ въ то время ремонтировались, а расположились въ конномъ полку, командующій которымъ, полковникъ флигель-адъютантъ баронъ Фредериксъ, оказалъ намъ самый теплый товарищескій приемъ.

Отъѣздъ изъ Петербурга.

4 августа, по Николаевской желѣзной дорогѣ, полкъ, въ составѣ пяти эшелоновъ, выѣхалъ изъ Петербурга.

Согласно маршрута, мы должны были слѣдовать на Москву, Курскъ, Кіевъ въ Жмеринку, откуда дальше предписывалось идти походомъ. Каждый эшелонъ, или поѣздъ, составлялъ эскадронъ, а въ послѣднемъ, пятомъ, ѣхалъ штабъ полка, нестроевая рота и полковой обозъ. Въ вагонѣ командира полка находился штандартъ и денежный ящикъ.

Отъѣздъ нашъ изъ Петербурга остался почти никѣмъ незамѣченнымъ, что и весьма понятно: изъ Петергофа мы выходили—изъ своего роднаго дома, а тутъ мы были гости, заночевавшіе на перепутьѣ.

Не могу не замѣтить, что постановка лошадей въ вагоны, помѣщеніе эскадронныхъ обозовъ, размѣщеніе людей и проч., было исполнено во всѣхъ эшелонахъ чрезвычайно быстро и правильно; ни на одной желѣзной дорогѣ люди и лошади не были такъ хорошо размѣщены,

какъ на Николаевской, причемъ однако нельзя не попенять на администрацію желѣзной дороги, такъ какъ не всегда прїѣзжавше провожать могли найти платформу, отъ которой отходилъ эшелонъ.

Въ противоположность Петербургу, по русскому обычаю, встрѣтила и проводила насъ Москва, куда всё эшелоны собрались 6 утромъ. На вокзалѣ встрѣтилъ полкъ чиновникъ, присланный генераль-губернаторомъ, который указалъ для нижнихъ чиновъ хамовническія казармы, а для офицеровъ бесплатно гостиницу Парижъ. 7 съ утра, начали отбѣзжать эшелоны по Московско-Курской желѣзной дорогѣ. Около товарной платформы, на средства города, была устроена палатка, въ которой чиновникъ, отъ имени генераль-губернатора и городского головы, предлагалъ очень радушно всѣмъ офицерамъ разнообразный завтракъ; нижнимъ же чинамъ Москва дала каждому по пирогу, чаркѣ водки и по булкѣ съ чаемъ.

Не могу забыть, какъ, при отбѣздѣ изъ Москвы, у платформы дороги, меня остановила старушка съ вопросомъ: „гдѣ же, батюшка, сядутся солдатики?“ я указалъ ей мѣсто и предложилъ проводить ее туда, думая, что она пришла проститься съ кѣмъ нибудь изъ своихъ близкихъ; но на мое предложеніе, она чистосердечно отвѣчала, что никого отдѣльно не пришла провожать, а пришла такъ, обо всѣхъ поплакать.

Около 2 часовъ ночи 8 августа поѣздъ нашего пятого эшелона подошелъ къ курскому вокзалу, гдѣ назначена была дневка. Ночь была очень темная, шелъ сильный дождь; поэтому командиръ полка просилъ разрѣшенія до утра не разгружаться, а провести остальную часть ночи въ вагонахъ. Кто-то изъ офицеровъ вышелъ на станцію и, вернувшись, сказалъ, что видѣлъ въ вокзалѣ генерала Гурко, возвращающагося въ Россію.

Никто из нас не мог повѣрить этой, по видимому, несообразной новости. Въ такое время, казалось намъ невозможнымъ, чтобы генераль Гурко могъ находиться въ Курскѣ, когда мы, военные, и вся Россія представляли его геройски защищающимъ Шипку; но вернулся съ вокзала и командиръ полка, который подтвердилъ этотъ слухъ. Дѣйствительно, генераль Гурко, по расформированіи передоваго отряда, возвращался въ Россію, чтобы вступить въ командованіе ввѣренной ему нашей дивизіей (2 гв. кавалер.). Командиръ полка прибавилъ, что между прочими разговорами генераль Гурко сказалъ: „будьте готовы отъ станціи Жмеринки къ усиленнымъ переходамъ“.

Съ разсвѣтомъ мы вышли изъ вагоновъ и расположились бивуакомъ у вокзала станціи. 9 числа пріѣзжалъ на вокзалъ (гдѣ остановился командиръ полка) нашъ бывший уланъ (сохранившій мундиръ полка) генераль отъ кавалеріи К. Л. Монтезоръ *). Почтенный старецъ, 90 слишкомъ лѣтъ, живущій большею частью въ Курскѣ, не смотря на свои года, пріѣхалъ проводить, какъ выражался, свой родной полкъ и не могъ удержаться, чтобы лично не пожелать ему успѣха и военную славу. Одинъ изъ старѣйшихъ генераловъ русской арміи, К. Л. Монтезоръ, самъ дѣлалъ турецкую компанію 1828 года въ рядахъ нашего полка. Съ необыкновеннымъ увлеченіемъ вспоминалъ онъ нѣкоторые случаи своей военной жизни, давшіе ему не мало боеваго опыта, а вмѣстѣ съ тѣмъ его рассказы слушались офицерами съ большимъ удоволь-

*) Въ то время, когда составлялись эти записки, генераль отъ кавалеріи Монтезоръ былъ живъ; онъ праздновалъ 6 декабря 1878 года свой 50-лѣтній юбилей служенія въ генеральскихъ чинахъ; а скончался въ февралѣ 1879 года.

ствіемъ. Довольно долго оставался съ нами нашъ старѣйшій представитель и затѣмъ, окруженный офицерами, былъ почти вынесенъ на рукахъ и посаженъ въ коляску.

Съ 10 часовъ вечера 9 числа начали уѣзжать изъ Курска эшелоны, а мы, т. е. 5-й эшелонъ, отправились 10 въ 2 часа пополудни.

Столкновеніе поѣздовъ близъ Конотопа.

11 числа около 6 часовъ утра, подъѣхавъ къ станціи Конотопъ, насъ встрѣтили товарищи, ѣхавшіе въ предъидущихъ эшелонахъ съ встревоженными лицами; мы были очень удивлены ихъ видѣть; но дѣло сейчасъ же объяснилось: оказалось, что 3-й эшелонъ, въ которомъ ѣхалъ 2-й эскадронъ, выйдя 10 въ 10¹/₂ часовъ вечера со станціи Конотопъ, минутъ черезъ 10 ѣзды, почувствовалъ сперва страшный толчекъ и затѣмъ два другихъ, правда гораздо меньшихъ, но однако сильныхъ, послѣ которыхъ поѣздъ остановился. Офицеры, предчувствуя какое-нибудь несчастіе, выскочили изъ вагона, но такъ какъ ночь была довольно темна, то сразу нельзя было понять въ чемъ дѣло; была видна только какая-то шипящая темная масса и слышались ужасные стоны. Оказалось, что произошло столкновеніе поѣздовъ; передніе три вагона разбились въ дребезги, а слѣдующіе за ними стояли какъ то кверху, точно хотѣли влѣзть другъ на друга. Нѣкоторыя лошади тутъ же бились, другія бѣгали кругомъ, третьи, лежа, жалобно ржали. Одинъ изъ локомотивовъ былъ на сторонѣ пути; не вдалекѣ отъ него лежали убитые столкновеніемъ машинистъ и кондукторъ; другой стоялъ про-

тивъ перваго, страшно шипя отъ накопившихся паровъ, а изъ-подъ груды осколковъ раздавались тихіе стоны искалеченныхъ; къ счастію впереди поѣзда были вагоны съ лошадьми, при которыхъ находились только по три человѣка, а прочіе нижніе чины и офицеры ѣхали въ вагонахъ въ хвостѣ поѣзда и кромѣ сильныхъ толчковъ ничего не почувствовали.

Нужно было, не теряясь, начать работать и предотвратить другое несчастіе, могущее произойти немедленно. Благодаря находчивости взводнаго унтеръ-офицера 2-го эскадрона, Бодовскаго *), оно было устранено. Дѣло заключалось въ томъ, что остановленный несчастіемъ локомотивъ ежеминутно могъ разорваться отъ скопившихся въ немъ паровъ; унтеръ-офицеръ, служившій прежде кондукторомъ, понялъ—живо вскочилъ на шипѣвшій паровикъ и выпустилъ изъ него пары. Исполнивъ молодецки свое дѣло, Бодовскій спасъ тѣмъ локомотивъ отъ разрыва. Командиръ эскадрона, ротмистръ Баструевъ, и всѣ офицеры эскадрона распоряжались весьма энергично; въ обѣ стороны пути были посланы конные рядовые къ стрѣлочникамъ съ приказаніемъ предупредить ихъ объ несчастіи.

Нижніе чины начали быстро сбрасывать осколки вагоновъ съ людей, которыхъ сейчасъ же перенесли въ вокзалъ станціи Конотопъ, куда для поданія помощи изъ города пріѣхали доктора общества Краснаго Креста. Сильно раненыхъ и подающихъ мало надежды на выздоровленіе было 9 человѣкъ; двумъ изъ нихъ впоследствии отняли ноги. Всѣ раненые, не смотря на сильныя

*) Унтеръ-офицеръ, нынѣ вахмистръ 2-го эскадрона, Бодовскій, награжденъ впоследствии за это дѣло медалью съ надписью „за спасеніе погибавшихъ“ и 30 руб.

страданія, просили только объ одномъ, чтобы ихъ не оставляли въ Конотопѣ, а при первой возможности разрѣшили имъ присоединиться къ полку. Весьма сочувственно отнеслось къ несчастію все конотопское общество, въ особенности уѣздный предводитель дворянства, г. Кулябко, который распорядился о немедленной перевозкѣ страдальцевъ въ госпиталь Краснаго Креста, равно о предоставленіи имъ всевозможныхъ удобствъ. Между тѣмъ шель разборъ вещей; изъ общей кучи доставали то мундиръ, то ленчикъ, то карабинъ; само собою разумѣется, — въ какомъ это было видѣ; все исковерканное и негодное тутъ же бросалось. 7 лошадей, въ виду ихъ окончательной негодности къ службѣ, пристрѣлено немедленно, двѣ убѣжали, но въ послѣдствіи были пойманы и доставлены въ полкъ; раненыхъ привели къ вокзалу и лечили возможными, имѣвшимися подъ руками средствами. И такъ, не далеко еще ушли уланы отъ Петергофа, а уже пришлось видѣть мученія ближнихъ и ощущать при этомъ полное безсиліе чѣмъ нибудь помочь участи страждущихъ. Это горестное событіе задержало все эшелоны на довольно долгое время, такъ что назначенной дневки въ Киевѣ сдѣлать было нельзя, почему намъ и не удалось осмотрѣть этотъ древній городъ. 12 утромъ мы выѣхали отсюда, а 13 въ 7 часовъ утра выгрузились на станціи Жмеринка, откуда въ тотъ же день перешли для ночлега въ деревню Жуковицы. Вечеромъ полковой командиръ укомплектовалъ 2-й эскадронъ лошадьми изъ прочихъ эскадроновъ.

Такимъ образомъ, послѣ 4 числа полкъ былъ въ полномъ сборѣ только 13, и теперь намъ предстояло идти походомъ до Константинополя.

Походъ отъ станціи Жмеринки до мѣстечка Скулянъ.

14 числа мы сдѣлали переходъ въ 37 верстѣ и пришли въ г. Шаргородъ, правильнѣе сказать, не въ городъ, а въ большое село, наполненное почти сплошь евреями.

На другой день 15 въ 6 часовъ утра мы выступили въ г. Могилевъ на Днѣстрѣ; переходъ въ сильную жару приходилось дѣлать въ 47¹/₂ верстѣ, а постоянные подъемы и спуски съ горъ, на протяженіи почти всей дороги, дѣлали переходъ крайне утомительнымъ. Придя въ Могилевъ, полкъ расположился на квартирахъ; здѣсь мы встрѣтили 3-ю бригаду нашей дивизіи, которая, какъ и мы, имѣла тутъ же дневку.

Подходя къ городу, невольно поражаешься его красотой. Городъ расположенъ по обѣ стороны Днѣстра въ живописной долинѣ. Всѣ постройки кажутся утопающими въ зелени, между которой красиво выдѣляются высокіе, пирамидальные тополи; но спустившись съ горы, сильно разочаровываешься; это маленькій грязный городокъ съ еврейскимъ населеніемъ. 16 была дневка, тѣмъ не менѣе въ 3 часа пополудни 2-й дивизионъ долженъ былъ переправиться черезъ Днѣстръ. Въ виду того, что переправа на плотахъ и паромахъ производилась весьма медленно и могла задержать полкъ на долго, то для выигрыша времени, одному дивизиону пришлось переправляться наканунѣ, перейдя куда, онъ и расположился на ночлегъ бивуакомъ. 17 съ ранняго утра началъ переправляться обозъ, а въ 8 часовъ переправился и первый дивизионъ.

На той сторонѣ рѣки мы вступали въ Бессарабскую губернію. Поднявшись на высокую гору, дивизионъ сѣлъ на коней и мы, въ страшную жару, перешли въ село

Кетрось-Десусь, сдѣлавъ $41\frac{1}{2}$ вер. Исчисленіе верстъ кажется было только на бумагѣ, по маршруту, а въ дѣйствительности ихъ было гораздо больше, такъ какъ идя хорошимъ шагомъ, выступая всегда очень рано, мы приходили на ночлегъ только къ вечеру. Переходъ въ Кетрось-Десусь казался еще скучнѣе отъ того, что онъ составлялъ рѣзкую противоположность предшествующему. До Могилева часто встрѣчаются деревни; иногда дорога идетъ между чистыми роскошными дубовыми лѣсами или фруктовыми садами; здѣсь же, на оборотъ, деревни рѣдкіи, жители плохо понимаютъ по русски; лѣсовъ никакихъ, на право и на лѣво отъ дороги тянутся запущенныя поля, вообще природа какъ то мертва и уныла. Кетрось-Десусь — молдаванское бѣдное село, чрезвычайно оригинально построенное. Съ большимъ трудомъ можно было достать себѣ плохаго хлѣба, такъ какъ хозяева очень мало понимали по русски и относились къ войскамъ не очень дружелюбно.

18 въ сильную жару. по пустынной гористой мѣстности, прошли мы 37 верстъ и затѣмъ, придя въ г. Бѣльцы, расположились въ его молдаванской части. Молдаванская часть города, въ противоположность еврейской, очень чиста, а отличный вечеръ оставилъ самое пріятное воспоминаніе о городѣ.

На другой день 19, послѣ перехода въ 26 верстъ, мы должны были имѣть дневку въ мѣстечкѣ Фалештахъ; но еще въ Бѣльцахъ была получена телеграмма отъ начальника штаба дивизіи, о томъ, чтобы, минуя дневку въ Фалештахъ, на другой же день перейти въ м. Скуляны, что и было нами исполнено.

20 числа, въ 6 часовъ утра мы выступили изъ Фалештъ и, послѣ перехода въ 28 верстъ, пришли въ м. Скуляны, гдѣ и расположились бивуакомъ, на открытомъ полѣ. На дру-

гой день 21 начальникъ дивизіи, генераль-адъютантъ Гурко, смотрѣлъ оба гусарскіе и уланскіе полки. Смотръ заключался въ пропусканіи полковъ справа по три, къ концу котораго начала подходить драгунская бригада.

22 генераль Гурко производилъ выводку всѣмъ строевымъ, офицерскимъ и подъемнымъ лошадямъ полковъ дивизіи. Весьма натурально, во всей дивизіи встрѣтилось лошадей съ побитыми спинами болѣе, чѣмъ ожидалось, что произошло не отъ вины сѣдоковъ и недосмотра эскадронныхъ командировъ, а отъ труднаго похода и вѣса вьюка. Трудность похода (въ особенности для лошадей), объ которой я только что упомянулъ, состояла въ томъ, что мы, т. е. дивизія наша, шли почти безъ дневокъ. Дневкой называется день отдыха послѣ двухъ или трехъ дней переходовъ.

23 числа стояли на отдыхѣ, приготовляясь у Скулянъ перейти русскую границу. Въ этотъ день полкъ заключилъ контрактъ о довольствіи людей и лошадей съ двумя подрядчиками, такъ какъ во время похода и стоянки въ Скулянахъ только и говорили о трудности доставать фуражъ въ Румыніи.

Много было у всѣхъ въ то время занятій; но среди этой суеты и работы, офицеры находили время собираться и обѣдать всегда въ обществѣ знакомыхъ между собою товарищей по оружію, въ единственномъ очень скверненькомъ Скулянскомъ кабачкѣ, въ которомъ съ утра до вечера раздавалась румынская пѣсенка, исполняемая странствующими пѣвцами-румынами.

24 рано утромъ, въ составѣ 2-го эшелона (состоявшаго изъ лейбъ-гвардіи гусарскаго Его Величества полка, нашего и 5-й батарей), подъ начальствомъ нашего бригаднаго командира Свиты Его Величества генераль-маіора Клотъ, полкъ выступилъ изъ Скулянъ въ Яссы.

Переходъ черезъ границу и походъ по Румыніи до Зимницы.

Мы шли въ головѣ колонны; передъ самой переправой черезъ Прутъ насъ обогналъ генераль-адъютантъ Гурко; за начальникомъ дивизіи и наши солдатики съ крестнымъ знаменіемъ начали переходить границу.

И такъ, 24 августа полкъ у Скулянь перешелъ по неширокому мосту рѣку Прутъ, составляющую русскую границу. Прощай, родина, помоги Богъ вернуться домой, послуживъ вѣрою и правдою Царю и отечеству. Такъ думалось каждому.

Какъ то особенно, тихо, шли мы по неизвѣстной намъ Румыніи, и какъ то особенно вглядывались солдатики „въ заграничное“, какъ они выражались; впрочемъ, разницы противъ Бессарабіи было мало: тѣ-же пустынные, тѣ-же запущенныя степи съ рѣдкимъ населеніемъ. Переходъ былъ небольшой, 18 верстъ; а потому послѣ 3 часовъ хода показался городъ Яссы, войдя въ который, жители насъ встрѣтили очень любезно и предложили размѣститься офицерамъ на квартирахъ, а полку на площади бивуакомъ. Офицеры, отблагодаривъ Ясское общество, стали тѣмъ не менѣе въ палаткахъ рядомъ съ полкомъ, и немного отдохнувъ, разѣхались пообѣдать въ хорошіе рестораны, куда везли русскіе извозчики въ эlegantныхъ коляскахъ. Это были русскіе старообрядцы (скопцы), бѣжавшіе сюда, какъ они рассказывали, боясь преслѣдованія правительства; но теперь, говорили они, послѣ освобожденія болгаръ, надѣмся, что и намъ будетъ разрѣшено вернуться на родину безнаказанно. Городъ Яссы, хотя и не очень большой, но красивый и очень чистый, съ изящными магазинами и хорошо вымощенными улицами.

На другой день, 25 мы перешли на бивуакъ къ мызѣ Кадоешти; по маршруту считалось 37 верстъ, а ихъ было около 50, такъ какъ, выступивъ въ 7 часовъ утра, мы слѣзли съ коней только въ 4¹/₂ часа. Переходъ былъ чрезвычайно трудный; при выступленіи крапалъ маленький дождь, который смѣнилъ потомъ очень жаркій день. Намъ приходилось ежеминутно подыматься на высокія горы, которыя покрыты лиственными лѣсами всѣхъ сортовъ; горы настолько велики, что чувствуешь перемѣну воздуха на себѣ и видишь перемѣну растительности; дорогой попадаются большія села и хорошо построенныя деревни. Послѣ перехода, намъ пришлось еще сдѣлать 3 версты въ сторону отъ шоссе, чтобы дойти до мызы Кадоешти, гдѣ всѣ предполагали отдохнуть, но вышло иначе: полкъ долженъ былъ стать бивакомъ, если не совсемъ въ болотѣ, то во всякомъ случаѣ въ очень низкомъ мѣстѣ. Пища людямъ поспѣла только къ 10 часамъ вечера, такъ какъ, вслѣдствіе большого перехода, артельныя повозки съ эскадронными котлами, отправляемыя обыкновенно за нѣсколько часовъ впередъ, не могли многимъ опередить полкъ; лошади утомлялись и, приходилось дѣлать небольшія остановки, почему пищу начали готовить только почти одновременно съ приходомъ полка. Въ сумеркахъ поднялся густой туманъ, вокругъ бивуака, отъ находившейся вблизи маленькой рѣчки, а затѣмъ наступила холодная ночь.

На другой день, 26 пришли мы въ маленькій городокъ Васлуй, гдѣ расположились по квартирамъ. Содержатель тамошняго лучшаго ресторана оказался русскій, котораго привезъ сюда маленькимъ мальчикомъ какой-то графъ и оставилъ навсегда въ Молдавіи; съ тѣхъ поръ, онъ успѣлъ уже жениться на молдаванкѣ, состарѣться и обзавестись большимъ семействомъ.

27 августа мы должны были перейти въ мѣстечко Кицканы; но такъ какъ оно отстояло отъ шоссе нѣсколько верстъ въ сторону, то и было получено приказаніе встать бивуакомъ у с. Доколени, на самомъ шоссе; переходъ отъ Васлуя всего 18 верстъ. Придя въ очень маленькое с. Доколени, состоявшее изъ десятка домовъ, населенныхъ молдаванскими евреями, полкъ всталъ бивуакомъ.

Мѣсто бивуака отведено было чрезвычайно тѣсное, но другаго не было.

28 во время дневки командиръ полка дѣлалъ выводку всѣмъ строевымъ лошадямъ полка.

29 сдѣлавъ переходъ, пришли въ торговый городъ Бирлатъ.

Въ только что полученныхъ тамъ румынскихъ газетахъ говорилось о блистательныхъ подвигахъ румынской арміи и объ назначеніи принца Карла Румынскаго командовать союзными войсками подъ Плевной. Румыны были въ восторгѣ и не скрывали своихъ надеждъ, что при такихъ условіяхъ Плевна не долго продержится. Раздавшійся вечеромъ звонъ колоколовъ, сзывающій союзниковъ нашихъ молиться наканунѣ именинъ Государя, невольно заставлялъ каждыя изъ насъ желать идти скорѣе на поле брани.

Утромъ 30 или, правильнѣе сказать, на разсвѣтѣ, часа въ 4 утра, когда еще было совершенно темно, нѣсколько лошадей 2-го эскадрона, шедшихъ на водопой, испугались какой-то выбѣжавшей съ лаемъ собаки; заводныя, вырвавшись у сѣдоковъ, пустились бѣжать; не смотря на всѣ принятыя мѣры, ихъ остановить и переловить всѣхъ было нельзя, а потому дали знать объ этомъ властямъ города, прося ихъ содѣйствія. Оставили офицера съ нѣсколькими нижними чинами и дали ему марш-

руть, съ той цѣлью, чтобы онъ, собравъ всѣхъ лошадей, могъ нагнать полкъ. Порученіе это было выполнено корнетомъ Гертикомъ отчетливо.

30 августа въ 6 часовъ утра полкъ, выстроившись вмѣстѣ съ гусарскимъ и 5-ю батареею, при выходѣ изъ города, ожидалъ генераль-маіора Клото, съ приѣздомъ котораго нашъ уланскій полковой священникъ началъ служить молебень, по случаю дня Тезоименитства Государя. Послѣ молебна генераль Клотъ поздравилъ полки и громкое „ура“! вмѣстѣ съ народнымъ гимномъ, исполняемымъ обоими хорами трубачей, было отвѣтомъ на поздравленіе. Въ этотъ день полку предстоялъ большой переходъ въ 48 версть.

Не доходя съ версту до города Текучь, гдѣ мы должны были ночевать, приѣхалъ ординарецъ начальника дивизіи доложить, что генераль-адъютантъ Гурко желаетъ пропустить полки передъ собой. Въ виду самаго города, голодные и усталые, мы все таки не были уволены отъ утомительныхъ смотровъ; люди слѣзли; держа лошадей, легли на пыльную землю и въ такомъ положеніи прождали добрыхъ $\frac{3}{4}$ часа.

„Здорово, ребята!“ повторилъ каждому эскадрону приѣхавшей генераль-адъютантъ Гурко и, пропустивъ бригаду, возвратился обратно въ городъ; мы же стали на бивуакъ.

Такимъ образомъ, люди были на лошадяхъ 12 часовъ въ страшную жару, а лошади, трудно сказать, сколько времени подъ сѣдлами.

На другой день приходилось опять рано выступать, значить отдохнуть почти не удалось. Вѣроятно форсированный маршъ былъ вызванъ измѣнившимися въ послѣднее время событіями на театрѣ военныхъ дѣйствій, такъ какъ составленный въ главной квартирѣ маршрутъ, при-

сланный нашей дивизіи, былъ совершенно измѣненъ генераль-адъютантомъ Гурко.

31 должны были, сдѣлавъ 25-ть версть, перейти въ г. Фокшаны: но какъ мосты черезъ р. Серретъ были сломаны, то намъ пришлось идти кругомъ и сдѣлать 40 версть. Придя въ Фокшаны, полкъ всталъ бивуакомъ. Городъ довольно красивый съ постройками своеобразной восточной архитектуры. Не въ далекѣ за Фокшанами кончается граница Молдавіи и начинается Валахія, куда мы перешли 1 сентября, послѣ 28-ми верстнаго перехода, въ городъ Римникъ, гдѣ остановились бивуакомъ за городомъ. Въ этомъ маленькомъ и некрасивомъ городѣ находятся два памятника генераль-фельдмаршалу Суворову.

Мы ждали 2 сентября съ большимъ нетерпѣніемъ, такъ какъ въ г. Бузео, куда должны были прийти послѣ перехода въ 35 версть, назначена была дневка.

Дневка была необходима для людей и въ особенности для лошадей.

Бузео, послѣ Яссы, лучший городъ изъ видѣнныхъ нами въ Румыніи (до Бухареста); много магазиновъ, ресторановъ, а главное его преимущество заключается въ томъ, что онъ находится на линіи желѣзной дороги, не въ далекѣ отъ Бухареста, такъ что нѣкоторые наши офицеры воспользовались дневкой и проѣхали въ Бухарестъ. Но невеселыя новости привезли они изъ Бухареста; говорили о неудачной атакѣ Плевны 30 августа и о нашихъ громадныхъ потеряхъ.

3 сентября была дневка; 4 перешли въ маленькое мѣстечко Мезиль, гдѣ полкъ расположился бивуакомъ у станціи желѣзной дороги.

5 перешли въ городъ Плоэшти, въ которомъ помѣщалась одно время главная квартира. Городъ чистый, красивый; почти весь полкъ расположился подъ навѣса-

ми, гдѣ стояли лошади конюшни Государя. Частный домъ, въ которомъ жилъ Государь, былъ очень простъ.

6 выступили изъ Плоэшти и послѣ 35-ти верстнаго перехода пришли въ м. Сафтикъ, гдѣ расположились бивакомъ.

7 намъ предстояло проходить чрезъ Бухарестъ, а потому въ 6 часовъ утра мы выступили съ бивуака въ мундирахъ (большую часть похода шли въ кителяхъ, имѣя поверхъ шинели), болѣе тщательно одѣвшись для прохода чрезъ столицу Румыніи, жители которой просили показать имъ Гвардію Русскаго Государя. Предъ входомъ въ городъ насъ остановили; затѣмъ поздоровавшись, обѣхалъ полки генераль-адъютантъ Гурко, а почти вслѣдъ за нимъ генераль-адъютантъ Дрентельнъ, командовавшій въ то время тыломъ арміи. Поздоровавшись съ полками, генераль-адъютантъ Дрентельнъ собралъ всѣхъ офицеровъ и сказалъ нѣсколько словъ, приблизительно слѣдующаго содержания: „Господа, гвардію ждетъ Государь, ждетъ Главнокомандующій, ждетъ корпусный командиръ и вся армія; поэтому будьте достойны и оправдайте возлагаемую на васъ надежду Государя и Русскаго народа!“

Затѣмъ, полки повернули на право, и скоро уланскій маршъ раздался въ столицѣ Румыніи. Вдоль всего Бухареста прошли мы съ музыкой и пѣсенниками; верстахъ въ 10-ти отъ города мы остановились бивакомъ у деревни Михалешти. Купленные, въ Бухарестѣ, газеты, подтверждали слухи о неудачахъ подъ Плевной, но вмѣстѣ съ тѣмъ единогласно говорили о геройской защитѣ Шипкинскаго прохода русскими войсками, отряда генераль-лейтенанта Радецкаго.

8 перешли мы въ д. Драгонешти, а 9, послѣ 25-ти верстнаго перехода, — въ плохенькій городокъ Александрію, куда собралась вся дивизія. Всѣ полки дивизіи должны были

оставить по приказанію начальника дивизіи всѣ лишнія вещи.

Въ числѣ лишнихъ вещей нижніе чины оставляли вторую пару рейтузъ, вторую пару сапогъ и всѣ чемоданы; прочія мелкія вещи и бѣлье разрѣшено взять съ собой, укладывая ихъ на ленчигъ подъ попоной. Кроме того, предписывалось оставить казначейскую повозку, переложивъ съ нея самое необходимое имущество на инструментальную и уменьшивъ укладку послѣдней. Оставить повозку для лазаретныхъ вещей и конскихъ лекарствъ; первыя положить на аптечную платформу, вторыя взять въ возможно меньшемъ количествѣ и уложить въ провіантскую повозку нестроевой роты. Оставить артельныя повозки; предметы эскадроннаго хозяйства уложить на офицерскія повозки эскадроновъ.

Не однимъ нижнимъ чинамъ пришлось дѣлать уменьшенія въ своемъ небольшомъ и безъ того багажѣ, но и офицерамъ приказано было, вмѣсто одного чемодана на человѣка, взять одинъ чемоданъ на двухъ; понятно, что офицеры, надѣясь на обѣщанный въ Турціи теплый климатъ, оставили большею, частию теплыя вещи, безъ которыхъ нельзя было всетаки обойтись въ ноябрѣ и декабрѣ мѣсяцахъ и которыя были вторично высланы изъ Петербурга.

Для присмотра за всѣми остающимися въ Александріи командами и вещами былъ назначенъ командиръ нестроевой роты нашего полка, Майоръ Шепель.

11 сентября, послѣ перехода въ 26 ворстѣ, пришли мы въ Земницу, сдѣлавшуюся уже въ то время извѣстной Европѣ, благодаря славной переправѣ русскихъ войскъ черезъ Дунай въ ночь съ 14 на 15 іюня 1877 года.

Не могу не упомянуть о переходѣ изъ Александріи въ Зимницу. Приближаясь къ этому небольшому мѣ-

стечку, положительно трудно было дышать зараженнымъ воздухомъ, особенно человѣку новому; на этой большой проѣздной дорогѣ направо и налево лежали разложившіеся трупы животныхъ; никто и не думалъ ихъ зарывать; нужно удивляться, какъ въ эту страшную жару не развились эпидемическія болѣзни.

Зимница, переходъ черезъ Дунай, Труско-Слива, Горный Студень, Горная Липпица, Бѣжанова.

Въ Зимницѣ полку отвели бивуакъ очень неудобный, вблизи госпиталя, въ который при насъ привезли около 800 человѣкъ раненыхъ; кромѣ того, на одномъ краю бивуака лежали въ гробахъ умершіе раненые, но еще не отпѣтые и не погребенные; а кругомъ бивуака валялась ободранная, разлагавшаяся и заражавшая воздухъ падаль; все это производило тяжелое и очень непріятное впечатлѣніе. Въ Зимницѣ былъ нашъ послѣдній бивуакъ въ Румыніи.

Теперь намъ предстояло, перейдя Дунай, вступить въ предѣлы Турецкой Имперіи.

Вообще, всѣмъ намъ труденъ показался форсированный походъ по Румыніи, а въ особенности не легко было пѣшей командѣ, незамѣтно сформировавшейся въ походѣ; этимъ людямъ, при заболѣваніи лошадей, приходилось дѣлать переходы пѣшкомъ. Но нужно сказать однако, что процентъ больныхъ и заболѣвающихъ былъ вообще не великъ; большинство приходили къ доктору съ больными и стертymi ногами; для больныхъ этого рода занимали подводы.

12 числа дивизія наша начала переправляться, по двумъ мостамъ, черезъ Дунай; лошадей переводили въ рукахъ по двѣ въ рядъ; лошади въ серединѣ, люди по бо-

камъ; лошади смѣло шли по мосту, устроенному чрезъ величественную, широкую и быструю рѣку.

Переправившись на тотъ берегъ, офицеры поздравляли другъ друга съ переправой, а поднявшись на крутой берегъ, полкъ съѣлъ на коней и пошелъ по турецкимъ владѣнιάмъ.

Чрезъ нѣсколько времени послѣ переправы намъ стали попадаться, одинъ за другимъ, громадныя транспорты съ ранеными, которые почти всѣ были ранены 30 августа подъ Плевной. Послѣ трехчасоваго хода мы подошли къ деревнѣ Турско-Слива, не вдаль отъ которой и встала бивуакомъ вся дивизія вмѣстѣ.

До насъ долетали отдаленныя слабыя раскаты орудій, это, какъ намъ говорили, была бомбардировка Плевны.

13 на бивакъ пріѣхали ординарцы Великаго Князя Главнокомандующаго, наши товарищи, графъ Стакельбергъ и Евреиновъ, съ которыми Его Высочество прислалъ поклонъ полку.

14, 15 и 16 стояли на бивакѣ. Всѣ эти дни шелъ дождь, а сильный холодъ напоминалъ намъ Петербургъ въ половинѣ сентября.

На 17 число дивизіи былъ назначенъ смотръ Государя, послѣ котораго предписывалось перейти на новое мѣсто, къ деревнѣ Дольная-Липница, верстѣ 30 впередъ.

Выступивъ 17 съ бивака въ 9 часовъ утра, мы пошли по направленію къ дер. Горный-Студень, гдѣ жилъ въ это время Государь и гдѣ была расположена Главная Квартира.

Около Горнаго Студеня дивизія построилась на небольшой площадкѣ и ожидала пріѣзда Главнокомандующаго.

Вскорѣ объѣхалъ дивизію, здороваясь, Великій Князь Главнокомандующій. Полкъ нашъ чрезвычайно радъ былъ

видѣть своего Шефа; громкое чистосердечное „здравія желаемъ!“ вырывалось у каждаго на радушный привѣтъ Великаго Князя.

Затѣмъ прибылъ Государь Императоръ, въ формѣ своего уланскаго полка; всѣ войска необыкновенно были счастливы видѣть Государя. Долго не умолкало дружное „ура“ и звуки народнаго гимна во всѣхъ полкахъ.

Пропустивъ войска церемоніальнымъ маршемъ и поблагодаривъ каждый эскадронъ отдѣльно, Государь собралъ къ Себѣ полковыхъ командировъ, благодарилъ ихъ за тотъ порядокъ, въ которомъ они привели свои части и выразилъ надежду, что всѣ полки поддержать свою старую боевую славу. Со смотра полки, съ музыкой и пѣсенниками впереди, шли на мѣсто новой стоянки. Всея дивизіи, какъ я сказалъ раньше, было приказано встать бивуакомъ у дер. Дольная-Липница. Бивакъ былъ чрезвычайно неудобный, лошади стояли на скатѣ горы.

Съ 18 числа былъ назначаемъ ежедневно эскадронъ по очереди отъ полковъ дивизіи, обязанный содержать караулы въ деревнѣ и кругомъ ея оцѣпленіе, для того, чтобы не пропускать въ деревню никого безъ разрѣшительной на то записки, въ виду устраненія покушеній на мелкое воровство. 19 былъ полученъ приказъ о томъ, чтобы лошадей кормить не сѣномъ а травою, которую полки должны были косить своими средствами; поэтому отъ всѣхъ полковъ и эскадроновъ назначались команды подъ начальствомъ офицеровъ для скоса травы,— ясно, что чрезъ нѣсколько дней травы вблизи бивуака не было; поэтому людямъ приходилось ходить верстъ за 6 за 8, а потомъ и за 12.

Съ 20 числа дождь шелъ цѣлые дни не переставая; такъ что людямъ съ одной парой сапогъ приходилось очень трудно.

21 числа генераль Гурко получилъ назначеніе командовать гвардейскими войсками плевненскаго отряда, а въ командованіе дивизіею вступилъ генераль-маіоръ Леоновъ, командиръ 2-й бригады нашей дивизіи.

Непрерывные дожди превратили нашъ бивакъ въ сплошную грязь; люди, не имѣя возможности хотя бы иногда переменить сапоги или рейтузы, начали болѣть кровавымъ поносомъ.

Вслѣдствіе ходатайства командующаго дивизіею, Главнокомандующій приказалъ размѣстить дивизію по окрестнымъ деревнямъ, которыхъ кругомъ было довольно много. На другой же день получено было приказаніе „встать полкамъ по квартирамъ“.

Такимъ образомъ, полкъ нашъ 29 сентября расположился въ дер. Горная-Липница, что казалось всѣмъ верхомъ блаженства. Солдатики, просушивъ и обчистивъ свои вещи, начали чистить и приводить въ порядокъ заржавѣвшіе револьверы и карабины.

Въ Главной Квартирѣ говорили, что гвардейская кавалерійская дивизія, находясь въ главномъ общемъ резервѣ арміи, простоить тутъ долго, вслѣдствіе чего начали дѣлать эскадронныя ученія; было уже сдѣлано распоряженіе притянуть обозъ, оставленный въ Александріи; но все это пришлось отставить, такъ какъ 4 октября было получено слѣдующее приказаніе: „6 часа дивизіи выступить и направиться къ Шлевнѣ, совмѣстно съ гвардейской пѣхотой“.

6 въ 7 часовъ утра, съ маленькимъ дождемъ, мы выступили изъ дер. Горная-Липница и направились чрезъ деревню Овча-Могила, по дорогѣ къ Шлевнѣ.

На пути мы встрѣчали войска, обозы, интендантскіе транспорты, маркитантовъ и т. п., тянувшихъ все туда

же. Ночлеги были назначены на биваки у Лежанских мостовъ, гдѣ и расположилась вся дивизія.

7 перешли мы въ село Боготъ, гдѣ впоследствии помѣщалась Главная Квартира. Чтобы дойти туда, мы должны были проходить чрезъ деревню Парадимъ, гдѣ жилъ въ это время Принцъ Карлъ Румынскій, командовавшій союзными арміями обложенія Плевны. Около 2 часовъ дня получено было приказаніе о томъ, что Принцъ Карлъ будетъ смотрѣть проходящія мимо вѣрныя ему войска.

На не высокомъ бугоркѣ по правую сторону дороги стоялъ Принцъ, окруженный своимъ небольшимъ штабомъ и ординарцами, преимущественно русскими офицерами, сзади которыхъ выстроился взводъ румыновъ рашіоровъ, составлявшихъ конвой Принца. Всѣ полки дивизіи проходили справа по шести, имѣя трубачей впереди головныхъ эскадроновъ, подъ звуки полковаго марша; съ каждымъ эскадрономъ Принцъ здоровался отдѣльно, а затѣмъ, по проходѣ всего полка, благодарилъ командира, удивляясь здоровому виду людей.

Когда уже совсѣмъ стемнѣло, мы встали бивакомъ у с. Боготъ.

Въ тотъ же вечеръ командующій дивизіею собралъ всѣхъ полковыхъ командировъ и передалъ имъ приказаніе: оставить всѣ повозки въ Боготѣ, а также оставить и всѣхъ больныхъ людей и побитыхъ лошадей; взять же съ собой только одинъ вьючный обозъ и двѣ или три самыя необходимыя повозки.

Всю ночь пришлось заниматься переукладкой обоза.

8 рано утромъ выступили мы въ дер. Бѣжаново, дорога была очень утомительна, приходилось часто спускаться и подыматься на крутыя горы.

Дорогой намъ встрѣтилась 3-я гвардейская пѣхотная дивизія, мѣнявшая дислокацію; она шла намъ на встрѣчу, что замедляло очень движеніе. Около 8 часовъ вечера мы остановились на бивуакѣ не въ далекѣ отъ дер. Бѣжаново, и не успѣли еще слѣзть съ лошадей, какъ въ деревнѣ вспыхнулъ пожаръ; дымъ и пламя были видны очень далеко. Эти странныя явленія повторялись почти вездѣ, при появленіи нашихъ войскъ, что даетъ право думать,—не было ли это какое нибудь заранѣе заключенное условіе, хотя жители этихъ деревень, болгаре, въ этомъ не признавались. Обозъ, хотя и самый легкій, выучный, но не могъ поспѣть за полкомъ; всѣ ночевали у костровъ, жуя черный сухарь; варки не было, вслѣдствіе поздняго времени и утомленія.

9 числа стояли мы на бивуакѣ около Бѣжанова.

9 числа кончается собственно наше мирное подготовленіе къ боевой службѣ, такъ какъ 10 было отправлено по одному взводу отъ каждаго полка для рекогносцировки мѣстности не въ далекѣ отъ Софійскаго шоссе; отъ нашего полка ѣздилъ поручикъ Гордѣевъ; по командуемому имъ взводу турки открывали огонь, но къ счастью все обошлось благополучно.

И такъ 10, впервые, мимо уланъ пролетѣли турецкія пули.

11 опять былъ отправленъ взводъ подъ командой поручика барона Будбергъ, который вернулся, также не потерявъ никого. Въ тотъ же день вечеромъ была получена диспозиція, согласно которой полкъ нашъ долженъ былъ выступить въ 2 часа по-полуночи 12 октября и, вставъ на Софійское шоссе или вблизи него, оберегать тылъ и лѣвый флангъ пѣхоты, овладѣвающей Горнымъ Дубнякомъ.

Съ ранняго утра 11 начались приготовления; всѣ суетились: кто укладывалъ въ заведенные походомъ выюки вещи, кто несъ остальные вещи въ артельныя повозки, только что прїѣхавшія изъ Богота съ сухарями.

Въ полку шла раздача сухарей на 6 сутокъ, патронъ и т. п., такъ какъ приказано было, чтобы за р. Видь (Горный Дубнякъ за р. Видомъ) не было никакого колеснаго обоза.

Къ вечеру все какъ будто успокоилось; люди были сильно уставши; многіе изъ насъ пробовали заснуть, но никому не спалось — новыя чувства и мысли охватывали каждаго; всякій будто шептался съ товарищами, лежа на землѣ и грѣясь у жарко-горящаго костра. Каждый солдатъ сжигалъ въ этотъ вечеръ свой небольшой запасъ дровъ, припасенный имъ, можетъ быть, еще на нѣсколько дней стоянки; только иногда слышались негромкіе взрывы, какъ казалось, ненатуральнаго смѣха, или какая нибудь жалобная, но задумчивая пѣсенка.

День Горнаго Дубняка.

Въ 12 часовъ ночи приказано было начать сѣдлать; въ часъ объѣхалъ полкъ командиръ полка, затѣмъ командиръ бригады, и около двухъ часовъ прїѣхалъ командующій дивизіею.

Приказано было говорить какъ можно тише и меньше шумѣть, въ виду близости непріятеля. Вообще, въ выступленіи первый разъ въ бой было что то новое, таинственное, во всей своей обстановкѣ.

Мы выступили справо по три, набожно крестясь и вспоминая въ эти минуты родныхъ, оставленныхъ, можетъ, навсегда.

Около трехъ часовъ ночи мы подошли къ рѣкѣ Виду и начали переходить въ бродъ эту широкую, но мелкую и вмѣстѣ съ тѣмъ быструю рѣку.

Подъ ногами, журча по каменьямъ, мчатся потоки воды, какъ будто перегоняя другъ друга, а на небѣ такъ тихо и такъ величественно: мѣсяцъ плыветъ по чистому простору; звѣзды ясно блещутъ; природа спитъ. Вся окружающая обстановка невольно заставляеть задумываться и вѣрить еще больше, чѣмъ когда нибудь, въ Бога и Его предопредѣленіе.

Около 4-хъ часовъ мы подошли къ дер. Чириково, гдѣ должны были ждать до 6 часовъ утра. Какъ только слѣзли съ лошадей, всѣ забылись и скоро оба полка бригады спали; только изрѣдка доносилось откуда нибудь понуканіе лошади, желавшей высвободиться изъ рукъ заснувшего солдата.

Утро было холодное, вѣтеръ такъ и пронизывалъ насъ.

Скоро начало разсвѣтать и мы стали готовиться къ дѣлу, начали живо скатывать шинели, такъ какъ приказано было быть въ мундирахъ; затѣмъ въ 6 час. утра мы уже сидѣли на лошадяхъ и ждали прохода пѣхоты, загородившей намъ дорогу въ деревню; шли Финляндскій и Павловскій полки. Пропустивъ пѣхоту, мы продвинулись впередъ, прошли деревню, затѣмъ поднялись въ гору, откуда были посланы наѣздники всего полка подъ командою штабсъ-ротмистра Манюкина съ приказаніемъ, идя впереди полка, освѣщать мѣстность и, если возможно, дойдя до Софійскаго шоссе, немедленно разрушить телеграфъ.

Полкъ, между тѣмъ, въ резервной колоннѣ, по эскадронно, двигался по направленію, взятому наѣздниками,

находясь въ тоже время въ связи съ лейбъ-гвардіи Финляндскимъ полкомъ.

Утро было отличное; солнце взошло какъ будто въ огнѣ, затѣмъ начало медленно и плавно подыматься. Только что поднялись мы на пригорокъ, какъ услышали орудійный выстрѣлъ; надъ полкомъ раздался какой-то неслышанный нами до сихъ поръ шумъ, не то свистъ, не то жужжанье; оказалось, что это была граната, присланная къ намъ изъ Горнаго Дубняка; вслѣдъ за нею другая, третья; затѣмъ съ нашей стороны послышались отвѣты артиллеріи, а потомъ стала ясно слышаться частая ружейная перестрѣлка, и затѣмъ, чрезъ какіе нибудь три четверти часа на правомъ флангѣ подъ Горнымъ Дубнякомъ и на лѣвомъ у Телиша, который атаковалъ лейбъ-гвардіи Егерскій полкъ и 2-ая бригада нашей дивизіи (гусары и драгуны), раздались крики „ура“!

Пушечная стрѣльба прекратилась со стороны турокъ, но подъ Горнымъ Дубнякомъ ружейная стрѣльба съ какимъ-то ожесточеніемъ все чаще и сильнѣе раздавалась; подъ Телишемъ все смолкло.

Наши наѣзники донесли, что телеграфъ уничтоженъ и что Софійское шоссе совершенно чисто, никакого движенія по нему непріятели не видно; поэтому командующій дивизіею приказалъ нашей бригадѣ съ 2-ой батареей гвардейской конной артиллеріи стать на Софійскомъ шоссе, и въ случаѣ отступленія непріятели, преслѣдовать его; а если бы къ нему шло подрѣзленіе изъ Телиша, не допустить подрѣзленіе до Горнаго Дубняка.

Стрѣльба у Горнаго Дубняка самая ожесточенная продолжалась; на устроенный перевязочный пунктъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка все чаще и чаще приносили раненныхъ; намъ было видно какъ шли въ атаку чернѣю-

щія массы нашихъ войскъ и какъ они рѣдѣли при приближеніи къ турецкимъ укрѣпленіямъ.

Часа въ 3 пріѣхавшій разѣздъ доложилъ командиру полка, что атаки наши подъ Телишемъ отбиты; потери съ нашей стороны громадныя, и что егеря съ 2-й бригадой нашей дивизіи отступаютъ. Это донесеніе было передано и командующему дивизіею; поэтому было приказано конно-гренадерскому полку и нашему 2-му дивизиону со взводомъ 5 батарей направиться къ Телишу; было около 4^{1/2} часовъ вечера, когда мы двинулись; стрѣльба подъ Горнымъ Дубнякомъ не прекращалась и оттуда приходили извѣстія, что всѣ наши атаки отбиты и потери весьма значительны; 2-й дивизионъ направился къ Телишу. Командиръ полка, а вмѣстѣ съ нимъ и я шли съ 2-мъ дивизиономъ. Пролетѣвпія надъ головами двѣ, три гранаты заставили убѣдиться, что движеніе наше непріателемъ замѣчено; мы продолжали приближаться къ Телишу, какъ вдругъ сзади раздалось громкое и долго неумолкаемое „ура!“, заставившее обернуться всѣхъ. Величественное, а вмѣстѣ и грустное представилось намъ зрѣлище: весь Горный Дубнякъ былъ въ огнѣ. Только-что пріѣхавшій ординарецъ передалъ командиру полка слѣдующее: Горный Дубнякъ взятъ; наши теперь тамъ хозяйничаютъ; съ нашей стороны потери громадныя.

2-му дивизиону уланскаго полка присоединиться къ первому и выставить аванпосты перпендикулярно къ Софійскому шоссе, фронтомъ къ Телишу.

Мы пришли на мѣсто бивуака, когда уже совсѣмъ стемнѣло; красная луна вошла на небо; Горный Дубнякъ пылалъ; оттуда раздавались безпрестанные крики „ура!“ При таковой обстановкѣ невольно каждый изъ насъ, слѣзая усталый съ лошади, снялъ фуражку и поблагодарилъ Господа за оказанное милосердіе. Но только что мы рас-

положились, чтобы хотя сколько нибудь отдохнуть, какъ начали долетать до насъ стоны и тихіе жалобные вздохи раненныхъ и умирающихъ на временномъ перевязочномъ пунктѣ. Вода была далеко и очень нехороша; тѣмъ не менѣе, почти всю ее уступили раненымъ. Нужно прибавить, что въ диспозиціи не были ясно опредѣлены промежуточные перевязочные пункты; такъ что во время самаго боя, офицеръ Финляндскаго полка, завѣдывавшій перевязочнымъ пунктомъ, полковникъ П..., обращался къ командиру полка, прося его указать ему оный. Тутъ же, рядомъ съ нами, въ наскоро разбитой палаткѣ, умиралъ командиръ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, генераль-майоръ В. Н. Лавровъ, и лежали раненные генералы, Розенбахъ и Зедделеръ, которыхъ на другой день съ нашимъ конвоемъ перевезли въ деревню Свинаръ.

Много легло въ этотъ день гвардейцевъ; но нельзя было обвинять командировъ и вообще войска въ горячности; это было первое дѣло гвардіи, значитъ нужно было рассчитывать, что гвардія поддержитъ возложенныя на нее надежды Государя. Аванпосты были уже выставлены отъ нашего 2-го эскадрона, когда присоединился 2-й дивизионъ; нѣкоторые изъ офицеровъ, не смотря на усталость, сейчасъ же поѣхали въ Горный Дубнякъ; а другіе, согрѣвъ себѣ воды въ котелкѣ, устраивали чай, заѣдая его черными сухарями. Въ продолженіи ночи все было тихо, никакихъ донесеній съ аванпостовъ не присылали, кромѣ того, что поутру было видно, какъ роятся и укрѣпляются подъ Телишемъ турки.

На другой день 13, въ 7 часовъ утра, командиръ полка поѣхалъ объѣзжать цѣпь; проѣхавъ версты двѣ, намъ сдѣлались видны массы турокъ, работавшихъ на всѣхъ укрѣпленіяхъ; подѣхавъ еще ближе, мы слѣзли съ лошадей, тихо взосли на бугорокъ, откуда были видны

въ бинокль производимыя земляныя работы и слышались заунывные сигналы.

Обѣхавъ всю линію, мы возвратились на бивуакъ, не доѣхавъ до котораго съ $\frac{1}{4}$ версты встрѣтили генераль-адъютанта Гурко. Генераль приказалъ полку идти немедленно за нимъ вмѣстѣ съ 2-й батареей; съ нами шель и лейбъ-гвардіи Гродненскій гусарскій полкъ, поднятый съ бивуака; съ этими частями генераль Гурко хотѣлъ произвести усиленную рекогносцировку, а въ случаѣ нужды вѣроятно и атаковать Телишь; но при одномъ взглядѣ на Телишскія укрѣпленія стало ясно, что послѣднее предположеніе дѣло не избыточное, почему мы и повернули на лѣво кругомъ, возвратясь на старое мѣсто бивуака.

Близкое разстояніе Горнаго Дубняка невольно соблазняло съѣздить туда; многіе офицеры поѣхали, въ томъ числѣ и я. Трудно представить себѣ это ужасное зрѣлище: направо и налѣво лежали груды тѣлъ другъ на другѣ, и турки въ своихъ фескахъ, и наши молодцы гвардейцы. Убитые лежали въ разныхъ позахъ, иногда съ сложенными пальцами для крестнаго знаменія, другихъ смерть застала вѣроятно въ моментъ рѣшительнаго наступленія, нѣкоторые съ ружьями въ рукахъ и проч.

Работа шла дѣятельная; собирали и перевязывали раненыхъ. Нѣкоторыхъ, раненыхъ наканунѣ, могли подобрать только на другой день, такъ какъ всѣхъ подходившихъ къ нимъ санитаровъ 12 октября настигала смерть или смертельныя раны.

Вернувшись на бивуакъ, мы получили приказаніе встать бригадою у деревни Свинаръ, куда сейчасъ же и перешли; бивуакъ былъ выбранъ отличный, въ дубовомъ молодомъ лѣсу, недалеко отъ ручья съ чистой водой.

Только что начали разбираться, какъ сзади раздалось нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ; дежурный эскадронъ выѣхалъ сейчасъ же; но оказалось, что это забавлялись казаки, стрѣляя въ гусей.

14 былъ отправленъ 2-й дивизионъ на аванпосты.

Командиръ полка ѣздилъ по цѣпи, но выстрѣловъ со стороны непріятеля не было.

15 1-й дивизионъ смѣнилъ на аванпостахъ 2-й дивизионъ и въ тотъ же день вечеромъ была получена диспозиція на 16 число.

Согласно диспозиціи Телишь съ трехъ сторонъ долженъ былъ быть бомбардированъ орудіями; на этотъ разъ диспозиція была составлена гораздо обстоятельнѣе; было указано, въ какомъ часу начать артиллерійскую стрѣльбу, когда стрѣлять залпами и т. д. Полкъ долженъ былъ служить прикрытіемъ 2-й батареи, которая дѣйствовала почти въ тылъ телишскимъ укрѣпленіямъ.

Телишь.

16 октября, въ воскресенье, мы не торопясь одѣлись, уложили вьюки и выступили въ 10 часовъ утра. Вся дивизія должна была собраться на Равитской горѣ, съ которой Телишь былъ отлично видѣнъ, прибывъ куда командующій дивизіею собралъ всѣхъ командировъ частей и лично объяснилъ имъ ихъ задачи.

Около 12¹/₂ часовъ дня 2-я наша батарея была уже на позиціи, а 2-ой дивизионъ не вдалекѣ, прикрывая ее. 1-ый дивизионъ былъ еще на аванпостахъ, и по диспозиціи долженъ былъ присоединиться къ полку только съ открытіемъ артиллерійской стрѣльбы. Спустя полчаса дивизионъ присоединился; но въ то же время, для обезпеченія на-

пего лѣваго фланга, были высланы наѣзники отъ 2-го дивизиона подъ командой корнета Кельчевскаго, которые донесли, что по Софійскому шоссе замѣтно движеніе какихъ-то войскъ; одновременно съ этимъ донесеніемъ было получено приказаніе отправить одинъ эскадронъ для прикрытія взвода 5-й гвардейской конной батареи, а потому командиръ полка отправилъ туда 2-й эскадронъ, 1-й оставилъ въ прикрытіе батареи, а 2-му дивизиону, подъ командой полковника Пилсудскаго, приказалъ продвинуться и встать за горкой, такъ, чтобы непріятель не могъ его видѣть. Вскорѣ послѣ этого раздалися ружейные выстрѣлы; это стрѣляли черкесы въ нашихъ наѣзниковъ; вслѣдствіе чего между ними завязалась сильная перестрѣлка; наши начали немного отступать, желая притянуть черкесовъ на скрытый дивизионъ, но они вѣроятно поняли это и, не подаваясь впередъ, продолжали частую стрѣльбу; чтобы прогнать ихъ окончателно, командиръ полка повелъ дивизионъ впередъ; тогда черкесы сами начали отступать; видя, что ихъ не особенно много, командиръ полка оставилъ на уступѣ 3-й эскадронъ и лично повелъ въ атаку 4-й эскадронъ. Лихо бросились наши молодцы за ротмистромъ Барановымъ черкесы почти обратились въ бѣгство; для преслѣдованія былъ вызванъ и 3-й эскадронъ. Мы гнали ихъ такъ далеко, что сами чуть не напали на авангардъ непріятельской пѣхоты отряда, шедшаго на помощь войскамъ Телиша; но было поздно, такъ какъ надъ Телишемъ развивался уже бѣлый флагъ. Дивизионъ нашъ былъ встрѣченъ ружейнымъ огнемъ, а главное, не желая попасть въ засаду, мы начали шагомъ отступать. Отбросивъ черкесовъ, очистивъ большое пространство отъ непріятеля и оказавшись внѣ выстрѣловъ, дивизионъ былъ остановленъ. Въ это же время прибылъ къ дивизиону, пройдя черезъ двѣ глубокия балки, 2-й эскадронъ, вы-

званный въ прикрытіе 5-ой батареи по ошибкѣ. Въ бывшемъ дѣлѣ были ранены: штабсъ-ротмистръ Сафоновъ пулею въ ногу на вылетъ и корнетъ Ухинъ, которому пуля сорвала часть верхней губы, но настолько легко, что онъ оставался въ строю. Убиты изъ нижнихъ чиновъ были: рядовые 3-го эскадрона: Сейманъ и Федосѣенко; смертельно ранены: взводный унтеръ-офицеръ 3-го эскадрона Яцемирскій, рядовой 4-го эскадрона Костяевъ и многіе другіе. Подъ полковымъ квартирмейстеромъ, штабсъ-ротмистромъ Яфимовичемъ, бывшимъ въ данное время ординарцемъ у командира полка, была убита лошадь, такъ что ему пришлось отстунать пѣшкомъ, пока рядовой 4-го эскадрона, при содѣйствіи штабсъ-ротмистра Фельдмана, не подаль отбитую имъ въ атакѣ турецкую лошадь; кромѣ того, были ранены лошади: подъ штабсъ-ротмистромъ Сулимой и корнетомъ Пилсудскимъ, которому кромѣ того пуля пробила пальто, бывшее на сѣдлѣ. Всѣмъ раненымъ была сейчасъ же сдѣлана должная перевязка, послѣ которой они отправлены были на перевязочный пунктъ, а оттуда въ 64-й военно-походный госпиталь.

Прибывшій вскорѣ ординарецъ генерала Гурко передалъ командиру полка слѣдующее: „Телишь сдался, но генераль Гурко приказалъ вамъ съ полкомъ преслѣдовать бѣгущихъ по Софійскому шоссе“. Передъ тѣмъ, чтобы описывать преслѣдованіе непріятеля, нужно сказать, что самое селеніе или мѣстечко Телишь лежитъ въ котловинѣ, отъ которой на громадное пространство тянутся кукурузныя поля по обѣ стороны Софійскаго шоссе; затѣмъ далѣе идетъ маленькая лощина, гдѣ начинается подъемъ на небольшую гору, на вершинѣ которой расположена караулка, изъ которой во время атаки по намъ были даны пушечныя выстрѣлы, на столько благополучно, что не задѣли никого.

Получивъ приказаніе, командиръ полка пошелъ съ тремя эскадронами на Софійское шоссе, а батарея, стоявшей на позиціи съ 1-мъ эскадрономъ, приказалъ присоединиться къ полку.

Выйдя на шоссе, на которомъ почти отовсюду раздавались выстрѣлы, хотя за кукурузой никого не было видно, было приказано полуэскадрону 2-го эскадрона произвести разсыпную атаку. Такъ какъ выстрѣлы не переставали, командиръ полка приказалъ и другому полуэскадрону произвести такую же атаку.

Тутъ начали приводить плѣнныхъ турокъ; вѣроятно это были баши-бузуки, такъ какъ большинство изъ нихъ были люди уже не молодые, одѣтые весьма неоднобразно, вооруженные ружьями всевозможныхъ системъ.

Плѣнныхъ приводили все болѣе и болѣе, и сейчасъ же отсылали въ Телишъ; вотъ скоро вынесли убитаго рядоваго 2-го эскадрона Михайлова; а пролетѣвшая пуля между мною и командиромъ полка, заставившая насъ оглянуться назадъ, убила на повалъ рядоваго 3-го эскадрона Бѣлогурова; смерть произошла моментально; онъ, сидя на лошади, безъ всякаго крика и стопа опустил голову на всегда; рядомъ съ нимъ стоявшіе товарищи силились его растолкать, но маленькая чуть замѣтная ранка въ переносѣ объяснила все.

Во время этой атаки былъ раненъ двумя штыковыми ранами въ високъ и животъ корнетъ Жандръ, подъ которымъ была убита лошадь и ему пришлось отбиваться пѣшкомъ, отъ пѣшаго же турка, который готовился нанести еще и третій штыковый ударъ, но рядовые: 2-го эскадрона Лосевъ и 1 эскадрона Воронцовъ убили турка и подали корнету лошадь; вскорѣ затѣмъ вернулся пѣшкомъ поручикъ Гордѣевъ, неся въ рукахъ сѣдло съ своей любимой убитой лошади.

Стрѣльба все еще не прекращалась, поэтому былъ пущенъ въ атаку первый эскадронъ.

Въ это время началось какое то сильное движеніе у караулки и было видно, какъ часть кавалеріи, примѣрно въ полуэскадронъ, двинулась по направленію къ Телишу; по всѣмъ соображеніямъ это были наши и именно кавказская бригада генераль-маіора Черевина, которая, какъ было получено донесеніе, прогнала турокъ изъ караулки; спрошенный же тутъ казакъ подтвердилъ это сомнѣніе, такъ какъ онъ сказалъ, что самъ изъ той бригады и только что вернулся оттуда; одно казалось странно: что изъ караулки въ данную минуту не было никакихъ донесеній. Чтобы войти въ связь съ кавказской бригадой, а также и для того, чтобы болѣе выяснить дѣло, выслали взводъ 1-го эскадрона подъ командой корнета графа Сиверсъ, который въ свою очередь выслалъ отъ себя наѣздниковъ; не успѣли они еще дойти до караулки, какъ выѣхавшіе оттуда всадники дали по взводу залпъ, и тутъ ясно стало, что это были черкесы.

Вслѣдствіе донесенія графа Сиверса, командующій дивизіею приказалъ полковнику Талю (командиръ 2-ой батареи) пустить по караулѣ нѣсколько гранатъ. Послѣ первой было замѣчено тамъ сильное волненіе, и стало видно, что турки поспѣшно отступаютъ; для преслѣдованія ихъ былъ отправленъ дивизионъ лейбъ-гвардіи Конно-Гренадерскаго полка.

Совсѣмъ уже стемнѣло, когда собрался весь полкъ; командующій дивизіею генераль-маіоръ Леоновъ благодарилъ уланъ за атаку и хвалилъ за молодечество и лихость.

Вслѣдъ затѣмъ мы были отведены на бивуакъ, на Ракитскую гору.

Предъ тѣмъ, чтобы слѣзть съ лошадей, командиръ полка благодарилъ полкъ за дѣло, сказавъ, что полкъ доказалъ сегодня, что онъ достоинъ славы своихъ боевыхъ предковъ; „грущу о потеряхъ, говорилъ генералъ но безъ жертвъ ни одно дѣло не дѣлается; миръ памяти храбрымъ воинамъ, на полѣ брани животь свой потерявшимъ“.

Живо слѣзли солдатики съ лошадей, скоро устроили себѣ костры и начали жарить только что добытыхъ свиней; не смотря на всю усталость, разговоры не переставали: почти никто не думалъ о снѣ; офицеры собрались въ кучки и разговаривали объ пережитыхъ ими минутахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ жалѣли и раненыхъ товарищей, которые, по мнѣнію докторовъ, были ранены довольно легко. Не долго намъ пришлось отдыхать. 17-го, въ 8 час. утра 2-й дивизионъ шелъ уже на аванпосты, а 1-й перешелъ на новое мѣсто бивуака, гдѣ вечеромъ, въ присутствіи командира бригады и всѣхъ чиновъ полка, былъ отслуженъ благодарственный молебенъ, а затѣмъ панихида по всѣмъ убитымъ наканунѣ.

18 вечеромъ было получено приказаніе всей дивизіи перейти на новый бивакъ къ дер. Махалетъ, такъ какъ дивизія вошла въ составъ войскъ, обкладывавшихъ Плевну.

Бивуакъ у Махалета.

19 утромъ мы выступили довольно рано; сѣрый день къ полудню разгулялся; дорога наша проходила черезъ дер. Свинарь и Горный Дубнякъ, послѣдній былъ почти не узнаваемъ; всѣ укрѣпленія перестроены, на нихъ стояли уже наши часовые; посрединѣ укрѣплений, на многихъ мѣстахъ были бѣлые деревянные кресты, по-

ставленные надъ тѣлами геройски павшихъ храбрецовъ 12 октября.

Затѣмъ, сдѣлавъ еще верстъ 10, мы пришли на отведенное для дивизіи мѣсто бивуака; это было голое поле, вода далеко, дровъ никакихъ; за водой приходилось ходить въ дер. Махалеть; вообще бивуакъ представлялъ всевозможные неудобства.

Только что мы установились,—пріѣхалъ ординарецъ Великаго Князя, нашъ товарищъ, штабсъ-ротмистръ графъ Стакельбергъ, благодарить всю дивизію за дѣло и въ особенности нашъ полкъ за лихую и удачную атаку 16 октября.

20 октября были отправлены отъ 4-хъ полковъ дивизіи (3-й бригады еще не было) взводы для рекогносцировки, которые не привезли никакихъ особенныхъ извѣстій; 20 же вечеромъ пришло извѣстіе, что турки бросили и ночью бѣжали изъ укрѣпленія Дольный Дубнакъ въ Плевну, такъ какъ они вѣроятно знали о прибытіи новыхъ войскъ.

21 стояли на мѣстѣ и слышали почти неумолкаемую ни днемъ, ни ночью кононаду и бомбардировку Плевны.

22, по утру 4-й эскадронъ нашего полка и 1-й гусарскаго Его Величества были отправлены въ д. Медованы, откуда 23 эскадроны эти должны были конвоировать Государя, пріѣзжавшаго осматривать позиціи Горнаго-Дубняка.

23 полкъ, въ составѣ трехъ эскадроновъ, выступилъ чрезъ деревню Князе по направленію къ городу Рахову, чтобы произвести его рекогносцировку.

Въ тотъ же день, по направленію къ городу Враца, былъ отправленъ л.-гв. гусарскій Его Величества полкъ.

Рекогносцировка наша должна была имѣть видъ набѣга, такъ какъ къ Рахову шло только два съ половиною

эскадрона, потому что два взвода были оставлены въ деревнѣ Князе, для связи съ дивизіей и гусарами. Взяты были съ собой только часть вьюковъ, такъ какъ предполагалось, что мы идемъ всего на день или на два. Сдѣлавъ въ первый день верстъ 50, мы остановились совершенно въ потьмахъ, въ какой-то котловинѣ, не вдалекѣ отъ деревни, верстахъ въ 7-ми отъ Рахова. Деревня Буковицы лежала на дорогѣ изъ г. Враца въ Рахово. Чтобы узнать, нѣтъ ли въ деревнѣ Буковицѣ турокъ, былъ отправленъ туда полуэскадронъ 1-го эскадрона подъ начальствомъ штабсъ ротмистра Лидерсъ, съ приближеніемъ котораго, бывшіе въ деревнѣ мирные турки, бросивъ оружіе, побѣжали, но были пойманы и отданы подъ стражу болгарамъ, для того, чтобы они не могли сообщить въ Рахово о нашемъ приближеніи.

Въ дер. Князе къ намъ присоединился прилично одѣтый молодой человѣкъ верхомъ, съ нашимъ казеннымъ ружьемъ за плечами, который просилъ разрѣшенія сопровождать полкъ и, въ случаѣ нужды, помочь намъ, при разговорѣ съ жителями,—такъ какъ онъ былъ болгаринъ по рожденію, а по должности сельскій учитель; онъ довольно хорошо говорилъ по русски и дорогой рассказалъ намъ, что былъ однимъ, если не революціонеромъ, то однимъ изъ главныхъ двигателей болгарскаго возстанія, высказывая при этомъ всю свою ненависть къ туркамъ.

Такъ какъ мы встали на бивакъ, когда уже было совершенно темно, то слѣзши съ лошадей, ихъ не разсѣдывали и не разводили огней, потому что жители болгаре, обрадованные нашимъ приходомъ и принесшіе по этому случаю хлѣба, вина, сѣна, ячменя, конечно даромъ, вмѣстѣ съ тѣмъ предупреждали, что сегодня ночью, въ эту деревню, должно придти шесть тысячъ турецкой пѣ-

хоты, такъ какъ на это количество людей было уже заказано хлѣба.

Турецкая пѣхота должна была идти изъ Браца въ Рахово по той именно дорогѣ, на которой мы стояли бивакомъ, слѣдовательно, могла бы окончателно раздавить наши 2^{1/2} эскадрона. Отъ 2-го эскадрона были выставлены по дорогамъ и тропинкамъ секреты, которые, въ случаѣ нужды, могли бы насъ предупредить.

Въ эту ночь одинъ болгаринъ взялся проводить поручика барона Будберга съ 4 нижними чинами до Ломъ-Паланкинскаго шоссе, для того, чтобы разрушить тамъ телеграфъ.

Дѣйствительно, это опасное порученіе баронъ Будбергъ исполнилъ очень хорошо и чрезъ два-три часа привезъ на бивакъ телеграфную проволоку; такимъ образомъ въ 6—7 верстахъ отъ Рахова, укрѣпленнаго турецкаго города, телеграфное сообщеніе было прервано съ Ломъ-Паланкой, всего 5-ю уланами.

Ночь прошла совершенно спокойно; уставшіе солдаты по очередно спали, и непріятельская пѣхота не являлась; быть можетъ, ее остановили гусары, а болѣе вѣроятя, что турки, напуганные событіями 12 и 16 октября, спѣшили скорѣе отступить, чѣмъ усиливать гарнизонъ города, оставшагося въ сторонѣ военныхъ дѣйствій.

24, когда совсѣмъ разсвѣло, мы видѣли, что провели ночь въ какой то лощинѣ, имѣвшей видъ западни, замкнутой со всѣхъ сторонъ горами; будь это не турки, а другія войска и займи проходъ дороги, то ни одному изъ насъ не пришлось бы выйти живому.

Рекогносцировка г. Рахова.

24 утромъ мы сѣли на коней и пошли по направле-
нію къ Рахову, укрѣпленія котораго были очень ясно
видны; выслали наѣздниковъ подъ командою поручика
барона Будберга и корнета графа Сиверса, но выстрѣ-
ловъ со стороны непріятели не было; бывшій же съ на-
ми старшій адъютантъ дивизіи генеральнаго штаба капи-
танъ Храповицкій (бывшій нашъ уланъ) снялъ очень удач-
но всѣ укрѣпленія; атаковать городъ съ нашими силами
было невысказано, да и не входило въ предположеніе
поэтому, исполнивъ свою задачу, мы пошли обратно къ
деревнѣ Князе, захвативъ дорогой большое стадо турецкаго
скота, такъ какъ задача кавалеріи, по приказанію генераль-
адъютанта Гурко, заключалась также и въ снабженіи и
доставленіи всему отряду мяса. Вернувшись часовъ въ 5-ть
въ дер. Князе мы остановились на бивуакъ.

Капитанъ Храповицкій поѣхалъ съ донесеніемъ къ
командующему дивизіи, а мы остались ждать приказаній,
расположившись на ночлегъ, когда уже совсѣмъ стемнѣло.
Среди ночи видны были догорающіе и тлѣющіе турецкіе
дома въ деревнѣ; нужно сказать, что вообще болгары,
послѣ прохода, или временнаго стоянія въ селахъ нашихъ
войскъ, сейчасъ же начинали проявлять свою месть, жгли
всѣ турецкіе дома и разрушали мечети, что было также
и въ дер. Князе: 23 минареть мечети возвышался надъ
турецкими и болгарскими домами, а 24 его уже не было;
часто болгарамъ за это приходилось плохо, такъ какъ
иногда занятіе деревень или селъ бывало только времен-
ное, и съ уходомъ нашихъ, туда врывалось нѣсколько
баши-бузуковъ, которые дорого отплачивали за раззоренія и
уничтоженія.

Нужно прибавить при этомъ, что русскіе начальники предпринимали всевозможныя мѣры, во избѣжаніе злоупотребленій такого рода со стороны болгаръ, но очень часто почти ничего нельзя было дѣлать, настолько видимо ожесточены и озлоблены были болгаре противъ турокъ.

25 утромъ мы получили приказаніе присоединиться къ дивизіи, куда и пришли на старый бивуакъ, приславъ заранѣе табунъ воловъ, лошадей и овецъ.

22 числа были посланы въ полкъ георгіевскіе кресты, по три на эскадронъ и одинъ на медицинскаго фельдшера,

26 и 27, стоя на бивуакѣ, куда въ это время присоединился обозъ изъ Богота, мы прислушивались къ долетающей до насъ канонадѣ со стороны Плевны.

26 пріѣзжалъ на бивуакъ адъютантъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича, нашъ уланъ, полковникъ Барановъ, который привезъ на полкъ еще девять георгіевскихъ крестовъ, пожалованныхъ Его Высочествомъ, Шефомъ Главнокомандующимъ.

Командиръ полка лично навѣшивалъ на отличившихся нижнихъ чиновъ этотъ знакъ личной храбрости. Люди были въ неописанномъ восторгѣ, да и можно было быть довольнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и согласиться, что заслужили ихъ честно.

Безпрерывная неумолкаемая канонада Плевны продолжалась, но Османъ, занявшій ее, какъ говорили, 60-ти тысячной арміей, не только не сдавался, но даже прямо передавалъ посылаемымъ къ нему парламентарамъ, что у него еще слишкомъ много запасовъ, чтобы сдаться съ голода, а что другихъ причинъ, могущихъ побудить его къ этому, онъ не видитъ, тѣмъ болѣе, что рѣшился съ арміей лучше умереть съ оружіемъ въ рукахъ, чѣмъ безъ боя сдаться въ плѣнъ.

Поэтому ясно было, что кампанія затягивалась, такъ

какъ и съ нашей стороны было рѣшено не атаковать болѣе Плевны.

Такимъ образомъ всѣ заботы были обращены на продовольственную часть арміи, такъ какъ въ сухаряхъ и соли чувствовался уже иногда недостатокъ; ноябрь наступалъ; переправа чрезъ Дунай могла прекратиться на нѣкоторое время и тогда наша армія могла быть поставлена въ безвыходное положеніе.

Холодныя ночи съ небольшими морозами все болѣе и болѣе напоминали о приближеніи зимы.

Стоянка въ деревнѣ Бренницѣ.

28 октября утромъ дивизіи нашей приказано было встать по квартирамъ вблизи дер. Махалеть. Полку назначена была дер. Бренница.

Сейчасъ же по приходѣ на мѣста было предписано отъ всѣхъ полковъ дивизіи послать офицеровъ съ небольшими командами для сбора въ окрестныхъ деревняхъ: ячменя, хлѣба, зерна и подводъ; послѣднія должны были свозить всѣ эти продукты на водяныя мельницы, имѣвшіяся въ большомъ количествѣ на рѣкѣ Искерѣ.

На мельницахъ зерно должно было обращаться въ муку и доставляться въ дер. Радомирцы, гдѣ были устроены хлѣбопекарни для всѣхъ войскъ гвардейскаго корпуса. Успѣху этого дѣла генераль Гурко придавалъ большое значеніе; въ одномъ изъ приказовъ его говорилось: „мнѣ отъ кавалеріи плѣнныхъ и баши-бузуковъ больше не надо, а главное, доставайте зерно и подводы“. Такимъ образомъ въ дивизіи началась кипучая работа; 4-й эскадронъ нашего полка былъ выдвинутъ еще верстъ за 20 въ сторону, для той же цѣли (сбора зерна) и присоединился къ полку только чрезъ нѣсколько дней.

Бренница—это брошенная болгарская деревня, какое-то грустное и тяжелое впечатлѣніе производившая на всякаго: дома стоятъ другъ отъ друга на значительномъ разстояніи, и между ними ни одного деревца и никакого признака жизни, совершенная пустыня.

На небольшой площади стоитъ церковь, крестъ съ купола которой былъ сорванъ баши-бузуками.

Священникъ, съ которымъ я говорилъ, чрезъ переводчика, рассказывалъ, что желая спасти сосуды, книги и всю церковную утварь, онъ разобралъ въ алтарѣ каменный полъ и всѣ вещи туда спряталъ. Запрестольный крестъ расколотъ на нѣсколько кусковъ, которые и лежатъ въ церкви. Мнѣ случилось въ одинъ изъ дней нашей скучной стоянки войти въ церковь; въ нее въ это время собралось много женщинъ, дѣтей и стариковъ, державшихъ на рукахъ младенцевъ, кругомъ двухъ купелей, у которыхъ два священника спѣшили производить обрядъ таинства крещенія надъ дѣтьми бѣглыхъ болгаръ, родившихся во время этого ужаснаго для родителей положенія. Обрядъ таинства крещенія производился совершенно также какъ и у насъ.

Книги въ церкви—славянскія, печатанныя частью въ Москвѣ, частью въ Царьградѣ; въ первыхъ прописаны имена Государя Императора Николая Павловича и Его Августѣйшаго семейства.

Рядомъ съ церковью находилось довольно большое, сѣрое строеніе съ маленькой вышкой, на которой виситъ доска, въ родѣ того, какъ у насъ въ деревняхъ бываютъ доски для ночныхъ караульныхъ.

Это сѣрое зданіе—сельская школа. Въ Болгаріи школа имѣется при каждой церкви. Вышка—колокольня, а доска замѣняетъ колоколь; бьютъ въ нее, и по этому глухому стуку, замѣняющему благовѣсть, собираются въ церковь набожные болгаре.

29 числа дошли до насъ слухи о взятіи города Враца, въ которомъ участвовали конно-гренадеры.

Время себѣ шло какъ-то тихо, холодно, грустно, уныло и скучно. Вечеромъ 3 ноября была получена диспозиція, согласно которой мы должны были выступить 4-го, составивъ бригаду съ гусарами, въ дер. Яблоницѣ; дорогой мы должны были ночевать въ дер. Родомирцы.

Нужно сказать, что въ занятомъ городѣ Враца оказались громадныя запасы продовольствія и большіе склады оружія, патроновъ и проч. Для того, чтобы все это не пропало даромъ, а напротивъ было бы употреблено съ пользой, былъ назначенъ отъ дивизіи въ г. Враца комендантъ, на обязанности котораго лежало привести все въ ясность, а главное поставлять все необходимое довольствіе въ отряды.

Въ помощь и распоряженіе коменданта были назначены отъ всѣхъ полковъ дивизіи сборные взводы подъ командою офицеровъ. Отъ нашего полка былъ назначенъ корнетъ Лееръ, который и перешелъ изъ Бренницы съ командуемымъ имъ взводомъ въ г. Враца и присоединился къ полку только въ началѣ марта мѣсяца.

Выступление къ Яблоницамъ.

4 ноября рано утромъ выступили мы къ дер. Радомирцы, по дорогѣ черезъ дер. Кайнары, гдѣ предстояло перейти рѣку Искеръ въ бродъ.

Никто не зналъ нашей задачи, хотя многіе говорили, что гвардія будетъ впереди всѣхъ переведена за Балканы.

За дер. Кайнары прошли довольно широкой и быстрый Икерь въ бродъ, послѣ чего, пройдя по ровной долиинѣ

версты двѣ, мы поднялись на гору, откуда влѣво намъ показался Телишь, а вправо караулка, смущавшая насъ 16 октября.

Мы пошли на караулку, подойдя къ которой были остановлены двигавшеюся по шоссе пѣхотой; шель Преображенскій полкъ; перегонять его было нельзя, такъ какъ шоссе слишкомъ узко, а по обѣимъ сторонамъ его росъ сплошной кустарникъ, поэтому полкъ былъ остановленъ. Тутъ подъѣхалъ къ намъ генералъ Гурко, шедшій съ отрядомъ, окруженный большою свитою, въ числѣ которой были иностранные офицеры, адъютанты и ординарцы Великаго Князя. Генералъ Гурко объѣхалъ весь полкъ, здоровался съ каждымъ эскадрономъ отдѣльно, при чемъ остался чрезвычайно доволенъ тѣломъ лошадей.

Прошли преображенцы, за ними тянулась артиллерія, обозъ; казалось, еслибы пришлось выждать, то врядъ ли намъ удалось бы дойти до Радомирцевъ къ ночи. Командиръ нашъ повелъ полкъ влѣдъ за преображенцами и, хотя пришлось идти очень тихо, но тѣмъ не менѣе около шести часовъ мы стали на бивуакъ у деревни Радомирцы. На другой день, 5 ноября, мы должны были перейти въ деревню Яблоницы, оставивъ весь колесный обозъ и пѣшихъ людей въ Радомирцахъ.

Въ 10 часовъ утра мы выступили; наше позднее выступленіе объясняется неудобствами идти шагъ за шагомъ за пѣхотную часть; однако все-таки догнали егерей.

Дорога чрезвычайно разнообразна и живописна; впереди лежащія горы, не скрывающіяся съ глазъ ни на минуту, придаютъ ей какой-то величественно-грозный видъ. Войска двигались, зная, что идутъ за Балканы, но кто ихъ перейдетъ и что будетъ дальше—вотъ чувство, которое заставляло призадумываться; впрочемъ, нужно сказать, что большинство солдатиковъ шло довольно весело.

Впереди насъ медленно тянулись офицерскіе и ротные вьюки л.-гв. Егерскаго полка. Большинство вьюковъ помѣщалось на ослахъ, но были также и лошади.

Кажется никто не соразмѣрялъ своихъ вьюковъ съ силами бѣдныхъ животныхъ, а всякій хотѣлъ помѣстить въ нихъ все, что у него было; были лошади съ какими-то деревянными ящиками, притроченными веревками къ обѣмъ сторонамъ сѣдла, а на спинахъ ословъ наверху вьюка помѣщались иногда беззаботно свернувшійся въ комокъ щенокъ, или глупо осматривавшаяся кругомъ утка; всѣ маленькія приключенія съ пассажирами такого рода доставляли большое удовольствіе солдатамъ и деньщикамъ. По дорогѣ у одной изъ деревень намъ пришлось видѣть очень непріятную картину: какой-то человѣческій трупъ рвали на клочки собаки; близко подъѣхать было нельзя, такъ какъ это происходило на другой сторонѣ рѣки съ довольно крутыми берегами; шедшій же около болгаринъ объяснилъ, что на это не стоитъ обращать вниманія (какъ онъ выразился) это трупъ турчанки; нѣсколькими выстрѣлами изъ револьвера удалось разогнать голодныхъ собакъ, которыхъ вообще много въ Болгаріи и Турціи.

По дорогѣ направо и налево попадались совершенно свѣжія турецкія могилы; это вѣроятно были зарыты раненые и спасавшіеся бѣгствомъ турки изъ Телиша и Радомирцевъ. Такъ какъ переходъ по величинѣ и по неровности мѣстности оказался слишкомъ великъ, то пѣхота и ночевала, не дойдя до Яблоницъ; мы же, не смотря на совершенную темноту, продолжали двигаться. Наконецъ шоссе пошло чрезъ молодой лѣсъ; вдали увидѣли безчисленное множество огней и слышался шумъ бивуака; это стояли московцы у деревни Яблоницы, а налево отъ дороги и наши линейные, они указали полку мѣсто бивуака. Такъ какъ ночь была слишкомъ темна, то нельзя было

сразу опредѣлить, гдѣ мы находимся; проснувшись же на другой день мы увидѣли, что стоимъ бивуакомъ въ саду; до того чисто и хорошо былъ дубовый лѣсъ въ перемѣжку съ фруктовыми деревьями, съ которыхъ не успѣли еще облѣтѣть листья. Къ большинству изъ деревьевъ были привязаны наши строевыя лошади. Направо и налѣво въ извѣстномъ отдаленіи возвышались горы.

6 числа праздновался полковой праздникъ л.-гв. Гусарскаго Его Величества полка, справлявшійся тутъ же, рядомъ съ нами, на бивуакѣ.

Около 2-хъ часовъ командиръ полка получилъ словесное приказаніе отъ генерала Гурко отправить одинъ дивизионъ въ дер. Романъ, для того, чтобы постами летучей почты войти въ связь съ войсками Врацкаго отряда и, кромѣ того, для посылки ежедневныхъ развѣздовъ въ окрестныя деревни.

Командиръ полка приказалъ готовиться 1-му дивизиону; а въ 5 часовъ дивизионъ, подъ командой полковника Гарденина выступилъ съ бивуака. Въ полдень подошла на бивуакъ пѣхота и затрещали сучья старыхъ дубовъ и стволы фруктовыхъ деревьевъ подъ тесаками пѣхотинцевъ.

Къ вечеру 7 числа мы узнали, что Карсъ былъ взятъ, всѣ необыкновенно обрадовались этой новости, которая къ счастью оправдалась.

Второю новостью дня была тревога въ Радомирцахъ. Дѣло было довольно важно, такъ что для разслѣдованія его генераль Гурко отправилъ временно состоявшаго при немъ начальника артиллеріи гвардейскаго корпуса генерала Бреверна и адъютанта Великаго Князя, Дерфельдена.

Впослѣдствіи оказалось, что казаки гнали вблизи деревни Радомирцы какихъ-то барановъ; нѣкоторые изъ людей, оставленныхъ при обозахъ всѣхъ частей, напали

на стадо, желая воспользоваться даровымъ жаркимъ; тогда казаки начали отгонять ихъ нагайками; кто-то крикнулъ: „турки!“—схватились за ружья и началась перестрѣлка. Къ несчастью, по близости шель гродненскій гусарь, въ фуфайкѣ и присвоенныхъ ихъ формѣ красныхъ чакчирахъ, его-то и приняли за турка и положили на мѣстѣ.

Большихъ трудовъ стоило коменданту деревни и офицерамъ уговорить людей разойтись и быть совершенно спокойными. Тревога эта какъ-бы по телеграфу была передана и дальше, погонщики приближавшихся интендантскихъ транспортовъ, услышавъ стрѣльбу и крикъ „турки“, отпрягли лошадей, бросили телѣги на дорогѣ и, одинъ перегоняя другаго, спѣшили ускакать.

8 числа утромъ на бивуакѣ у штабдорта служили благодарственный молебень по случаю взятія Карса и праздника нашего 3-го эскадрона, который нельзя было отпраздновать какъ слѣдуетъ, такъ какъ не было возможности достать даже ведра вина.

Вслѣдствіе присланнаго приказанія, 8 числа, часовъ въ 10 утра, выступилъ съ бивуака 4-й эскадронъ, который, съ двумя ротами пѣхоты, долженъ былъ занять деревню Своды—немного впереди деревни Романъ—и войти разѣздами въ связь съ дивизиономъ, стоявшимъ въ Романѣ; кромѣ того, на него возлагалась высылка ежедневныхъ разѣздовъ къ городу Орханіе.

На бивуакѣ у Яблоницъ остались, такимъ образомъ, штабъ полка, штабдортъ, и 3-й эскадронъ.

9 число простояли на мѣстѣ.

Все время, съ самага ухода 1-го дивизиона, получались очень обстоятельныя донесенія изъ Романа объ разѣздахъ и рекогносцировкахъ, производимыхъ офицерами 1-го дивизиона, иногда къ нимъ прилагались и кроки; донесенія эти сейчасъ же отправлялись въ штабъ генерала

Гурко, помѣщавшійся въ Яблоницахъ, довольно чистой деревнѣ, напоминавшей немного наши села по проѣзднымъ дорогамъ.

9 числа вечеромъ была получена диспозиція, предписывавшая пѣхотѣ атаковать Правцы и Этрополь 10 ноября, а намъ встать въ общій резервъ на бывшей позиціи Московскаго полка, у деревни Усоковица.

Бивуакъ у деревни Усоковицы.

Согласно диспозиціи, мы выступили 10 числа въ 8 часовъ утра и, дойдя до мѣста назначенія, остановились. Командиръ полка, его ординарцы и я были впереди около генерала Гурко, ожидавшаго своихъ ординарцевъ съ донесеніями. Ординарцы генерала были командированы имъ по одному въ каждый отдѣльный отрядъ и должны были послѣ перваго орудійнаго выстрѣла явиться къ генералу; однако они не ѣхали и до вечера ничего не было извѣстно объ исходѣ дня; ночевали мы на бивуакѣ у костра, а на другой день, 11 числа, командиръ полка получилъ приказаніе отъ начальника штаба, генерала Нагловскаго: оставаться на мѣстѣ въ полномъ покоѣ.

Бивуакъ былъ расположенъ на довольно высокомъ мѣстѣ, откуда ясно представлялись очертанія крутыхъ горъ, составлявшихъ, какъ оказалось, непроходимую преграду высокихъ Балканъ.

Около 12 часовъ дня намъ слышалась частая ружейная стрѣльба, а изрѣдка и раскаты орудій; однако все это было какъ-то по одиночкѣ, съ большими промежутками.

Немного нужно было воображенія, чтобы видѣть съ нашего бивуака какъ турки тащатъ въ гору орудія; но прійдя черезъ часъ, черезъ два на это же мѣсто, впечат-

лѣніе не измѣнялось: тѣ же турки тащили то же орудіе; ясно, что это были кусты, поросшіе на крутыхъ горахъ.

11 ноября день былъ отличный; всѣ сидѣли безъ мундировъ и, пригрѣваемые солнцемъ, на улицѣ же мѣняли бѣлье, — до того было жарко; но вотъ часа въ четыре набѣжала маленькая тучка; насъ обдало какою-то сыростью, и погода совершенно измѣнилась; съ вечера и весь день 12 числа шелъ дождь, во время котораго мы простояли на мѣстѣ, а вечеромъ узнали о славномъ взятіи Правцакаго прохода и города Этрополя.

Съ уходомъ 3-го эскадрона, 13 числа, рано утромъ, къ Правцамъ, на бивуакѣ остался только штандартъ, оберегаемый сборнымъ взводомъ отъ 3-го и 4-го эскадроновъ.

14 числа штабу полка было приказано перейти къ Правцамъ, куда долженъ былъ прибыть въ тотъ же день и 1-й дивизионъ. Переходъ былъ небольшой. Приближаясь къ горамъ, невольно удивлялись мы и становились въ недоумѣніе, какъ могли быть взяты такія неприступныя позиціи и проходы. Представьте себѣ узкую дорогу, пробивавшуюся между каменнымъ корридоромъ, если можно такъ выразиться, противъ котораго въ иныхъ мѣстахъ стоятъ перпендикулярно горы, составляющія заслоны, и на нихъ устроено турками нѣсколько ярусовъ искусно вырытыхъ ложементовъ.

Когда мы подошли къ Правцамъ, пошелъ сначала небольшой, но потомъ крупный дождь, такъ что на бивуакѣ намъ пришлось стать положительно въ болото.

Въ Правцахъ полкъ нашъ поступилъ въ отрядъ генерала Эллиса 1-го; а командующимъ кавалеріею этого отряда былъ назначенъ нашъ командиръ полка. Кавалерію отряда составляли: Уланскій полкъ, Гусарскій Его Величества полкъ и двѣ сотни Владикавказскаго полка. Часа въ четыре присоединился нашъ 1-й дивизионъ, вернув-

шійся изъ своей стоянки въ дер. Романъ; такимъ образомъ составилось три эскадрона.

На другой день, 15 числа, два баталіона Московскаго полка, владикавказцы, гусары и нашъ полкъ должны были произвести рекогносцировку г. Орханіе и позади лежащей мѣстности.

Исполнить это предписалъ командиръ полка, бывшій главнымъ руководителемъ этой рекогносцировки, слѣдующимъ образомъ: 1) одна сотня владикавказцевъ и три эскадрона гусаръ должны были, выступивъ съ бивуака въ 8 час. утра, идти чрезъ ущелье на дер. Скривены, гдѣ встать лицомъ противъ Орханіе и, выславъ развѣзды вправо на Лютаково, ожидать главнаго отряда, выступившаго съ бивуака въ 8¹/₂ часовъ и состоящаго: 1) изъ двухъ баталіоновъ Московскаго полка, 2) взвода пѣшей батарей и 3) нашего девизіона, такъ какъ 3-му эскадрону, стоявшему въ это время на аванпостахъ, приказано было только по проходѣ чрезъ цѣпь присоединиться къ полку, 2) Главному отряду предписывалось прямо отъ дер. Правцы выдвинуться по Софійскому шоссе, черезъ деревню Лежани, на сколько можно ближе къ гор. Орханіе. Правцы есть горный узель, изъ котораго развѣтвляются двѣ дороги: въ Этрополь и Орханіе. Самая дер. Правцы лежитъ въ началѣ весьма узкой долины, у подножья Балганъ, такъ сказать, въ горномъ ущельи; затѣмъ долина довольно значительно расширяется по мѣрѣ приближенія въ г. Орханіе, гдѣ уже она принимаетъ большіе размѣры.

Рекогносцировки города Орханіе.

Выступивъ 15 числа съ бивуака и оставивъ всѣ вещи и всѣ обозы въ Правцахъ, мы шли только на нѣсколько часовъ, такъ какъ ясно было, что взять Орханіе съ таки-

ми силами была вещь немислимая. Послѣднимъ узкимъ мѣстомъ передъ Орханіе можно считать находящуюся на самомъ шоссе большую деревню Лежани.

Не зная навѣрно, занята ли дер. Лежани, командиръ полка приказалъ сотнѣ владикавказцевъ осмотрѣть деревню.

Посланные туда наѣздники доложили, что Лежани совершенно чиста.

При выходѣ изъ Лежани становится видѣнь гор. Орханіе: представляется рядъ домовъ, среди которыхъ возвышаются двѣ высокія башни, одна изъ нихъ бѣлая—это минаретъ надъ главною городскою мечетью; а другая имѣетъ видъ нашей колокольни; но подойдя къ ней ближе, видишь, что и это тоже принадлежность мечети. И такъ городокъ Орханіе брошенъ среди долины, которую замыкають: съ лѣвой стороны, подножья Балканъ, чрезвычайно крутыя, почти отвѣсныя горы, на вершинѣ которыхъ построено пять турецкихъ укрѣпленій; затѣмъ виднѣется какой-то перерывъ—это шоссе, поворачивающее изъ Врачеша на лѣво въ Арабконакъ; далѣе противъ Орханіе на горѣ расположены три укрѣпленія одно надъ другимъ; затѣмъ правѣе видны еще укрѣпленія, но издали опредѣлить ихъ вполне пока было невозможно.

Двинулись дальше; остановивъ весь рекогносцирующий отрядъ въ Лежани, генераль Эттеръ, въ сопровожденіи ординарцевъ, вмѣстѣ со мной, поѣхалъ по шоссе къ Орханіе, сдѣлавъ съ четверть версты; движеніе наше было вѣроятно замѣчено турками, и какъ вообще они любятъ стрѣлять въ отдѣльныхъ всадниковъ, предполагая въ нихъ начальство, то и надъ нами не замедлило раздаться шипѣніе, а затѣмъ и разорвалась граната въ нѣсколькихъ саженьяхъ; мы двигались дальше; налѣво отъ дороги показалось какое-то возвышеніе—это было укрѣпленіе, брошенное турками; мы свернули съ дороги и поѣхали по вязкой и болотистой

мѣстности, прямо на него, куда забрались по крутой горѣ, оставивъ лошадей внизу.

Турецкія укрѣпленія, построенныя на крутыхъ горахъ, ясно были намъ видны; на лѣвомъ склонѣ было пять лагерей, въ которыхъ были разбиты палатки, а далѣе затѣмъ виднѣлись построенные вѣроятно на зиму шалаши; крайнимъ укрѣпленіемъ была батарея, изъ которой по намъ и былъ данъ выстрѣлъ; внизу этой батареи были расположены ряды ложементовъ, изъ которыхъ нѣсколько пуль пролетѣло не вдаль отъ насъ, однако не задѣвъ никого.

Штабсъ-ротмистръ Лидерсъ набросалъ здѣсь маленькіе кроки, послѣ чего мы вернулись въ дер. Лежани, откуда командиръ полка приказалъ отправить по направленію къ Орханіе наѣздниковъ отъ дивизіона и находящихся съ нами эскадрона гусаръ и владикавказцевъ; наѣздники выѣхали быстро впередъ и рѣдкою цѣпью покрыли всю долину, подвигаясь все ближе и ближе къ г. Орханіе.

Выѣхавшіе на встрѣчу черкесы завязали перестрѣлку; надо удивляться, какъ далеко бьютъ ихъ ружья; тутъ еще осязательнѣе чувствуется вся несостоятельность нашихъ винтовокъ; только что цѣпь наша подходила близко къ укрѣпленіямъ, сейчасъ же изъ ложементовъ турки открывали свою убійственную частую стрѣльбу, которую подъ Горнымъ-Дубнякомъ 12-го октября я сравниваю съ трескомъ быстро ѣдущей телѣги по неровному шоссе.

Изъ крайней лѣвой батареи хотя рѣдко, но все-таки стрѣляли; какъ и всегда, сперва показывался огонекъ, потомъ дымокъ, и вотъ нѣсколько секундъ проходитъ въ томительномъ ожиданіи, вотъ думаешь зажужжить и разорвется надъ головой; однако, не скоро до насъ долетали звуки выстрѣловъ, почему и можно было судить объ отдаленности укрѣпленій.

Желая заставить выдать себя и другимъ батареямъ, дивизионъ нашъ началъ обходить съ правой стороны Орханіе; только что мы начали подходить къ городу, какъ три батареи открыли огонь; къ счастью, все было недолетъ, вслѣдствіе чего мы безнаказанно взобрались на маленькую горку, откуда видны были все Орханійскія, Враческія и Лютаковскія укрѣпленія.

Гусары еще не присоединились къ намъ и не было отъ нихъ и донесеній; но такъ какъ задача наша была исполнена, то мы потихоньку начали отходить.

Пославъ гусарамъ приказаніе присоединиться къ намъ, генераль Эттеръ приказалъ выѣхать двумъ орудіямъ пѣшей батареи, приданной къ отряду, и открыть огонь по крайней батарее.

Такъ какъ дистанція была слишкомъ велика и неприятельская мѣстность очень командовала надъ нашей, то пришлось у орудій подрывать хобота, но не смотря на это, по видимому, наши снаряды не долетали; тогда начали стрѣлять по лагерямъ, и, какъ казалось, довольно удачно.

Гусары вскорѣ присоединились, причемъ командующій полкомъ, флигель-адъютантъ полковникъ баронъ Мейендорфъ, донесъ, что Лютаковскія укрѣпленія довольно значительны и заняты нѣсколькими таборами (въ таборѣ отъ 400 до 800 человекъ).

Часовъ въ шесть мы вернулись обратно къ Правцамъ.

По докладѣ генераль-маіору Эллису, командовавшему, какъ я уже сказалъ, войсками, расположенными у Правца, о рекогносцировкѣ, онъ приказалъ на завтра предпринять тоже самое, только съ большими силами.

На другой день, 16 числа, повторилось почти то же, только съ тою разницею, что на укрѣпленіе, брошенное турками, съ большимъ трудомъ ввезли нашу пѣшую 9-ти фунтовую батарею, которая и открыла огонь по неприа-

тельской батарее; къ сожалѣнію, дальнее разстояніе, командующая мѣстность и туманъ не позволяли батарее дѣйствовать успѣшно, такъ что она не заставила замолчать непріятеля. Остальныя турецкія батареи огня не открывали, такъ какъ сомкнутая кавалерія близко не подходила, иначе турки могли бы пристрѣляться и, въ случаѣ дѣйствительной атаки, мѣтко поражать наши войска, что уже и было ими отчасти достигнуто, ибо гранаты крайней батареи ложились очень удачно вдоль шоссе.

Начало уже вечерѣть, когда пріѣхавшій генералъ Эллисъ приказалъ всѣмъ отступать; турки вѣроятно приняли наше возвращеніе домой за отбитое ими наступленіе, а потому во всѣхъ почти укрѣпленіяхъ раздались крики: „алла! алла!“ (въ родѣ нашего „ура“).

Нашихъ возвращавшихся наѣздниковъ генералъ Эллисъ благодарилъ за лихость и храбрость; бывали такіе, что спѣшатся, выстрѣлять, опять на коня—и дальше.

Въ этотъ же день, трое гусарь, подъѣхавъ близко къ Орханіе, увидѣли тамъ на улицахъ черкесъ, приняли ихъ за кавказскую бригаду и довѣрчиво подъѣхали къ нимъ, тѣмъ болѣе, что они говорили по-русски, но въ это время черкесы съ гикомъ окружили ихъ; тогда гусары поняли обманъ и спѣшили ускакать, но одинъ изъ нихъ былъ тутъ же раненъ и свалился съ лошади, у другаго лошадь завязла въ болотѣ, а третьему удалось спастись и рассказать объ участи своихъ товарищей; тѣло одного изъ нихъ мы нашли чрезъ нѣсколько дней въ Орханіе, другой же былъ взятъ въ плѣнъ и отправленъ, какъ говорили болгаре, въ Константинополь. По заключеніи мира, во время размѣна плѣнныхъ, мнѣ удалось его видѣть и говорить съ нимъ. Въ полку же его считали убитымъ, какъ и найденнаго товарища.

Во время послѣдней рекогносцировки, 16 ноября, былъ

раненъ пулею въ ногу адъютантъ л.-гв. гусарскаго Его Величества полка поручикъ графъ В. А. Бобринскій.

Не могу при этомъ не пожалѣть, что не только что при каждомъ полку, но даже при цѣлой кавалерійской дивизіи нѣтъ такого учрежденія, какъ напр. при пѣхотныхъ дивизіяхъ—дивизионные лазареты, въ распоряженіи которыхъ постоянно находится довольно большое количество повозокъ.

Тяжело было видѣть, какъ этого симпатичнаго раненаго юношу несли на носилкахъ до палатки на бивуагѣ у Правца.

Пуля засѣла глубоко въ ногу и раздробила кость; на другой день его хотѣли везти на буйволовоу подводѣ въ Осиково, гдѣ помѣщалось отдѣленіе Краснаго Креста и дивизионный лазаретъ. Однако удалось устроить, что за нимъ прислали лазаретную повозку на рессорахъ. Безъ стонувъ лежалъ онъ на носилкахъ, только взглядомъ просилъ уменьшить его страданія. Онъ насколько могъ крѣпко пожалъ мнѣ руку, когда я, 17 числа, пришелъ съ нимъ проститься; я съ тяжелымъ чувствомъ вышелъ изъ палатки; я искренно любилъ этого хорошаго человѣка и товарища по службѣ и душою страдалъ за него (30 ноября графъ скончался въ Боготѣ.)

Въ ночь съ 16 на 17 число, 1-й эскадронъ нашего полка стоялъ на аванпостахъ и ночью далъ знать, что слышенъ какой-то шумъ, но что огни въ турецкихъ лагерьяхъ все такъ же горятъ; въ виду этого донесенія приказано было продвинуть аванпостную цѣпь впередъ деревни Лежани и поставить въ деревню роту Московскаго полка.

Только что начало разсвѣтать 17 ноября и стали виднѣться изъ-за тумана турецкіе лагеря, какъ въ нихъ было замѣчено что-то странное: палатки стояли на своихъ

прежнихъ мѣстахъ, но замѣтно было гораздо меньше движенія.

Поэтому пришедшему на рекогносцировку нашему полку и Московскому (гусары остались въ дер. Скривени наблюдать за Лютаковымъ) было приказано: 1) отъ полка отправить три разѣзда къ г. Орханіе; 2) остальной части полка придвинуться къ турецкому укрѣпленію; 3) отъ баталіона Московскаго полка выслать цѣпь стрѣлковъ; затѣмъ другимъ баталіонамъ наступать.

Взобравшись на брошенное турецкое укрепленіе, стало ясно, что палатки стоятъ только для вида, чтобы маскировать отступленіе, такъ какъ укрѣпленія турками брошены.

Только противъ Орханіе, казалось, какія-то массы спускаются съ горы; почему былъ вызванъ взводъ пѣшей батареи, который и открылъ огонь; но отвѣта не было, и кромѣ того, — большой недостатокъ.

Не успѣли еще прекратить стрѣльбу, какъ отъ корнета Шильдбаха сперва, а потомъ отъ поручика Левстрема и корнета Центиловича были получены донесенія о томъ, что Орханіе свободно и всѣ укрѣпленія кругомъ брошены. Поэтому наши уланы немедленно были двинуты на рысяхъ въ городъ; они прошли по всѣхъ улицамъ, а потомъ двинулась туда же и артиллерія, прикрываемая москвичами. Весь отрядъ нашъ, не остававливаясь, прошелъ черезъ городъ и шелъ дальше преслѣдовать турокъ.

Въ городѣ шоссе дѣлаетъ поворотъ налѣво, при самомъ выходѣ отсюда мы увидѣли лежащую на шоссе болгарку съ перерубленной головой, державшую въ рукахъ мертвого ребенка. Она еще дышала, а потому доктора оказали ей медицинскую помощь; но не смотря на это она скоро скончалась.

Отрядъ нашъ шелъ до деревни Врачешъ; отсюда шоссе,

повернувъ налѣво, направляется между совершенно отвѣсными горами къ Арабконаку.

Генераль Эттеръ пріостановилъ здѣсь свой небольшой отрядъ, отправивъ нашъ дивизионъ преслѣдовать непріятеля, съ приказаніемъ не увлекаться слишкомъ далеко, такъ какъ отъ флигель-адъютанта барона Мейендорфа было получено донесеніе, что Лютаково не брошено, а, напротивъ, турки въ немъ держатся. Велѣдствіе этого генераль Эттеръ отправилъ меня къ генералу Эллису доложить о занятіи Орханіе и Врачешскихъ укрѣпленій, и вмѣстѣ съ тѣмъ просить его дальнѣйшихъ приказаній.

Далеко за Лежани, на пригоркѣ, гдѣ ставилась дежурная часть Московскаго полка, нашель я генерала Эллиса. Генераль, видимо довольный донесеніемъ, приказаль сейчасъ же написать рапортъ генералу Гурко, а мнѣ приказаль ѣхать обратно съ приказаніемъ: преслѣдовать непріятеля. Мнѣ кажется, что генераль мало обратилъ вниманія на то, что Лютаково занято.

Возвращаясь чрезъ Орханіе, я видѣль какъ тамъ уже хозяйничали набѣжавшіе болгаре; они безцеремонно распоряжались въ турецкихъ домахъ, выбирая оттуда разныя по видимому не нужныя вещи, забирая съ собой желѣзныя печи, рамы и тѣмъ дѣлая положительно не жилыми насколько нибудь сохранившіяся дома; иногда братушки вступали въ драку между собой изъ за печи, куска желѣза или какого нибудь кувшина.

Возвратясь къ генералу, я нашель уже нѣсколько плѣнныхъ турокъ, которыхъ захватили въ караулахъ по шоссе.

Дѣло шло къ вечеру, быстро тѣмнѣло, вызванныя орудія открыли огонь по Лютакову; но только громкіе раскаты раздались по грознымъ Балканамъ: недолетъ былъ большой, почему стрѣльбу скоро прекратили.

Такъ какъ во Врачешахъ были найдены большіе за-

пасы, которые могли быть разхищены болгарами, то, въ предупрежденіе этого, во многихъ мѣстахъ были оставлены наши часовые. 2-й эскадронъ, отъ котораго были выставлены по тропинкамъ секреты, остался при дежурномъ баталіонѣ Московскаго полка, а другіе наши эскадроны 1-й и 3-й (4-й въ дер. Своды), вмѣстѣ съ пѣхотой, отошли къ Орханіе, гдѣ и ночевали на разсѣдывая лошадей, подъ открытымъ небомъ.

Вьючный обозъ однако пришелъ изъ Правца; поймали барановъ, достали турецкаго риса и начали солдатики и офицеры готовить себѣ завтракъ, обѣдъ и ужинъ вмѣстѣ.

При преслѣдованіи непріятели, взводу подъ командой прикомандированнаго къ полку корнета Кирасирскаго Его Величества полка Миллера, отдѣленнаго въ авангардъ дивизіона, пришлось взять съ боя двѣ караулки. Караулки—это маленькіе дома, построенные вдоль всего шоссе, на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга, въ нихъ пряталось иногда человекъ по 7, 8, 11 турецкихъ солдатъ (аскеровъ), которые при приближеніи нашихъ не сдавались, а, напротивъ, стрѣляли до тѣхъ поръ, пока ихъ не убивали, только очень немногіе сдавались въ плѣнъ.

Трудно объяснить себѣ зачѣмъ собственно оставались они спокойно ждать смерти; ихъ было слишкомъ мало, чтобы удержать наступленіе хотя бы самой маленькой части нашихъ войскъ; были-ли это фанатики, рѣшившіеся умереть, или быть можетъ турки не рассчитывали, что ихъ будутъ преслѣдовать ночью. И они, оставаясь въ караулкахъ, должны были давать знать обо всемъ, происходившемъ у насъ.

На другой день 18 числа въ 10 часовъ утра нашъ 3-й эскадронъ вмѣстѣ съ Московскимъ полкомъ, подъ начальствомъ командовавшаго Московскимъ полкомъ, пол-

ковника Гришпенберга, выступилъ по Софійскому шоссе на Арабконакъ. Въ часть пошли и мы. У Врачеша, какъ я уже говорилъ, шоссе круто поворачиваетъ влѣво и идетъ среди крутыхъ почти отвѣсно стоящихъ горъ; дорогой у караулокъ попадались убитые турецкіе солдаты, которыхъ никто и не думалъ зарывать; да нужно сказать, что и не было на это времени. Такимъ образомъ послѣ скучнаго пятичасоваго перехода, по узкой дорогѣ, мы были остановлены и поставлены на бивуакъ.

Не весело было стоять на бивуакѣ; стемнѣло, наверху звѣзды, по бокамъ какія-то темныя массы, невдалекѣ быстро бѣгущій, журчащій ручей, несущій свои пѣнистые потоки въ турецкіе лагери къ Арабконаку.

По дорогѣ тянутся обозы, идутъ отсталые, спрашивая и отыскивая свои части; на горахъ всюду постукиваютъ тесаки, обрубая сучья, или глухо раздаются удары топора,—все это чтобы согрѣться и приготовить незатѣйливую пищу, подъ открытымъ небомъ, изъ котораго какъ будто сыплетъ мелкій дождь.

18 числа 3-й эскадронъ всталъ на аванпосты, выставивъ пикеты и секреты по шоссе къ Арабконаку. Изъ этого можно видѣть; какъ мало понимали о назначеніи кавалеріи, и въ особенности объ ея употребленіи: зачѣмъ было держать въ горахъ кавалерію на аванпостахъ, зачѣмъ было посылать кавалерійскими разъѣздами брать караулки, для взятія которыхъ необходимо нужно было спѣшивать людей? Такъ что только половина могла дѣйствовать. Я долженъ оговориться, что въ приказѣ генераль-адъютанта Гурко ясно значилось: кавалеріи въ горахъ идти всегда въ хвостѣ колонны и никогда не выставлять никакихъ аванпостовъ.

**Реконсцировка Старо-Софійской дороги и переходъ дивизиона
уланъ черезъ Балканы.**

19 числа рано утромъ отъ генерала Эллиса были получены приказанія слѣдующаго рода:

1) отправить одинъ взводъ по Софійскому шоссе къ Арабонаку; 2) другому взводу подняться на гору для устройства постовъ летучей почты, чрезъ которое войти въ связь съ отрядомъ генерала Дандевиля, находившагося вблизи Этрополя.

Не успѣлъ выѣхать взводъ съ бивуака, какъ еще приказаніе: турки бѣгутъ, выступить полку немедленно для преслѣдованія, идти какъ можно дальше, не заботясь о ночлегѣ и отдыхѣ. Хотя послѣднее приказаніе касательно отдыха и показалось еще страннѣе обыкновеннаго, такъ какъ никто не могъ упрекнуть себя въ исключительной заботѣ объ отдыхѣ, но въ виду мною вышесказаннаго приходилось исполнить; поэтому 1-й и 2-й эскадроны на-скоро осѣдлали лошадей и мы двинулись.

Проходя мимо палатки генерала Эллиса, было получено отъ него еще новое приказаніе:

3) отправить сперва взводъ, потомъ эскадронъ по старой Софійской дорогѣ, для ея реконсцировки, и 4) съ ротой Московскаго полка, 2-мя орудіями л.-гв. Донской казачьей батареи и 2-мъ эскадрономъ преслѣдовать турокъ, сидящихъ въ Арабонакскихъ укрѣпленіяхъ. Намъ стали ясно видны батареи Арабонакскихъ укрѣпленій, но мы двигались дальше не смотря на то, что взводъ отъ 1-го эскадрона, отправленный согласно первому приказанію генерала Эллиса, имѣлъ уже небольшую стычку, именно взводъ, находившійся подъ начальствомъ корнета Браамса, дойдя до одной изъ караулокъ, былъ встрѣченъ изъ оконъ

выстрѣлами. Корнетъ Браамсъ на рысяхъ подвелъ свой взводъ къ караулкѣ, спѣшилъ часть людей, остальные держали лошадей, и двое уланъ, именно: унтеръ офицеръ Тычковскій и рядовой Воронцовъ бросились отворять запертую дверь; послѣ небольшихъ усилій она растворилась и нѣсколько пуль пролетѣло мимо молодцовъ, не задѣвъ къ счастью никого и ранивъ только одну лошадь; за первыми бросились въ караулку и другіе, тутъ начался рукопашный бой, жертвой котораго было пять турокъ, одинъ изъ нихъ, не желая бросить оружія, думалъ спастись бѣгствомъ, но мѣткая пуля улана положила и его на мѣстѣ. Въ это время послышался какой-то шорохъ на чердакѣ. Воронцовъ и Тычковскій бросились туда и привели двухъ плѣнныхъ, которыхъ и отправили къ генералу Эллису, для того, чтобы отъ нихъ узнать что-нибудь объ Арабонакской арміи.

Такъ какъ никакого бѣгства турокъ не было замѣчено, то генераль Эттеръ, остановивъ свой небольшой отрядъ, вернулся къ генералу Эллису, который, увидя только-что пришедшій нашъ 4-й эскадронъ изъ дер. Своды, отправилъ и его съ 1-мъ эскадрономъ для рекогносцировки Старософійской дороги; такимъ образомъ шель дивизионъ, командиромъ котораго былъ назначенъ полковникъ Пилсудскій; задача дивизиона заключалась, какъ я уже сказалъ, въ рекогносцировкѣ дороги и въ отысканіи горныхъ путей или тропинокъ для перехода части русской арміи чрезъ Балканы и спуска ея въ Софійскую долину.

Генераль Эттеръ доложилъ генералу Эллису о взятіи съ боя караулки и о томъ, что турки крѣпко сидятъ въ укрѣпленіяхъ.

Вернувшись опять къ караулкѣ, генераль Эттеръ, отправилъ взводъ корнета Браамса впередъ въ видѣ авангарда.

Корнету Браамсу приходилось проѣзжать мимо водяной мельницы, которая оказалась пустою; у этой мельницы шоссе поворачиваетъ направо, откуда ему стали видны турецкія (укрѣпленія) ложементы, которые съ его появленіемъ живо наполнились турками, не успѣвъ онъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ по немъ было дано, одинъ за другимъ, два залпа, съ большимъ трескомъ раздавшихся въ высокихъ горахъ.

Это было наше счастье, что турки въ данномъ случаѣ погорячились, имъ слѣдовало бы пропустить авангардный взводъ, дать втянуться всему нашему маленькому отряду и тогда уже открыть залпы; при узкой дорогѣ, орудія не могли бы повернуть и всѣхъ бы насъ избили до послѣдняго.

Но провидѣніе и оплошность турокъ иногда выручали насъ. Услышавъ ружейные выстрѣлы, повторенные эхомъ, генераль Эттеръ приказалъ орудіямъ повернуть и отступить обратно. Не дойдя еще до мѣста стараго бивуака, насъ остановилъ генераль Эллисъ, который получилъ приказаніе отъ генерала Гурко поставить на отдахъ гусаръ и уланъ въ Орханіе.

Вслѣдствіе этого было рѣшено дожидаться присоединенія сборнаго дивизіона и тогда всѣмъ полкомъ перейти на новую стоянку, а пока отправить туда квартирнеровъ и всѣ вьючные обозы, для приготовленія къ вечеру какойнибудь пищи.

3-му эскадрону приказано было остаться еще на день для содержанія въ отрядѣ постовъ летучей почты.

Темнѣло; а дивизіонъ однако все еще не приходилъ, но какъ всѣ вьюки были уже отправлены къ Врачешу, то командиръ полка, оставивъ письменное приказаніе полковнику Пилсудскому—немедленно по приходѣ съ дивизіономъ присоединиться къ полку во Врачешѣ, самъ

въ 7 часовъ выступилъ съ остаткомъ полка. Переходившій въ продолженіе дня дождь усиливался и мы въ эту тьму, часовъ около 11, съ удовольствіемъ увидѣли вдали огоньки, расположенные среди поля близъ дер. Врачешъ. Мы прямо и пошли на нихъ, на бивуакъ стояли финскіе стрѣлки, составлявшіе единственный заслонъ Врачешскаго отряда; опять судьба: турки занимавшіе Лютаково, могли бы выйти оттуда, пробиться чрезъ финновъ и запретить насъ въ ущельи, съ одной стороны, и съ другой турки могли бы выйти изъ Арабконака; тогда всѣ войска наши были бы въ западнѣ, изъ которой не было-бы выхода, до прибытія какихъ бы то ни было резервовъ, ближайшія войска были въ Этрополѣ, на разстояніи 35 верстъ, приблизительно.

Вставъ бивуакомъ около финновъ, солдатики подбѣгали грѣться къ кострамъ, но объясняться не могли, такъ какъ Финскій баталіонъ исключительно состоитъ изъ финляндцевъ, ни на какомъ другомъ языкѣ не говорящихъ, кромѣ своего родного. Такимъ образомъ ночевали, а дивизіонъ все еще не возвращался, командиръ полка сильно беспокоился, незная постигшей его участи. Около 12 часовъ ночи пріѣхали на бивуакъ поручики Ханъ-Нахичеванскій, баронъ Будбергъ и корнетъ графъ Сиверсъ, изъ которыхъ первые два шли съ наѣздниками отъ своихъ эскадроновъ, а послѣдній былъ посланъ для того, чтобы дивизіонъ могъ войти съ ними въ связь, но они спутались съ дороги, дивизіона не нашли и всѣ вернулись, рассказывая при этомъ, что были на той сторонѣ Балканъ и видѣли издали всю Софійскую долину.

20 числа въ 8 часовъ утра пріѣхалъ на бивуакъ баронъ Мейендорфъ, который съ гусарскимъ полкомъ стоялъ уже у Орханіе и передалъ командованіе войсками генералу Этеру.

Противъ Лютакова стоялъ на аванпостахъ эскадронъ гусаръ и, въ послѣдствіи, драгунская бригада.

Мы перешли на бивуакъ у Орханіе и встали при самомъ выѣздѣ изъ города.

Около часу по дорогѣ изъ Арабконака показались уланскіе флюгера и скоро мы увидѣли возвращающійся сборный дивизионъ.

Полковникъ Пилсудскій доложилъ командиру полка, что согласно полученнаго приказанія, онъ отправился впередъ; сначала дорога между горъ была возможна, затѣмъ онъ приказалъ дивизиону слѣзть и такимъ образомъ слѣшленные люди, можно сказать, тащили лошадей по крутымъ ступенямъ; наконецъ они взобрались на самую высшую точку, съ которой увидѣли всю разстилавшуюся внизу Софійскую долину и, почти у самаго ската горы, деревню Чуріакъ, лежавшую при входѣ въ долину; оцѣнивъ какое важное значеніе она могла имѣть въ послѣдствіи, нужно было убѣдиться, занята она или нѣтъ; поэтому полковникъ Пилсудскій отправилъ стрѣлковъ къ деревнѣ; встрѣченная тамъ болгарка объяснила, что турокъ нѣтъ, но только что вошли уланы въ улицу, какъ начали стрѣлять, то были оставшіеся черкесы, которые увидѣвъ нашихъ, до того были поражены, что начали отступать, такъ какъ думали, что это авангардъ большого отряда; они никакъ не могли себѣ представить, чтобы такая малая часть войска отважилась на этотъ трудный переходъ.

Послѣ небольшой перестрѣлки черкесы отступили, причемъ наши забрали нѣсколькихъ въ плѣнъ и захватили съ собою очень много лошадей.

Такъ какъ уже темнѣло и, кромѣ того, было приказано въ тотъ же день возвратиться, то полковникъ Пилсудскій, въ виду всего вышесказаннаго, и признавая свое

положеніе довольно опаснымъ, рѣшилъ присоединиться къ полку. Тою же убійственною дорогою приходилось опять совершать дивизиону обратное шествіе; совсѣмъ уже стѣмнѣло, когда дивизионъ добрался до перевала горъ; люди и лошади были утомлены до-нельзя; кромѣ того по неровной дорогѣ можно было легко сломать шеи людямъ и лошадямъ; поэтому полковникъ Пилсудскій рѣшилъ остаться до разсвѣта на вершинѣ той самой горы, съ которой они утромъ любовались долиною и извивавшимся шоссе, по которому тянулись большіе турецкіе транспорты.

Далеко впереди и немного вправо дивизиону были видны на горахъ костры, никто не зналъ какіе войска тамъ отдыхаютъ; были ли это турки или наши; оказалось, потомъ, что это были московцы, на позиціи у Араб-конака.

Только что начало разсвѣтать 20 ноября, дивизионъ выступилъ и около часа присоединился въ Орханіе къ остальнымъ двумъ эскадронамъ, побывавъ такимъ образомъ раньше ихъ за Балканами.

Городъ Орханіе.

Съ 21 ноября гусарамъ и нашему полку было приказано: ежедневно поставлять фуражъ изъ врачешскихъ складовъ въ отрядъ генерала Дандевилля, находившагося въ то время на горахъ и лишеннаго такимъ образомъ возможности доставать продовольствіе.

Какъ въ доставкѣ фуража, такъ и въ очереди хожденія по-эскадронно на аванпосты, противъ Лютаковскихъ укрѣпленій, нашъ полкъ очередовался съ гусарскимъ.

21 числа пріѣхалъ въ Орханіе графъ Шуваловъ *), который сейчасъ же поѣхалъ осматривать брошенныя турками позиціи и Лютаковскія укрѣпленія.

Вспоминая о складахъ во Врачешахъ, положительно удивляешься предусмотрительности турокъ: нами были найдены въ этой деревнѣ громадныя склады фуража, обуви, платья, подковъ, гвоздей, сала, мыла, патроновъ, были даже понтоны для наведенія мостовъ. Большинство или, правильнѣе, все это какъ нельзя лучше пригодилося, намъ въ особенности продовольствіе и подковы, въ которыхъ чувствовался большой недостатокъ. Черезъ нѣсколько дней строевыя лошади были подкованы этими своеобразными подковами, имѣющими видъ тонкихъ желѣзныхъ пластинокъ, по величинѣ рога копыта, у которыхъ почти на серединѣ, ближе къ низу, сдѣлано круглое отверстіе.

На обязанность кавалеріи возлагалось все, напр., генераль Эллісъ предписывалъ нашимъ полкамъ представлять для отряда мясо, что и исполнялось; откуда ни являлись цѣлыя стада воловъ, овецъ, все дѣлилось по отрядамъ; меньшая часть оставлялась для своего отряда, а большая отсылалась въ отряды графа Шувалова и генерала Элліса. Между тѣмъ въ Орханіе прибывала каждый день пѣхота, которая не очень-то церемонилась съ пустыми построиками, для того чтобы согрѣться у костровъ и сварить себѣ кусокъ мяса съ рисомъ.

Возбѣжаніе всѣхъ могущихъ быть жалобъ со стороны обывателей, командиръ полка назначилъ комендантомъ Орханіе полковника Пилсудскаго, и въ помощь ему корнета Кельчевскаго, они раздѣлили городъ на участки, назначили старшинъ и вообще хотѣли ввести какой нибудь порядокъ въ управленіи, но съ приходомъ

*) Командовавшій 2-ой гвард. пѣхотной дивизіей.

въ городъ штаба генераль-адъютанта Гурко, корпусный комендантъ вступилъ въ исправленіе своихъ обязанностей.

Въ большой орханійскій госпиталь, гдѣ помѣщались вѣроятно больные турки, начали было класть нашихъ раненыхъ, но, по совѣту докторовъ, скоро всѣхъ ихъ перенесли въ бараки, такъ какъ у многихъ дѣлалась отъ заразы гангрена. Погода стояла совершенно осенняя, сѣрые дни, шедшій безпрестанно небольшой дождь, а по временамъ и снѣгъ, дѣлали улицы города почти непроходимыми.

Скоро наступилъ день св. Георгія 26 ноября, празднуемый у насъ во 2-мъ эскадронѣ.

На бивуакѣ, кругомъ ящика, на которомъ лежалъ образъ, построились солдатики, пришли офицеры и начался молебенъ, при совершенно своеобразной обстановкѣ; грязь покрылась легкимъ слоемъ снѣга, высокія горы, окружающія нашу долину, своею бѣловатою громадою, казалось, были готовы раздавить нашъ маленькій городокъ. И тутъ, у подножья этихъ великановъ, молятся Богу христіане, русскіе солдаты, за своего Государя, „за всякую страну, село и за всѣхъ, вѣрою въ нихъ живущихъ“.

Послѣ молебна командиръ полка поздравилъ эскадронъ, а затѣмъ и всѣхъ наличныхъ георгіевскихъ кавалеровъ.

Молебенъ въ день праздника 1-го эскадрона былъ отслуженъ рано поутру, такъ какъ послѣ него эскадронъ шель на аванпосты.

25 числа прибылъ въ Орханіе генераль-адъютантъ Гурко со всѣмъ корпуснымъ штабомъ, пріѣздъ котораго сейчасъ же измѣнилъ всю обстановку города.

Въ городѣ встрѣчались уже статскіе, въ форменныхъ сюртукахъ, то были чиновники разныхъ вѣдомствъ, кор-

респонденты и проч. иногда можно было встрѣтить и сестеръ милосердія, скромно пробирающихся изъ своихъ бараконъ на часъ домой, чтобы согрѣться немного, или если не перемѣнить, то обчистить, свои высокіе личные сапоги отъ налипшей густой грязи. Вскорѣ открылся ресторанный, составившій въ это время главный сборный пунктъ города; всякій пѣшкомъ или верхомъ спѣшилъ туда, чтобы освѣжить свои запасы первой необходимости.

Съ необыкновенной быстротой все раскупалось у корпуснаго маркитанта Львова, не смотря на то, что цѣны были чрезвычайно высокія; объ этомъ не думали, лишь бы достать лишній фунтъ сахару, или стѣсть кусокъ, хотя и довольно черстваго, но бѣлаго хлѣба; не говорю о винѣ, которое доставалось чрезвычайно трудно; вся эта торговля шла въ нижнемъ этажѣ небольшого деревяннаго домика, кругомъ котораго вѣстовые солдаты держали строевыхъ офицерскихъ лошадей, рядомъ съ маленькими турецкими лошадами, осѣдланными сѣдлами всѣхъ сортовъ. Наверху же этого зданія помѣщался ресторанъ; тамъ были обѣды, завтраки; нужно было приходиться именно не въ назначенный часъ, чтобы имѣть возможность чтонибудь стѣсть, иначе при большомъ количествѣ посѣтителей приходилось самому ходить на кухню и почти силою доставать себѣ чтонибудь.

28 числа вечеромъ, командиръ полка потребовалъ меня и приказалъ сейчасъ же просить къ себѣ командующаго л.-гв. Гусарскимъ Его Величества полкомъ, флигель-адъютанта полковника барона Мейендорфа, полковника Гарденина и командира 6-й Донской батареи, флигель-адъютанта полковника Короченцова; это было часовъ около 11 вечера.

Когда всѣ собрались, генераль Этеръ объяснилъ, что

генераль-адъютантъ Гурко получилъ сегодня вечеромъ извѣстіе о томъ, что Османъ-паша вышелъ утромъ 28 числа, изъ Плевны, что бой продолжается, исходъ котораго еще неизвѣстенъ; а потому существуетъ предположеніе послать нашу свободную бригаду съ батареей завтра же 29 числа по направленію къ Яблоницѣ, для разузнанія фактовъ; впрочемъ это было одно только предупреденіе, такъ какъ приказано было быть только готовымъ, но безъ новаго распоряженія съ бивуака не выступать.

На другой день 29 числа, въ 9 час. утра, полкъ былъ совершенно готовъ для передвиженія, такъ какъ въ этотъ день мы должны были перейти на квартиры. Вслѣдствіе того, что ежедневно прибывали войска въ Орханіе, за недостаткомъ въ городѣ помѣщенія, одному изъ кавалерійскихъ полковъ съ батареей приказано было стать въ дер. Лежани; кинули жребій: пришлось перейти туда гусарамъ. Переходъ на квартиры назначенъ былъ въ 11 часовъ, а до того, желая воспользоваться предложеніемъ г-на Иванова—фотографа любителя, сопровождавшаго отрядъ генерала Гурко, мы собрались и сняли полковую группу.

Еще не успѣли разойтись, какъ издали послышались крики „ура!“, быстро переходящіе и приближающіеся къ нашему бивуаку.

Всѣ мы почти догадались въ чемъ дѣло, а пріѣхавшій отъ генераль-адъютанта Гурко ординарецъ доложилъ, что Плевна пала и Османъ-паша со всею своею арміею сдался.

Не успѣлъ онъ окончить своей радостной фразы, какъ весь бивуакъ заревѣлъ неумолкавшимъ долго „ура!“ офицеры и солдаты обнимали другъ друга, крестились, цѣловались, бросали шапки вверхъ; однимъ словомъ восторгъ былъ неподдѣльный, самый искренній; у всѣхъ

прошла мысль, что съ паденіемъ Плевны связано вѣроятно и окончаніе войны. Около часу сѣли на коней и, подъ пріятнымъ впечатлѣніемъ новости, съ пѣсенниками, перешли въ южную часть Орханіе, гдѣ и расположились по квартирамъ; въ сущности слово квартира было одно только названіе, такъ какъ часть города, въ которую мы переходили, была турецкая, и въ домахъ было выломано все что возможно: окна, двери, — однимъ словомъ, все, но и эти жилища оказались благодѣяніемъ, послѣ почти двухъ-недѣльной стоянки на бивуакѣ, по крайней мѣрѣ у солдата былъ потолокъ и хоть одна стѣна, а для русскаго солдата этого достаточно, съ его практическимъ соображеніемъ и находчивостью; они скоро устраивали себѣ жилища, въ которыхъ можно было грѣться днемъ и не очень забнуть ночью. Подвозъ фуража въ отрядъ Дандевіля между тѣмъ продолжался, равно какъ и посылка, сначала взводовъ, а затѣмъ полупэскадроновъ въ Чуриакъ.

Послѣ того, какъ 20-го ноября вернулся съ дивизиономъ изъ Чуриака полковникъ Пилсудскій, 22 числа послали туда поручика л.-гв. Семеновскаго полка Скарятина, ординарца Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго, для той же цѣли, т. е. рекогносцировки Софійской дороги, для этого составили маленькій отрядъ изъ $\frac{1}{2}$ роты пѣхоты и взвода уланъ. Взводомъ командовалъ корнетъ Целебровскій. Приказано было назначить офицера, который бы чиномъ былъ моложе Скарятина.

Поручикъ Скарятинъ съ этимъ маленькимъ отрядомъ дошелъ до Чуриака, гдѣ уже бывалъ корнетъ Целебровскій, какъ офицеръ 4-го эскадрона, ходившій съ эскадрономъ въ сборномъ дивизионѣ полковника Пилсудскаго.

По стопамъ корнета Целебровскаго шли эти $\frac{1}{2}$ роты

пѣхоты и взводъ уданъ. О случаѣ этомъ я упомянулъ лишь для выясненія истины, такъ такъ честь рекогносцировки дороги на Чуріакъ принадлежитъ единственно, всецѣло и исключительно уланамъ.

Генераль-адъютантъ Гурко оцѣнилъ значеніе Чуріака, а потому приказалъ его занять взводомъ кавалеріи; полкъ нашъ и гусары ежедневно чередовались; однако скоро и турки поняли свою непростительную ошибку, почему стали посылать туда черкесъ съ тѣмъ, чтобы прогнать наши войска.

Такъ какъ взводъ кавалеріи представлялъ слишкомъ малое сопротивленіе силамъ непріятели, то въ Чуріакъ былъ поставленъ эскадронъ Астраханскаго драгунскаго полка, а отъ нашихъ полковъ посылались уже не взводы, какъ было прежде, а полуэскадроны. Тогда между турками и нашими начали происходить мелкія стычки; для отраженія черкесъ, хотѣвшихъ главнымъ образомъ выбить нашихъ изъ деревни. Обыкновенно спѣшивались драгуны, которые изъ-за закрытія поражали ихъ пулями, и въ тоже время выходила изъ деревни сомкнутая часть легкой кавалеріи (нашего полка или гусаръ), появленіе которой было на столько дѣйствительно, что черкесы спѣшили удаляться. Большинству изъ нашихъ офицеровъ приходилось быть въ этихъ командировкахъ. Такимъ образомъ отъ полковъ сводной бригады черезъ день эскадронъ ходилъ на аванпосты и полуэскадронъ въ Чуріакъ.

Время шло и шло, никакого извѣстія о мирѣ; напротивъ говорили, что ждутъ только подгрѣпленій, для того чтобы большой массой войска перейти Балканы. Погода съ каждымъ днемъ становилась все хуже и хуже; снѣгъ сплошь покрылъ землю; начали чаще и чаще повторяться морозы; число заболѣвающихъ въ пѣхотѣ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе увеличивалось.

Ограбленные и разрушенные городскія мечети, еще до нашего прихода, превратились въ госпитали, куда ежедневно привозили больныхъ, очень часто съ отмороженными руками, ногами и проч.

Въ концѣ ноября отъ удара скончался временно-командовавшій дивизіею генераль-маіоръ Леоновъ, и вмѣсто него вступилъ въ командованіе дивизіею, какъ старшій изъ бригадныхъ командировъ, Свиты Его Величества генераль-маіоръ Клотъ.

Почти со дня взятія г. Враца, мы отдѣлились отъ перваго полка нашей бригады, л.-гв. Конно-Гренадерскаго и составили сводную бригаду съ л.-гв. Гусарскимъ Его Величества полкомъ. Командующимъ этой бригадой былъ генераль-маіоръ Эттеръ, а на мою долю выпало исполненіе должности бригаднаго адъютанта. Не буду говорить, что хлопотъ и труда за это время было не мало. Въ началѣ ноября, командующій дивизіею, а вмѣстѣ съ нимъ и штабъ дивизіи помѣстился въ дер. Новачинъ, откуда, бывало, ждешь до глубокой ночи приказаній, которыя затѣмъ и передаешь въ полки и батареи, въ видѣ парольныхъ приказаній по бригадѣ.

6-го декабря, въ день праздника св. Николая Чудотворца, въ Орханійской церкви собралось очень много офицеровъ; всѣ были рады помолиться Богу въ такой великій праздникъ. Наше стройное церковное пѣніе видимо нравилось болгарамъ, непривыкшимъ къ нему; они съ необыкновенною торопливостью слѣзили въ церковь.

7 декабря вернулся изъ разѣзда, посланнаго въ дер. Чуріакъ поручикъ баронъ Будбергъ, который доложилъ, что 6 числа у него происходила небольшая перестрѣлка съ черкесами, во время которой былъ убитъ рядовой Рябинюкъ.

Солдатики говорили, что въ этой стычкѣ были и ан-

гличане, въ какихъ-то особенныхъ металлическихъ шапкахъ; но этому нельзя было придавать никакого значенія, такъ какъ солдаты были такъ настроены, что во всякомъ они готовы были видѣть англичанина, считаемаго ими за нашего недруга.

8 декабря было получено приказаніе: полку перейти въ дер. Лежени, такъ какъ въ Орханіе прибываютъ войска 9-го корпуса.

Дѣлать было нечего, приходилось потѣсниться съ гусарами, и 9 числа мы перешли въ дер. Лежани; лошади и люди были почти что на дворѣ. Морозы съ каждымъ днемъ прибавлялись, дулъ сильный вѣтеръ, который, какъ говорится, пронизывалъ насъ вѣсь; солдатика, стоявшіе на постахъ, соединявшихъ Орханіе съ дер. Лежани и Новачиномъ, гдѣ расположенъ былъ въ то время штабъ дивизіи, и вообще тѣ, которымъ приходилось быть верхомъ въ эту стужу, обшивали свои сапоги, въ родѣ калошъ, обрѣзками буйволовоу шкуры; свои единственные рейтузы чинили какъ и чѣмъ только было возможно; вообще тяжелое и крутое время переживали они; но ни слова ропота, а, напротивъ, напѣваютъ какую нибудь пѣсенку, пока надъ костромъ варится рисъ съ говядиной.

Какъ я уже сказалъ, раньше на кавалерію возложена была также и обязанность доставлять скоть для всего отряда гр. Шувалова, такъ что для этого командировались офицеры съ небольшими командами, которые купивъ или забравъ турецкое стадо, присылали его орханійскому коменданту, на обязанности коего лежало распредѣленіе скота въ отряды и полки, соотвѣтственно численному ихъ составу.

Деревня Лежани.

Деревня Лежани лежит на шоссе; я жилъ въ домикѣ на самой дорогѣ; бывало всю ночь слышишь скрипъ колесъ разныхъ транспортовъ, обозовъ, то крики отдѣльно идущихъ отсталыхъ людей, которые увидавъ огонекъ, спѣшатъ найти около него маленькое мѣстечко, чтобы отогрѣть свои заоченѣлыя части тѣла. Утромъ, днемъ, вечеромъ, ночью—все тоже самое, идутъ роты за ротами, тянется артиллерія, лошади которой запряженные въ орудіяхъ, пройдя по обледенѣлому шоссе, притупили или потеряли подковы, поэтому ежеминутно скользять, люди бьютъ несчастныхъ животныхъ, но ни что не помогаетъ; многихъ лошадей тутъ же бросали на дорогѣ; тогда солдатики сами на себѣ иногда везутъ орудія или цѣлыя грузныя повозки; морозы становились все суровѣе и суровѣе. Нѣкоторые офицеры обращались въ Красный Крестъ, отдѣленіе котораго было при главной квартирѣ генерала Гурко, откуда выдавали безвозмездно полупубки, теплые сапоги, наушники, теплые носки, однимъ словомъ все, что только было можно.

12 числа мы получили диспозицію, согласно которой полкъ нашъ въ составѣ четырехъ полковъ дивизіи долженъ былъ 13 числа вечеромъ начать переходъ черезъ Балканы въ отрядѣ генераль-лейтенанта Вельяминова.

Путь нашъ пролегалъ по горной тропинкѣ чрезъ гору Умургачъ.

Конечно и нечего было, думать брать съ собой обоза; взяли только родъ салазокъ для возки больныхъ.

Съ утра 12 числа начались приготовленія, принимали сухари, которыхъ брали на 8 дней по $1\frac{1}{2}$ фунта на челоуѣка и какъ говорилось въ приказѣ генераль-адью-

танта Гурко „расходъ сухарей долженъ былъ быть самый правильный, подъ личнымъ наблюденіемъ гг. эскадронныхъ командировъ, иначе вся операція можетъ не удался“.

13 числа въ 5 часовъ по полудни, при морозѣ градусовъ 12, мы выступили изъ Лежани во Врачешъ. Весь обозъ былъ оставленъ въ Правцахъ подъ наблюденіемъ корнета Воейкова 1-го.

При выходѣ изъ Лежани генераль Эттеръ вступилъ въ командованіе бригадой, а въ командованіе полкомъ—полковникъ Гарденинъ, я находился при послѣднемъ.

Придя въ дер. Врачешъ, мы остановились въ ожиданіи другихъ полковъ дивизіи, такъ какъ дер. Врачешъ составляла сборный пунктъ.

Уже совсѣмъ стемнѣло, когда показался головной взводъ Конно-Гренадерскаго полка. Командующій дивизію, шедшій съ Конно-Гренадерскимъ полкомъ, объѣхавъ и поздоровавшись съ полкомъ, приказалъ всѣмъ слѣзть съ лошадей и ждать приказаній; черезъ часъ потребовали квартиреровъ и начали отводить помѣщенія для полковъ дивизіи.

Въ это время, тутъ же на воздухѣ или подъ навѣсомъ, въ ожиданіи квартиръ, быстро раскладывались костры, у которыхъ всякій спѣшилъ погрѣться; издали эти группы были чрезвычайно красивы; раскраснѣвшіеся отъ мороза лица, согрѣтые костромъ, имѣли какой-то особенный видъ; эти группы рѣзко выдѣлялись среди темной ночи.

Никто не зналъ почему насъ остановили и долго ли придется здѣсь ждать. Вскорѣ оказалось, что не только что весь отрядъ генераль-лейтенанта Вильямина не перешелъ Балканы, но что хвостъ колонны находился еще не вдалекѣ отъ Врачеша; такимъ образомъ часовъ около 11-ти всѣ разбрелись по тѣснымъ домикамъ и расположились на ночлегъ.

Деревня хотя и большая, но тѣмъ не менѣе не широко могли размѣститься собравшіеся въ ней войска (двѣ кавалерійскія бригады), да къ тому же во многихъ избахъ лежали еще оставшіеся больные; вотъ почему и приходилось человѣкъ по 6—7 офицеровъ помѣщаться въ маленькой комнаткѣ; но все это было ничего; лишь бы не подъ открытымъ небомъ проводить морозныя ночи.

14 числа стояли на мѣстѣ, днемъ выглянуло солнце, согрѣло всѣхъ, потекли ручейки и всѣмъ стало какъ-то веселѣе.

Въ ночь съ 14 на 15 число произошло въ деревнѣ небольшое несчастіе. Подъ навѣсомъ одного изъ домовъ спали четыре пѣхотныхъ солдата; костеръ догоралъ и имъ становилось холодно; одинъ изъ нихъ всталъ и, желая прибавить дровъ въ костеръ и тѣмъ услужить товарищамъ, началъ подпиливать одинъ изъ столбовъ, поддерживающихъ крышу, которая въ это время обвалилась и придавила на смерть спящихъ.

15 числа простояли во Враченѣ и вечеромъ получили приказаніе: 16 числа въ 8 часовъ утра быть готовымъ къ выступленію для перехода черезъ Балканы; вотъ главное приказаніе; кромѣ того предписывалось въ каждомъ эскадронѣ имѣть съ собой по нѣсколько человѣкъ болгаръ съ топорами, лопатами, ломами и прочими инструментами, для того чтобы въ случаѣ крайности, на сколько возможно, разработать дорогу.

Переходъ полка черезъ Балканы.

16 числа рано поутру, когда еще совсѣмъ было темно, полкъ началъ вытягиваться и выстраиваться вдоль улицы деревни Враченѣ; съ крышъ немного капало,

такъ что все предвѣщало хорошій день; поэтому я постарался одѣться полегче; на мнѣ былъ мундиръ, поверхъ котораго было надѣто теплое форменное пальто съ холоднымъ воротникомъ, позади котораго былъ накинута башлыкъ, бинокль и сумка черезъ плечо, въ которой помѣщались карты и нѣкоторыя бумаги, плитка шоколада и черные сухари; на ногахъ были двѣ пары чулокъ и большіе просторные личные сапоги, — вотъ костюмъ, въ которомъ многіе изъ насъ перешли Балканы.

Когда начало разсвѣтать, мы двинулись; впереди колонны ѣхалъ командующій дивизіею со своимъ конвоемъ, затѣмъ шель Конно-Гренадерскій полкъ, нашъ, драгуны и гусары.

Солнце взопло, разогнало тучки на небѣ, и ясный морозный день смѣнилъ туманное утро.

Не прошли мы и двухъ верстъ, какъ полкъ спѣшился и лошадей повели въ поводу.

Морозъ прихватилъ дорогу такъ, что люди и лошади начали скользить, офицеры вооружились большими палками, въ родѣ посоховъ, съ которыми и начали совершать трудный подъемъ. Сначала было весело, всякое неосторожное паденіе вызывало общій смѣхъ; нѣкоторые изъ офицеровъ держали пари, условливались платить по франку за каждое паденіе и такимъ образомъ не замѣтно подымались; по дорогѣ намъ попадались брошенные артиллерійскіе передки и прочія громоздкія вещи; наконецъ дорога пошла вправо; она пролегала вдоль горнаго ручья, круто спускающагося съ горъ; дѣлать было нечего, трудно, но тащились; наконецъ добрались до площадки; по наивности нѣкоторые думали, что, если не совсѣмъ, то половину дороги мы все-таки сдѣлали, но сейчасъ же разочаровались, увидѣвъ конно-гренадеръ, мед-

ленно движущихся на необыкновенной высотѣ; каждому думалось, неужели же и намъ туда нужно.

Такъ какъ крутизна горъ была дѣйствительно изъ ряда выходящая, то, измучившись сидишь, и кажется, что больше ничего не надо, лишь бы позволили такъ оставаться, но вотъ ведутъ лошадей — боишься отстать отъ товарищей и опять тоже самое, шагъ за шагомъ двигаешься по взбитой, снѣжной, узкой горной тропинкѣ. Перемѣнившійся вѣтеръ подулъ прямо въ лицо, солнце скрылось, небо подернулось сѣрыми тучами.

Встрѣтишь бывало солдата, спускающагося съ горъ. — Далеко-ли до конца? — Далеко ваше высокоблагородіе! отвѣтить. — И все также круто? спросишь его. — Никакъ нѣтъ, ваше выс-діе, дальше еще круче!

Невольно разсердишься на себя, зачѣмъ было предлагать вопросы, на которые получаешь такіе грустные отвѣты.

Между тѣмъ дорога становится все труднѣе и труднѣе; густой снѣгъ залепляетъ глаза, а вѣтеръ, дующій въ лицо, задерживаетъ дыханіе: наконецъ остановка, изъ головы колонны приказаніе: „приваль, — кормить лошадей“.

По счастью мы остановились въ лѣсу, гдѣ вѣтеръ былъ немного тише; живо натаскали солдатики сучьевъ, разложили небольшіе костры на мѣстахъ, гдѣ уже разводили огонь впереди шедшіе насъ войска; нѣкоторые изъ офицеровъ потребовали вьюки, растопили снѣгу въ котелкахъ или чайникахъ, положили туда чаю, который на плохомъ огнѣ долго не кипятился; наконецъ котелокъ закипалъ и скоро воды уже не было; всѣ спѣшили къ котелку, казалось, вкуснѣе приготовленнаго такимъ образомъ чая ничего не было.

Отдохнувъ часа два, мы двинулись дальше, вѣтеръ не

пересталъ, а снѣгъ продолжалъ летѣть намъ въ глаза; отчего дорога дѣлалась еще труднѣе.

Начинало уже темнѣть, всѣ мы устали до невозможности, но не было никакихъ признаковъ близкаго ночлега.

Не могу не упомянуть о шедшихъ съ нами болгаряхъ; по одеждѣ видно было, что они принаровились къ стужамъ и мятелямъ; у нихъ надѣты родъ пальто съ пришитымъ наглухо воротникомъ, закрывающимъ всю голову; пальто это такъ широко, что въ него кутаются какъ въ бурку; на ногахъ родъ лаптей изъ козьей или буйволовой кожи, а штаны изъ козьей шкуры, обращенной шерстью наружу; если добавить къ этому длинную палку, то это и составитъ полный костюмъ братушки. Нужно удивляться ихъ физической силѣ и привычкѣ; они дѣлали переходъ довольно легко, а дойдя до небольшой площадки, должно быть отъ скуки, начали пѣть и выполнять какой-то танецъ, хотя намъ было и не до того, однако эти оригинальные танцы заставили всѣхъ насъ смѣяться.

Вечерело сильно, а мы все круче и круче подымались; сядешь на косогоръ и того и гляди, что скатишься въ черную пропасть.

Совсѣмъ стемнѣло, когда мы вошли въ какой-то лѣсъ, вѣтеръ пересталъ и только снѣгъ падалъ небольшими хлопьями.

Совершенно подчиняясь судьбѣ, однако рассчитывая, что вотъ-вотъ остановятъ на ночлегъ, подымаешься или правильнѣе сказать лѣзешь, а въ другихъ мѣстахъ на четверенькахъ карабкаешься по узкой тропинкѣ. Всѣ изнемогали отъ усталости, а между тѣмъ ни огонька, ни одного звука, напоминающаго о близости бивуака; наконецъ многіе изъ офицеровъ рѣшительно не въ силахъ

идти; тогда добрые братушки предлагают свою помощь; они даютъ въ руки конецъ своей палки и, идя впереди, тащатъ такимъ образомъ въ гору. Обливаешься совсѣмъ потомъ, но только что остановишься на минуту, присядешь, а холодный вѣтеръ продуваетъ насвозь, жажда у всѣхъ сильная, но пить нечего; поэтому сидя на снѣгу, съ жадностью набираешь щепотки снѣга, которыя и глотаешь съ большимъ удовольствіемъ.

Такое томленіе продолжалось до 10 часовъ вечера; наконецъ мы увидали впереди себя какія-то сѣроватыя массы, и кое-гдѣ огоньки, это были конно-гренадеры, пришедшіе за полчаса до насъ.

Намъ видимо приходилось ночевать подъ открытымъ небомъ, на самомъ почти верху горы, называемой Умур-гачъ.

Было довольно темно, я сѣлъ на лошадь, съ тѣмъ чтобы узнать гдѣ встанетъ полкъ, но только что пріѣхавшій ординарецъ командующаго дивизіей сказалъ, что полкъ нашъ долженъ встать сейчасъ же за Конно-Гренадерскимъ.

Я слѣзъ съ лошади и гораздо выше колѣнъ увязъ въ рыхлый только что выпавшій снѣгъ; здѣсь мы должны были ночевать. Я былъ въ такомъ изнеможеніи, что, увидавъ первую попавшуюся кучку солдатъ, съ большимъ усиліемъ, тяжело вытаскивая ноги изъ глубокаго снѣга, дошелъ до нихъ; это были конно-гренадеры, у нихъ на мое счастье была разложена попонка; я повалился на нее какъ убитый и пролежалъ въ такомъ положеніи больше получаса. Однако нужно было подумать о ночлегѣ; и поблагодаривъ солдатъ за гостепріимство, которымъ непрошено воспользовался, я отправился искать своего вѣстового и свой вьюкъ. Меня пригласили пріютиться къ себѣ полковникъ Гарденинъ (командующій полкомъ) и ротмистръ Бобылевъ. Вскорѣ принесли ихъ вьюки;

расторопные солдаты разгребли немного снѣга, на который положили коверъ; надъ нимъ растянули на пикахъ полотнище палатки, служившее крышей, предохранявшей насъ отъ падашаго снѣга.

Вскорѣ начали устраивать маленькій костеръ, мокрые сучья медленно разгорались; я бросился на коверъ, сверху или вѣрнѣе весь закутавшись въ резиновую постель.

Вѣстовой досталъ мнѣ сухарей; пообедавъ и поужинавъ такимъ образомъ я думалъ заснуть, сказавъ что если понадобится, то лучше замерзну, но не встану, такъ какъ я, не смотря на свою здоровую комплекцію, положительно выбился изъ силъ.

Только что я легъ, весь мокрый, морозъ началъ дѣлать свое дѣло; я чувствовалъ, какъ сильно меня трясетъ лихорадка, и на все это я не обращалъ вниманія, лишь бы мнѣ дали заснуть; но добрые товарищи каждые четверть часа будили меня, чѣмъ и спасли, если не отъ смерти, то во всякомъ случаѣ отъ весьма серьезной болѣзни. Во время перерывовъ этого тяжелаго сна, я слышалъ отдаленные крики, то были голоса офицеровъ, солдатъ и деньщиковъ, прибывавшихъ на ночлегъ весьма разновременно.

На другой день, проснувшись или очнувшись довольно рано, мы осмотрѣлись; впереди былъ подъемъ въ гору, кругомъ тоже горы, поросшія довольно большими деревьями, а на верху сѣрое небо.

Нужно сказать, что вообще переходъ черезъ Балканы обошелся полку очень благополучно; правда, прибавилось число больныхъ; но во время подъема не было ни одного несчастнаго случая съ людьми; кажется двѣ или три лошади оборвались въ пропасть, но и тѣ, съ большими, правда, усиліями, были вытащены.

17 декабря въ 8 часовъ утра, мы опять сѣли на ко-

ней и двинулись дальше; оказалось, что ночью было получено приказаніе, которымъ намъ предписывалось идти на Чуріакъ, куда мы только теперь направились, оставивъ свое первоначальное направленіе, на дер. Жиляву, такъ какъ генераль-лейтенантъ Вельяминовъ донесъ о невозможности спуститься въ этомъ мѣстѣ.

Не очень долго приходилось намъ подниматься; скоро пошла какъ будто равнина, а затѣмъ и спускъ съ горъ; всѣ конечно слѣзли и, одинъ за однимъ, шагъ за шагомъ, начали спускаться; были такія мѣста, гдѣ мы прямо садились и съѣзжали на четверенькахъ; все шло благополучно, всѣ были рады, что приходится спускаться, значитъ, переваль былъ совершенъ. Какъ оглянешься, бывало назадъ, такъ по неволѣ удивишься, неужели были такъ высоко?

Такимъ образомъ около часа дня мы пришли въ деревню Чуріакъ, гдѣ остановились въ ожиданіи приказаній генераль-адъютанта Гурко, находившагося въ этой деревнѣ.

Генераль Гурко былъ очень удивленъ, узнавъ, что мы перешли черезъ Умургачъ, тогда какъ онъ приказалъ идти прямо на Чуріакъ, по кратчайшей дорогѣ, по которой уже прошла часть гвардейской пѣхоты и которая была рекогносцирована первый разъ сборнымъ дивизиономъ уланъ подъ начальствомъ полковника Пилсудскаго; но ординарецъ вѣроятно не успѣлъ передать этого приказанія.

Голодные, замерзшіе, мы ждали на морозѣ около часа въ этой небольшой деревнѣ. Чтобы согрѣться немного вошли въ болгарскую избу, гдѣ всѣ бросились къ огоньку, а жившій тамъ казачій офицеръ, ординарецъ генерала Гурко, угостилъ насъ, какъ казалось, очень вкуснымъ шашлыкомъ; не долго пришлось намъ наслаждаться въ

теплой избѣ; посадили на лошадей и приказали идти въ дер. Жиливу, расположенную въ Софійской долинѣ.

Такимъ образомъ мы были за Балканами, конечно не подозрѣвая во время перехода, что совершаемъ историческій фактъ и тѣмъ дополняемъ листы славной исторіи нашей храброй русской арміи.

Подходя къ дер. Жиливѣ, мы утѣшали себя, рассчитывая на небольшой отдыхъ въ теплой комнатѣ болгарскаго дома.

Около 3 часовъ квартиреры начали бѣгать по деревнѣ, отыскивая помѣщенія, которыхъ оказалось мало, такъ какъ въ деревнѣ стояла уже бригада 31-й пѣхотной дивизіи генераль-лейтенанта Вельяминова и приходилось тутъ же помѣщаться 4 полкамъ нашей дивизіи. Дѣлать было нечего, всѣ прихоти давно забыты, еще при началѣ похода, а тутъ лишь бы крыша; такимъ образомъ въ одной маленькой комнатѣ помѣщалось по 7—8 человекъ офицеровъ, а на взводъ нижнихъ чиновъ приходилась одна изба. Въ такихъ случаяхъ обыкновенно хозяева выходили изъ своихъ теплыхъ хатъ въ сѣни, гдѣ грѣлись у очага, или же безъ церемоніи все семейство болгарина ложилось въ одной комнатѣ съ офицерами.

Думали отдохнуть, но ошиблись; въ тотъ же день были высланы взводы въ деревни по направленію къ Софіи; взводы были назначены тѣ, которые не дѣлали переходъ черезъ Умургачъ съ полкомъ, а были присланы въ Чуриакъ раньше.

Полуэскадронъ былъ отъ 1-го эскадрона.

На другой день, 18 числа, была назначена рекогносцировка Ташкисенскихъ укрѣпленій, которую производилъ командиръ полка, въ должности бригаднаго командира съ полкомъ конно-гренадеръ и дивизиономъ уланъ. На рекогносцировку былъ назначенъ 2-й дивизионъ, а 2-й эскад-

ронъ конвоироваль конную казачью батарею, которая должна была от пѣхоты перейти къ нашей дивизіи.

Рекогносцировка Ташкисенскихъ укрѣпленій.

Въ 9 часовъ выступилъ 2-й дивизионъ, а только около 6-ти вернулся домой; люди очень озябли; морозъ былъ довольно сильный.

Во время этой рекогносцировки штабсъ-ротмистръ В. Д. Добошинскій, посланный съ наѣздниками впередъ, былъ смертельно раненъ пулею на вылетъ въ лѣвый бокъ. Около часа онъ былъ въ памяти, просилъ написать о ранѣ дядѣ, наградить своихъ рейткнехтовъ, и вскорѣ послѣ этого впалъ въ забытѣ; его отвезли въ лазаретъ Преображенскаго полка, гдѣ онъ и скончался въ сильныхъ мученіяхъ.

Окончивъ рекогносцировку, 2-й дивизионъ возвратился въ Жилияву, привезя съ собою много плѣнныхъ, которыхъ ночью же и отправили въ Чуріакъ къ корпусному коменданту.

Всю ночь съ 18 на 19 декабря не спалъ я въ ожиданіи пріѣзда офицера съ приказаніями; наконецъ, въ часъ ночи узнали, что, согласно диспозиціи, мы должны были выступить въ 3^{1/2} часа по полуночи и идти на дер. Горная Малина, на соединеніе съ конно-гренадерами.

Пришлось разсылать приказанія, писать приказъ, укладывать свой неприхотливый выюкъ; а 2-му дивизиону, не успѣвшему еще обогрѣться и пообѣдать какъ слѣдуетъ, снова приходилось сѣдлатъ.

На улицахъ въ разныхъ мѣстахъ догорали костры, у которыхъ, держа лошадей, грѣлись одѣтые солдатики, или, у тѣхъ же костровъ, деньщики на скоро укладывали

офицерскіе вьюки; въ другомъ мѣстѣ вѣстовой велъ офицерскую лошадь, не весело переставлявшую усталыя ноги.

Ночь была совершенно темна, морозъ довольно сильный, кое гдѣ на темномъ горизонтѣ виднѣлось зарево; были ли это костры, разведенные нашими грѣющимися солдатиками, или пожары, обозначавшіе слѣды отступленія и послѣдней злобы побѣжденнаго непріятеля, неизвѣстно.

Наконецъ, въ 3¹/₄ часа утра, гдѣ-то въ серединѣ деревни раздался сигналъ „сборъ“, и отовсюду начали выводить лошадей, а затѣмъ встрѣчались одиночные всадники, то были офицеры, отыскивающіе въ темнотѣ свои эскадроны. Вскорѣ по деревнѣ, въ разныхъ мѣстахъ начали раздаваться „здравія желаемъ ваше превосходительство“, въ отвѣтъ на здорованіе командующаго дивизіею.

Въ 3¹/₂ часа, мы выступили. Дорогой часа, въ 4¹/₂ утра, насъ встрѣтили вѣстовой и деньщикъ штабсъ-ротмистра Добошинскаго, которые сказали, что штабсъ-ротмистръ только что скончался. Всѣ, слышавшіе эти грустныя слова, невольно сняли шапки и перекрестились; сообщенная вѣсть была для насъ еще нова; трудно было свыкнуться съ мыслію, что веселый и беззаботный человѣкъ въ одну минуту дѣлается жертвою шальной черкесской пули.

Начало немного разсвѣтать, когда мы подходили къ дер. Горная Малина, а придя въ нее, было уже совершенно свѣтло. Конно-гренадеры держали въ рукахъ лошадей, готовясь соединиться и идти вмѣстѣ съ нами; такимъ образомъ въ этой деревнѣ собрались 4 полка нашей дивизіи, въ числѣ которыхъ и нашъ полкъ долженъ былъ наступать на дер. Чуканцово и Малгацово, что и было

исполнено. Высылкой отъ всѣхъ полковъ дивизіи офицерскихъ разъѣздовъ ограничили дѣйствія дивизіи въ этотъ день; хотя, совершая разныя передвиженія, мы попадали очень часто подъ непріятельскія гранаты, но онѣ не долетали, а если долетали и перелетали, то разрывались въ глубокой снѣгъ, не разрываясь.

Съ горы намъ были видны дѣйствія пѣхоты, овладѣвающей Ташкисеномъ; по всему было замѣтно, что непріятель въ себѣ не увѣренъ и ежеминутно готовъ былъ бросить занимаемая имъ грозныя укрѣпленія.

Въ тотъ же день вечеромъ мы узнали, что Арабко-накъ очищенъ и дер. Ташкисена взята, при чемъ нашимъ войскамъ досталось много плѣнныхъ, орудій и разныхъ запасовъ.

Нашей дивизіи приказано было ночевать въ дер. Чуканцово, въ которой помѣщались уже раненые Волынскаго и Прусскаго полковъ, тутъ же расположилось и отдѣленіе Краснаго Креста.

Вечеромъ 19 числа было привезено въ дер. Чуканцово тѣло покойнаго В. Д. Добошинскаго. Не пышны были похороны убитаго на войнѣ офицера, но никто объ этомъ не думалъ, лишь бы успѣть что нибудь сдѣлать въ память усопшаго товарища; часовъ въ 9 вечера къ домику, гдѣ жилъ временно-командующій полкомъ полковникъ Гарденинъ и я, привезли на саняхъ громадный деревянный гробъ, наскоро сколоченный въ деревнѣ, гдѣ скончался покойный. Гробъ поставили въ пустой сарайчикъ, такъ какъ другого помѣщенія не было; сейчасъ же назначили караулъ; освѣтили на сколько было возможно эту маленькую и низенькую комнатку, и около 10 часовъ вечера отслужена была панихида въ присутствіи всѣхъ собравшихся товарищей. Панихиду служилъ священникъ Волынскаго полка. Нашъ же священникъ, шедшій съ

полкомъ черезъ Балканы, отморозилъ себѣ во время перехода ноги, что принудило его остаться въ дер. Чуріакъ. Къ чести уважаемаго протоіерея Смѣлова, считаю долгомъ добавить, что онъ на 60-мъ году своей жизни совершалъ уже 4-й походъ и съ полкомъ былъ всюду, гдѣ позволяли силы и возможность.

Панихида произвела глубокое впечатлѣніе на большинство изъ насъ; она была такъ сказать послѣднимъ прощаніемъ съ товарищемъ, такъ какъ на другой день намъ предстояло рано выступить.

Офицеры полка, идя въ походъ, единогласно постановили, чтобы тѣла всѣхъ убитыхъ или умершихъ во время кампаніи офицеровъ, были бы препровождаемы на родину товарищами, и потому тѣло усопшаго было поручено отвезти въ Петербургъ унтеръ-офицеру 3-го эскадрона, въ которомъ служилъ покойный.

На другой день утромъ 20 декабря, идя садиться на лошадь, чтобы перейти въ дер. Черкеской, я зашелъ еще разъ поклониться праху на вѣки оставляемому нами товарищу.

Морозъ немного уменьшился, погода разгуливалась, что было очень кстати, такъ какъ намъ приходилось дѣлать большой переходъ, во время котораго мы проходили чрезъ деревни со всевозможными запасами, но мы шли дальше; наконецъ издали увидели деревню Черкеской, или черкескую деревню, въ которой думали согрѣться и хорошенько отдохнуть, но ошиблись; вся деревня была разрушена, ни одной двери, ни печки, ни рамы въ домѣ, все это было нарочно сломано и уничтожено. Въ деревнѣ остались большіе запасы ячменя и въ особенности картофеля, котораго мы, не говоря уже о солдатахъ, не ѣли почти съ самаго перехода черезъ границу, а потому изъ этого лакомства и изъ пойманныхъ въ деревнѣ

куръ, солдатики начали живо приготавливать всевозможныя кушанья.

Мы были очень рады, когда, кое-какъ переночевавъ, должны были 21 числа выступить изъ этой дер. и перейти въ дер. Смовско, подходя къ которой, мы услышали издали выстрѣлы, а стоявшій тамъ эскадронъ конно-гренадеръ объяснилъ, что по шоссе отъ Арабканака тянутся турки, которые занимаютъ впереди лежащія высоты.

Чтобы предупредить это и слѣдить за движеніемъ турокъ назначенъ былъ эскадронъ конно-гренадеръ и нашъ 2-й, которые были выставлены на аванпосты; въ самой же деревнѣ отъ всѣхъ полковъ были выставлены дежурныя части, разные секреты и т. п., въ предупрежденіе нечаяннаго ночнаго нападенія.

22 и 23 декабря стояли въ довольно богатой деревнѣ Смовско, согрѣваясь въ теплой болгарской комнаткѣ.

24 числа было получено приказаніе идти въ дер. Раковица и выслать сейчасъ же по приходѣ туда два взвода къ шоссе, идущему изъ Софіи въ Ихтиманъ. Идя въ эту деревню, мы опять проходили чрезъ Черкескію, съ неудовольствіемъ вспоминая тяжелую ночь. Масса болгаръ съ вьючными сѣдлами на ослахъ, и цѣлыми подводами на буйволахъ, спѣшили растащить кое-что изъ уцѣлѣвшаго въ деревнѣ; подводы нагружались большею частью ячменемъ.

Придя въ деревню Раковица, сейчасъ же были отправлены взводы отъ 4-го эскадрона: одинъ подъ командой штабсъ-ротмистра Сулимы, другой—подъ командой поручика Хана-Нахачеванскаго, которымъ было поручено: одному—осмотрѣть всѣ деревни лѣвѣе шоссе, идущаго изъ Софіи въ Филиппополь, и другому—правѣе. Въ

этотъ день, 24 числа, они не успѣли осмотрѣть всѣ деревни, и, такъ какъ стемнѣло, они остановились ночевать въ первыхъ деревняхъ.

На другой день, 25 декабря, въ день праздника Рождества Христова, мы простояли на мѣстѣ, но къ вечеру были получены донесенія отъ штабсъ-ротмистра Сулимы и поручика Хана-Нахичеванскаго, что въ деревняхъ бродятъ черкесы и баши-бузуки; дер. Вакарель горитъ, жители въ страхѣ, и умоляютъ о скорой помощи.

Поручику Хану-Нахичеванскому, остановившемуся на ночлегъ, пришлось разъ спѣшить всѣхъ людей и такимъ образомъ отстрѣливаться отъ наступавшихъ на деревню черкесовъ, въ которой людямъ его взвода пришлось нѣсколькихъ человѣкъ, не желавшихъ сдаться, убить, а другихъ взять въ плѣнъ; въ тотъ же вечеръ была получена диспозиція, согласно которой 26 числа бригада наша должна была двинуться на Ихтиманъ, быстрымъ появленіемъ куда спасти городъ отъ пожара. Такъ какъ отъ 4-го эскадрона были уже взводы впереди, то 4-му эскадрону было приказано идти въ авангардѣ и дать подкрѣпленіе своему полуэскадрону. Поэтому 4-й эскадронъ 26 декабря выступилъ въ семь часовъ утра; остальные три эскадрона, съ конно-гренадерскимъ полкомъ, выступили въ 8^{1/2} часовъ утра.

Утро было очень морозное, рѣзкій вѣтеръ сильно дулъ, люди зябли, намъ приходилось идти горнымъ ущельемъ и поминутно проходить въ бродъ извивающійся въ немъ быстрый ручей; наконецъ, часовъ около 12, увидѣли издали деревню съ дымящимися домами. Это была деревня Вакарель, расположенная по обѣимъ сторонамъ Софійскаго шоссе; ее наканунѣ сожгли черкесы; дома еще и теперь тлѣлись; жителей, за исключеніемъ нѣсколькихъ болгаръ, рывшихся въ грудъ угольевъ, не было;

нѣсколько свиней, столпившихся вмѣстѣ, прогуливались по выгорѣвшей деревнѣ.

Выѣхавъ на шоссе, мы увидали вправо отъ себя по направленію къ Софіи (взятой уже нашими войсками въ то время) какія-то темныя массы войскъ, двигавшихся по направленію къ Ихтиману, мы хотѣли идти, но въ это время пріѣхаль отъ генераль-адъютанта Гурко офицеръ генеральнаго штаба, шедшій съ 3-ей бригадой нашей дивизіи. Бригадѣ этой предписано взять Ихтиманъ; нашей же приказывалось поступить въ распоряженіе командира 9-го корпуса, генераль-лейтенанта барона Крюденера; поэтому мы опять возвратились въ дер. Раковица, а 4-й эскадронъ, бывшій въ то время впереди, въ узкомъ горномъ дефиле, завязалъ перестрѣлку съ черкесами; нашимъ стрѣлкамъ пришлось взять съ боя караулку, и затѣмъ взять также приступомъ мельницу, въ которой сидѣли черкесы и стрѣляли по нашимъ.

Спѣшныя стрѣлки, подѣ командой поручика Хана-Нахичеванскаго и корнета Ухина, бросились съ крикомъ „ура“ впередъ; черкесы не устояли, побѣжали, а наши безъ потерь заняли мельницу; черкесы отступая вобразились на высокую гору и, увидавъ, что нашихъ такъ мало, вновь начали наступать и тѣснить стрѣлковъ, которымъ, чтобы не быть отрѣзанными, приходилось, отстрѣливаясь, отступать, черкесы хотѣли было уже атаковать нашихъ коноводовъ, но увидавъ шедшую на рысяхъ 3-ю бригаду, и астраханскихъ драгунъ, повернули назадъ и отступили къ Ихтиману.

Въ это время командиръ 4-го эскадрона, ротмистръ Барановъ, получилъ отъ командира полка приказаніе присоединиться къ полку; такимъ образомъ къ вечеру весь полкъ собрался вмѣстѣ въ дер. Раковица, гдѣ простоялъ 27 число, а 28 числа, въ 4 часа пополудни, было полу-

чено приказаніе: оставить по одному эскадрону отъ полковъ нашей бригады, для держанія связи между 3-й бригадою и войсками корпуса барона Крюденера.

Въ составъ эскадроновъ назначено было по одному взводу отъ каждаго эскадрона, подъ командою офицеровъ и подъ общимъ начальствомъ полковника Адамовича. Кромѣ того нашъ сборный эскадронъ долженъ былъ привести въ полѣ сухари и полушубки (полушубки были выданы отъ интендантства), въ которыхъ чувствовалась необходимость, такъ какъ морозы были сильные и зима была въ полномъ смыслѣ этого слова.

Выступивъ такимъ образомъ 28 числа, когда начало уже темнѣть, намъ приходилось идти чрезъ дер. Черкескюй въ Смовско, куда мы и пришли часовъ въ 10 вечера.

Полная луна освѣщала нашъ скользскій путь между горными ущельями и крутыми оврагами. Расположились въ знакомыхъ намъ домахъ, но не долго пришлось стоять.

29 числа, въ 6 часовъ утра, приказано было быть готовымъ къ выступленію, съ тѣмъ, чтобы идти по направленію дер. Петричево, которая, по имѣвшимся свѣденіямъ, была въ то время турками брошена.

Было еще совсѣмъ темно, когда началось покрикиванье по деревнѣ, то „выводи!“ то кто нибудь искалъ свой полкъ или эскадронъ; на улицѣ деревни было ужасно скользко, того и гляди себѣ ногу сломишь; наконецъ начало разсвѣтать и мы вышли, впереди шли конно-гренадеры; затѣмъ 2 орудія 5-й батареи и нашъ полкъ; приходилось подыматься по узкой тропинкѣ на очень высокую гору, поднявшись куда было видно тянувшееся вдоль долины шоссе, по которому, какъ оказалось потомъ, за нѣсколько дней отступили турки.

Вѣсть о перемиріи.

Подходя къ деревнѣ, мы встрѣтили нѣсколькихъ солдатъ конно-гренадеръ, которые возвращались въ Смовско, объявляя, что заключено перемиріе на 9-ть дней; трудно было вѣрить этой радости; одно что всѣхъ смущало, это то, что почему-же о такомъ важномъ событіи не было сообщено и какъ перемиріе въ такую важную минуту могло быть заключено на 9-ть дней; первое обстоятельство можно было объяснить себѣ неисправностью телеграфа, а второе неправильнымъ опредѣленіемъ срока. Всѣ были необыкновенно рады, тѣмъ болѣе что все это казалось вѣроятнымъ, такъ какъ увѣдомленіе о заключеніи перемирія было прислано генералу Дандевилю, пашей чрезъ своего адъютанта; въ увѣдомленіи паша писалъ, что его удивляетъ наступательное движеніе нашихъ войскъ, такъ какъ онъ сейчасъ получилъ предписаніе изъ Константинополя прекратить всякія военныя дѣйствія.

Это письмо было тотчасъ же послано генераль-адъютанту Гурко, а генераль-маіоръ Дандевилъ все-таки продолжалъ свое движеніе. Нашей же бригадѣ приказано было идти въ дер. Пирдопъ и далѣе на Копривщицу, чтобы выйти въ тылъ дер. Панагиришти, занятой турками.

Идя въ Пирдопъ, намъ пришлось пройти чрезъ разрушенный и брошенный городъ Златица, за которымъ верстахъ въ трехъ была искомая нами деревня; въ нее мы вошли съ необыкновеннымъ удовольствіемъ, подъ впечатлѣніемъ заключеннаго перемирія, въ надеждѣ достать и закупить самое необходимое; да и жители, богатые и очень чисто одѣтые, необыкновенно радушно приглашали въ свои теплые и просторные дома.

30 числа мы простояли въ Пирдопѣ; отъ полка были

высланы взводы въ разѣзды по разнымъ направленіямъ между прочимъ, одинъ на мѣстечко Панагиришти, взводъ, возвратясь, доложилъ, что оно турками брошено и занято нашими войсками.

Пріѣхавшій 30 числа изъ корпуснаго штаба офицеръ съ приказаніями, объявилъ, что въ отрядѣ генерала Гурко о перемиріи ничего неизвѣстно и что, какъ всё предполагають, перемиріе—была уловка со стороны турокъ.

Нашей бригадѣ приказано было, съ выступленіемъ 31 числа, во первыхъ—обходить турокъ въ тылъ и вторыхъ—войти при этомъ въ связь съ войсками отряда генерала Карцева, стоявшими въ Карловѣ. Для исполненія этого мы выступили 31 декабря въ 8 час. утра и перешли въ г. Авраталапъ или Капривцица.

Г. Златица и Пирдопъ лежали въ лощинѣ, пройдя по которой верстъ пять, намъ пришлось опять ползти на горы, мы спѣшились и справа по одному начали подыматься по узкой дорожкѣ.

Высота горъ была чрезвычайная, но хорошій день и ясная погода безъ вѣтра, значительно облегчили наше утомительное движеніе; около 2 часовъ дня мы начали спускаться и подходить къ Капривцицѣ; издали услышали родной намъ звукъ церковнаго колокола; жители гурьбой вышли на улицы; многіе крестились, женщины плакали отъ умиленія, нѣкоторые братушки бросались цѣловать намъ руки, всякій хозяинъ звалъ или, правильнѣе сказать, затаскивалъ къ себѣ; только что размѣстились по квартирамъ, какъ явилось все городское духовенство съ изъявленіемъ благодарности въ лицѣ войскъ Государю Освободителю.

Вечеромъ мы пригласили болгарскаго священника, который отслужилъ намъ всенощную; такимъ образомъ

мы проводили послѣдній день 1877 года въ Турціи, благодаря Бога за всѣ Его милости.

Недолго пришлось пожить намъ у гостепріимныхъ болгаръ. На другой день, 1 января, мы выступили изъ Пирдона чрезъ дер. Попенцы въ дер. Стрѣльчу, гдѣ должны были имѣть ночлегъ.

Дорога проходила по очень красивой мѣстности: высокія скалистыя горы, покрытыя большимъ лѣсомъ, гордо поднимаются одна передъ другою, въ высотѣ кружатся громадныя ястребы надъ пасущимися на вершинахъ горъ стадами козъ и овецъ.

Переходъ былъ очень большой и утомительный. Только что, придя въ Попенцы, разложили вьюки, собираясь что нибудь съѣсть, какъ было получено приказаніе: 1) чрезъ часъ быть готовымъ и 2) въ ночь вступить въ дер. Афлукію; дѣлать было нечего, собрали вьюки, подтянули лошадямъ подпруги и начали выстроиваться у выхода изъ деревни.

Ночь была довольно теплая, взошедшая луна ярко освѣщала нашу скользкую и узкую, среди горъ извивающуюся дорогу; вдали мы видѣли зарево; это горѣлъ Татаре-Базарджикъ, какъ объяснили намъ проводники болгаре; около часу ночи пришли мы въ совершенно пустую, брошенную турками деревню Афлукію; дома, какъ и вездѣ, были разрушены, однако кое-какъ устроились.

Скоро крики куръ, гусей и утокъ раздались по всей деревнѣ и, не смотря на сильную усталость, солдатки приготовили себѣ роскошный супъ и жаркое; заѣдая его турецкимъ вареньемъ изъ сливъ, котораго въ деревнѣ оказались цѣлыя бочки. Всякой птицы было до того много, что на другой день у каждаго солдата въ сѣткахъ болталось по нѣсколько жареныхъ куръ или утокъ.

Не было никакой возможности хотя бы чѣмъ нибудь

задѣлать всѣ отверстія нашей комнаты; поэтому мы разложили костеръ посреди комнаты, улеглись кругомъ него, а ночью по очереди всякій изъ насъ вставалъ и подкладывалъ дровъ, чтобы, поддерживавъ огонь, поддержать и теплоту въ комнатѣ; это было намъ не въ диковинку, не одну и не десять ночей пришлось намъ провести такимъ образомъ.

И такъ это былъ первый день 1878 года.

Близь Филиппополя.

2 января въ 7^{1/2} час. утра, послѣ сдѣланнаго наканунѣ тяжелаго и большого перехода, мы должны были перейти въ дер. Пищеково, куда собиралась и 3-я бригада нашей дивизіи. Около 10 часовъ мы прибыли на мѣсто.

Въ 10^{1/2} часовъ командиръ полка получилъ словесное приказаніе отъ командующаго дивизіею идти на дер. Дуганскіой, которую осмотрѣть и, въ случаѣ нужды, очистить ее отъ турокъ, а затѣмъ идти далѣе на мостъ, у переправы черезъ р. Луджи; наблюдая при этомъ за движеніемъ непріятеля изъ Татарь-Базарджика по шоссе къ Филиппополю; кромѣ того намъ приказано было войти въ связь съ отрядомъ генерала барона Крюденера, идущаго на Базарджикъ отъ Панагиришти.

Деревня Дуганскіой оказалась свободною, вслѣдствіе чего мы продвинулись далѣе.

Деревни Афлукіой, Пищиково, Дуганскіой и проч. расположены невдалекѣ отъ города Татарь-Базарджика и шоссе, идущаго изъ Софіи въ Филиппополь.

Чтобы понять, до чего были сильны морозы, нужно сказать, что полку приходилось переходить по льду чрезъ небольшія рѣчки, и что при этомъ ни одна лошадь не провалилась.

Подходя къ мосту на рѣкѣ Луджи, разъѣздъ донесъ, что турки въ ночь бѣжали изъ Татарь-Базарджика, который и занятъ въ настоящее время нашими войсками, извѣстiе это было передано разъѣзду уланъ войсками, пѣшими по шоссе къ Филиппополю. Вслѣдствiе чего мы перешли на шоссе, откуда были ясно видны огромные столбы дыма, поднимающагося надъ горящимъ городомъ.

Выйдя на шоссе и пославъ немедленно донесенiя генераль-лейтенанту барону Крюденеру и командующему дивизию, мы двинулись дальше. Послѣ часа хода, мы увидѣли выходящую на шоссе и 3-ю бригаду нашей дивизи, и затѣмъ 4 полка съ 2-мя орудiями, на рысяхъ почти все время, двинулись къ Филиппополю. Шоссе идетъ не вдалекѣ отъ быстрой рѣки Марьицы, которую въ бродѣ въ этомъ мѣстѣ не было возможности перейти.

Взошедшее солнце жарко грѣло насъ, снѣгъ съ шоссе весь стаялъ, и утомленнымъ лошадямъ приходилось рысью сдѣлать около 25 верстъ по голому камню, подковы такъ и летѣли. Двигаясь такимъ образомъ, мы скоро увидѣли издали г. Филиппополь, расположенный, какъ намъ казалось, на двухъ горахъ.

Однако въ этотъ день намъ такъ и не удалось видѣть Филиппополя ближе, потому что, не доходя верстъ пяти до него, надъ нами началъ раздаваться свистъ гранатъ; это Филиппопольскiй гарнизонъ встрѣчалъ насъ, а такъ какъ никто не зналъ какiя силы сосредоточены у противника въ Филиппополѣ и не было съ нами, или не вдалекѣ отъ насъ, никакой пѣхотной части, а изъ артиллерiи только два конныхъ орудiя, которые отвѣтили, но безуспѣшно, — дивизи пришлось повернуть и отступить. На противоположномъ берегу Марьицы были видны тянувшiеся громадныя обозы; это были переселенцы-бѣглецы, прикрываемые очень небольшими частями пѣхоты

или десяткомъ, другимъ черкесовъ. По нимъ не приказано было стрѣлять, а посланный задержать обозъ эскадронъ конно-гренадеръ этого исполнить не могъ, такъ какъ черезъ Марьицу не было возможности переправиться.

Начало уже темнѣть, когда мы пошли на ночлегъ въ дер. Костекіой, оставивъ противъ Филиппополя Астраханскій драгунскій полкъ, подошедшій въ это время.

Четыре полка нашей дивизіи расположились въ дер. Костекіой, а гусары и драгуны сѣвернѣе, у д. Чеперлікій.

Только что вошелъ въ деревню авангардъ нашего полка, шедшаго въ головѣ колонны, какъ изъ всѣхъ домовъ бѣжали намъ на встрѣчу братушки болгары, которые бросались къ офицерамъ, солдатамъ, лова и цѣлуя ихъ руки; радость ихъ вообще при видѣ русскаго войска была неописанная. Совсѣмъ почти уже стемнѣло, когда всѣ кое-какъ размѣстились. Въ ночь послали сборный взводъ отъ всѣхъ эскадроновъ, подъ командою корнета Центиловича, для того, чтобы войти въ связь съ драгунами и гусарами.

Ночь была холодная, морозная, усталые люди толпились у горящихъ костровъ, варя себѣ пищу въ маленькихъ котелкахъ. Еще совсѣмъ было темно 3-го числа, когда полкъ началъ выводить своихъ усталыхъ лошадей и выстраиваться на площадкѣ среди деревни; полку въ составѣ бригады слѣдовало перейти въ дер. Мапулькій расположенную на берегу рѣки Марьицы по ту сторону Филиппополя невдалекѣ отъ адрианопольскаго шоссе. Задача наша состояла: отрѣзать путь отступленія войскамъ филиппопольскаго гарнизона, появясь у него въ тылу, въ случаѣ отступленія турокъ по этому шоссе.

Морозъ былъ довольно сильный, холодный вѣтеръ,

продувая насквозь, заметалъ дорогу, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ намъ приходилось самимъ прокладывать путь и переходить не глубокія но быстрыя рѣки въ бродъ.

Обходя Филиппополь, мы слышали отъ болгаръ, что будто бы часть города занята нашими, но тѣмъ не менѣе кругомъ Филиппополя шла безпрерывная пальба. Изъ всѣхъ деревень, по которымъ мы проходили, жители—мирные турки—наканунѣ или только что выѣзжали, уложивъ все свое имущество въ разныя телѣги, каруцы, запряженные буйволами или волами; эти большіе обозы тянулись по направленію къ Адрианополю.

Придя въ д. Мапутькой, были посланы: 1) взводъ подъ командой корнета Маньковского въ дер. Дуанджу, которая потомъ, по донесенію корнета Маньковского, оказалась занятою турками, такъ что ему приходилось очищать ее съ боя.

Кромѣ того: 2) былъ посланъ развѣздъ корнета Медвѣдева для отысканія брода черезъ рѣку Марьицу, который 4 числа и оказался, хотя очень неудобный и глубокий. У этого брода, по обѣимъ сторонамъ рѣки, стояли массы повозокъ, наполненные всевозможнымъ турецкимъ добромъ; хозяевъ не было; все это было брошено; только нѣсколько старухъ, сидя въ кибиткахъ, ожидали хладнокровно своей участи умереть отъ голода.

На другой день, 4 января, 3-й эскадронъ, подъ командою ротмистра Бабикова, былъ отправленъ въ городъ Чирпанъ, для того, чтобы войти въ связь съ войсками Троянскаго и Шипкинскаго отрядовъ, генераловъ Карцева и Радецкаго.

2-й эскадронъ, подъ командою ротмистра Баструева, былъ отправленъ въ дер. Дуанджу, откуда находившійся тамъ со взводомъ корнетъ Маньковский просилъ поддержанія, такъ какъ черкесы, болѣе и болѣе скопляясь, гро-

или, обойти е о со всѣхъ сторонъ. Не успѣлъ еще дойти ротмистръ Баструевъ до дер. Дуанжи, какъ черкесы попробовали было атаковать взводъ корнета Маньковскаго, но только что завидѣли шедшій на рысяхъ къ корнету полуэскадронъ 2-го эскадрона подъ командою поручика Гордѣева, сейчасъ же начали отступать, наши уланы атаковали ихъ, при чемъ положили на мѣстѣ нѣсколько человекъ, да кромѣ того многіе изъ бросившихся черкесовъ въ рѣку, утонули.

Съ очень небольшими оставшимися частями нашего полка и конно-гренадерскаго и съ двумя конными орудіями двинулись мы къ рѣкѣ Марьицѣ, по ту сторону которой видно было адрианопольское шоссе; оно было совершенно чисто; никакого движенія не было замѣтно.

Между тѣмъ въ Филиппополѣ и въ горахъ вправо отъ города раздавалась страшная непрерывная стрѣльба, видимо шель ожесточенный бой съ обѣихъ сторонъ.

Простоявъ такимъ образомъ часовъ до 4-хъ, командуящій дивизіею, находившійся при нашей бригадѣ, получилъ изъ штаба отряда диспозицію, согласно которой дивизіи предписывалось быть 4 января на пути изъ Филиппополя въ Станимаку. Въ виду такого поздняго полученія приказанія было рѣшено: остаться ночевать въ дер. Мапульгійой и послать немедленно за приказаніями на 5 число.

Ротмистръ Баструевъ съ эскадрономъ прибылъ въ тотъ же день вечеромъ.

На другой день, 5 числа, рано поутру бригада наша должна была переправиться черезъ Марьицу и идти дальше впередъ, по адрианопольскому шоссе, на Хаскійой.

Подойдя къ переправѣ, намъ пришлось невольно любоваться представлявшеюся картиной: въ ширину всей рѣки, по разнымъ направленіямъ, переправлялись верхомъ солдатики; лошади въ иныхъ мѣстахъ плыли, обрываясь иног-

да въ глубокія ямы, однако въ воду шли смѣло, такъ что дѣло обошлось безъ несчастій. Переправившись на ту сторону, мы слѣзли и провели версты двѣ мокрыхъ лошадей въ поводу.

Сѣвши затѣмъ и пройдя версты $1\frac{1}{2}$, мы издали увидѣли телеграфные столбы по бокамъ полотна желѣзной дороги, а затѣмъ вскорѣ вошли въ большую деревню Папасли, гдѣ была желѣзно-дорожная станція, занятая уже нашими войсками.

Пройдя эту брошенную деревню, мы продолжали двигаться по шоссе. Мы шли за конно-гренадерами; вскорѣ начали долѣтать до насъ выстрѣлы изъ находившейся на пути деревни, а затѣмъ правѣе ея виднѣлись большіе обозы и нѣсколько десятковъ турокъ, бѣжавшихъ въ горы, но въ тоже время отстрѣливавшихся изъ своихъ дальнобойныхъ ружей; нѣсколько пущенныхъ по ихъ направленію гранатъ заставили ихъ скоро скрыться.

Оставалось осмотрѣть брошенный обозъ, для чего туда и былъ посланъ полуэскадронъ 1-го эскадрона, подъ командою поручика барона Будберга, который привезъ съ собою очень много оружія и нѣсколько человѣкъ плѣнныхъ.

Чтобы убѣдиться была ли окончательно брошена и чиста деревня, командующій дивизіею приказалъ спѣшиться эскадрону конно-гренадеръ и пройти черезъ нее, во время чего изъ нѣсколькихъ домовъ въ нихъ стрѣляли оставшіеся турецкіе солдаты, которыхъ тутъ же забирали въ плѣнь.

Между плѣнными, приведенными поручикомъ барономъ Будбергомъ находился почтенный сѣдовласый мулла, который, переночевавъ на свободѣ, на другой день скрылся.

За деревней на шоссе было замѣчено какое-то движеніе; въ виду чего туда былъ отправленъ другой полу-

эскадронъ 1-го эскадрона, подъ командою корнета Медвѣдева, съ цѣлью осмотрѣть въ чемъ дѣло и, въ случаѣ отступленія турокъ, стараться ихъ преслѣдовать.

Вернувшійся корнетъ Медвѣдевъ привелъ съ собою нѣсколько плѣнныхъ вооруженныхъ жителей и привезъ также цѣлую телѣгу ружей всевозможныхъ системъ и калибровъ. Старинная и богатая отдѣлка многихъ ружей обращала на себя вниманіе.

Деревня эта называлась Дербентъ, брошенная и разрушенная турками.

На другой день, 6 января, мы выступили довольно рано и продолжали наше наступательное движеніе по направленію къ г. Хаскюю, гдѣ, по имѣвшимся свѣдѣніямъ, турокъ было много и они рѣшили защищаться.

Выйдя изъ дер. Дербентъ, намъ приходилось пройти по мосту черезъ неглубокую, но довольно широкую рѣку.

Уже на самомъ мосту, а затѣмъ и далѣе, на протяженіи всей дороги, въ нѣсколько рядовъ стояли брошенные турецкія телѣги и кибитки, наполненные разною рухлядью ихъ домашняго обихода; сердце разрывается, когда вспомнишь все видѣнное тогда.

Проходя мимо повозокъ, изъ одной слышенъ плачь грудного брошеннаго малютки, изъ другой смотрять на васъ два умныхъ глаза старухи-турчанки, съ ненавистью и злобой пережевывающей сухарь, нашимъ же солдатикомъ ей поданный; тамъ у маленькаго костра грѣются старики-турки въ бѣлыхъ чалмахъ и тутъ же, костлявыми руками съ желтыми ногтями на длинныхъ пальцахъ, съ бѣлымъ покрываломъ на лицахъ, турчанки подлаживаютъ осколки дровъ, кругомъ костровъ въ красныхъ фескахъ или разноцвѣтныхъ одѣяніяхъ стоятъ бѣдняжки дѣти; нѣкоторые

привѣтливо улыбаются и съ удовольствіемъ берутъ су-
харь или хлѣбъ.

Затѣмъ тутъ же приходится проходить мимо сотенъ
голодныхъ буйволовъ, ревущихъ брошенныхъ ословъ, из-
дыхающихъ десятками воловъ, лошади, козлы, бараны
все столпилось вмѣстѣ, все реветъ и издыхаетъ; словомъ
это морь звѣрей.

Тяжелое впечатлѣніе производило на насъ все это,
а между тѣмъ идти надо. Часа черезъ 1½ мы подошли
къ дер. Чатакъ, гдѣ присоединились къ намъ гусары и
драгуны.

Драгуны, двигаясь впереди, дошли до дер. Кожали,
изъ которой по нимъ начали было стрѣлять одиночные
люди. Спѣшенные драгуны быстро прошли по деревнѣ,
забравъ при этомъ нѣсколько человѣкъ въ плѣнъ, такъ
что движеніе остальныхъ полковъ дивизіи казалось без-
опаснымъ. Командующій дивизіею проѣхалъ впереди со
своимъ конвоемъ и выюками. Но одному изъ шедшихъ съ
выюкомъ деньщику нашего офицера (корнета барона
Сталь) захотѣлось обшарить болгарскій домъ, находив-
шійся посреди деревни; только что онъ отворилъ дверь,
какъ мимо него просвистѣли двѣ пули, а третья ранила
его въ руку; онъ съ крикомъ и безъ фуражки едва
успѣлъ выбѣжать; за этими выстрѣлами раздалась еще
новые; оказалось, что въ этотъ домъ забрались три турка
и рѣшили защищаться до крайности; пробовали ихъ
было уговаривать чрезъ переводчика сдаться; но они и
слышать не хотѣли; поэтому, не желая губить напрасно
людей, начали обкладывать домъ соломой, которую и
зажгли, тогда турки выбѣжали, и ихъ кажется всѣхъ
трехъ положили на мѣстѣ.

Только что прошли драгуны дер. Катали, какъ по
дорогѣ замѣтили они какія-то черныя массы, а затѣмъ

раздались выстрѣлы. Командиръ 3-го эскадрона капитанъ Ахвердовъ былъ раненъ въ это время въ ногу. Турки, замѣтивъ, что насъ идетъ довольно много, бросились бѣжать; ихъ преслѣдовали драгуны до дер. Семиджи; но потомъ, такъ какъ начало уже вечерѣть, приказано было перейти въ сторону отъ шоссе въ дер. Казанакъ на ночлегъ.

Городъ Хаскіой.

На другой день, 7 числа, рано поутру были посланы отъ полковъ 1-й и 2-й бригады взводы по направленію къ г. Хаскіой, а затѣмъ бригады, имѣя нашъ полкъ во главѣ, выступили на Хаскіой; пройдя версты двѣ отъ Самиджи по шоссе къ Хаскіой, мы услышали отъ разъѣзда, что турки бросили городъ и бѣжали изъ него ночью.

Вскорѣ начали появляться жители изъ города, которые жестикулируя и махая руками, съ веселыми лицами объясняли, что турки бѣжали.

На радостяхъ они угощали офицеровъ и солдатъ табакомъ, грецкими орѣхами и проч.; вскорѣ мы поднялись на горку, съ которой былъ видѣнъ самый городъ Хаскіой и выходящій изъ него народъ, направлявшійся по шоссе къ намъ на встрѣчу.

Впереди шла духовная процессія, несли хоругви, образа, за которыми шель болгарскій архіерей съ нѣсколькими священниками; затѣмъ шли представители города и учителя, окруженные массами народа, въ городѣ же звонили въ колокола.

Дойдя и остановившись у процессіи мы все сняли шапки и набожно перекрестились; архіерей сказалъ слово, за которое командующій дивизією благодарилъ его отъ лица всехъ чиновъ дивизіи. Послѣ громкаго „ура“

въ честь русскаго Государя, процессія пошла обратно, впереди сопровождавшихъ ее 4-хъ полковъ нашей дивизіи.

Хаскіой довольно порядочный городъ. Во многихъ улицахъ еще дымились и тлѣлись дома, зажженные отступившими турками, а въ развалинахъ одного болгарскаго дома нашли обгорѣлый трупъ священника, отличавшагося, по рассказамъ жителей, своею прямою и честностію.

Я самъ видѣлъ этотъ изуродованный трупъ.

Нѣкоторыя постройки города чрезвычайно хороши, а есть дома, которые даже роскошны.

8 января рано утромъ, по приказанію командующаго дивизіею, отъ нашего полка послали сборный эскадронъ подъ командою поручика барона Будберга для производства рекогносцировки вкругъ лежащихъ деревень.

По возвращеніи сборнаго эскадрона, какъ оказалось изъ донесенія поручика барона Будберга, нѣкоторыя деревни были еще заняты турками, вслѣдствіе чего и произошли небольшія стычки, во время которыхъ были убиты двое нашихъ рядовыхъ; ихъ привезли въ Хаскіой, гдѣ и похоронили на городскомъ кладбищѣ.

8 января, около полудня, прибыла, въ г. Хаскіой бригада дивизіи генераль-лейтенанта Скобелева 2-го, а затѣмъ пріѣхалъ и онъ самъ.

Въ ночь съ 7 на 8 число присоединился съ эскадронъ ротмистръ Бибиговъ, бывшій въ Чирпанѣ, гдѣ соединился съ войсками Шипкинскаго отряда. Ротмистру Бибигову, не доходя до Чирпана, пришлось имѣть перестрѣлку съ черкесами, во время которой онъ потерялъ одного рядоваго убитымъ.

8 числа, поздно вечеромъ, прибылъ къ полку и полковникъ Адамовичъ съ сборнымъ эскадронъ, которому стоило большихъ трудовъ догнать полкъ. Полковникъ Адамовичъ привезъ кромѣ сухарей еще и полушубки, такъ

что, выходя 9 числа изъ Хаскіюа, всѣ люди были одѣты въ только что розданные имъ новые полушубки.

Въ Хаскіюѣ былъ полученъ приказъ о томъ, что двѣ бригады гв. кавалеріи, 1-я и 2-я, входятъ въ составъ авангарда генерала Скобелева 2-го.

Намъ приказано было, двигаясь дальше, перейти на ночлегъ въ дер. Германли.

Такимъ образомъ съ 9 января мы вошли въ составъ отряда генерала Скобелева 2-го.

Всякому, отъ офицера до солдата, хотѣлось видѣть генерала Скобелева 2-го, котораго всѣ знали только по слухамъ и рассказамъ.

9 числа, не успѣли еще вытянуться на шоссе полки, какъ вскорѣ раздалась команда „смирно!“ а потомъ раздались отвѣты на „здравствуйте, молодцы, братцы, уланы“, повторившееся каждому эскадрону пріятнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ внушительнымъ голосомъ генерала Скобелева 2-го.

Дѣйствительно, все что мы слышали про наружный видъ генерала было вѣрно: молодой, красивый генераль съ русой, хорошо расчесанной бородой, въ новомъ пальто, изъ подъ воротника котораго виднѣлся георгіевскій крестъ; сидя на небольшой лошади, ускореннымъ галопомъ обгонялъ идущіе полки.

Дорогою генераль Скобелевъ получилъ донесеніе отъ генерала Струкова о томъ, что онъ съ авангарднымъ отрядомъ вступилъ въ Адрианополь 8 января.

Подъ пріятнымъ впечатлѣніемъ занятія Адрианополя мы шли къ мѣстечку Германли, проходя мимо брошенныхъ обозовъ, человѣческихъ труповъ всѣхъ возрастовъ и массами издыхающихъ животныхъ. На дорогѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лежали еще трупы турецкихъ солдатъ, такъ какъ стрѣлковый баталіонъ дивизіи генерала Скобе-

лева 2-го имѣлъ наканунѣ дѣло; а почти у самаго мѣстечка Германли видны были наскоро насыпанная земляныя укрѣпленія, пройдя которыя, мы услышали раздавшійся свистъ локомотива, медленно катавшагося по рельсовому пути у желѣзно-дорожной станціи м. Германли.

Ординарецъ Великаго Князя, штабсъ-ротмистръ Евреиновъ, состоявшій временно при генералѣ Скобелевѣ 2-мъ, ѣхалъ обратно съ донесеніемъ къ Великому Князю Главнокомандующему, а самъ генералъ въ тотъ же вечеръ съ поѣздомъ отправился въ Адрианополь, приказавъ вмѣстѣ съ тѣмъ на другой день 10 числа собрать весь подвижной составъ желѣзной дороги и привезти на немъ въ Адрианополь стрѣлковый баталіонъ.

Мы расположились въ этомъ брошенномъ мѣстечкѣ на квартирахъ, ожидая разсвѣта съ большимъ нетерпѣніемъ, такъ какъ желали сами скорѣе идти впередъ и вступить въ Адрианополь, который въ это время былъ уже занятъ, какъ я сказалъ, 1-й бригадой 1-й кавалерійской дивизіи, подъ начальствомъ временно-командовавшаго тогда 1-й дивизіею Свиты Его Величества генералъ-маіора Струкова.

На другой день, 10 января, мы выступили довольно рано, чтобы перейти на ночлегъ въ городокъ Мустафापаша. Утро было отличное, лѣниво встававшее солнце какъ-то особенно пріятно смотрѣло на насъ съ безоблачнаго неба. Воздухъ былъ весенній, безчисленныя стаи небольшихъ птицъ съ громкимъ чириканьемъ перелѣтали съ мѣста на мѣсто.

Мы все находились въ то время подъ особеннымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на насъ занятіемъ Адрианополя; потому что до того никто не могъ предположить, чтобы можно было такъ легко войти туда, тѣмъ болѣе, что, по имѣвшимся свѣдѣніямъ, Адрианополь былъ хорошо укрѣпленъ.

Переходъ былъ довольно сносный; мы все время шли по шоссе. У самаго города Мустафа-паша пришлось перейти по мосту р. Марьицу; мостъ этотъ, находясь на шоссе, имѣлъ необыкновенно важное значеніе; къ счастью онъ былъ цѣлъ. Вѣроятно туркамъ въ бѣгствѣ не пришло въ голову его уничтожить. Мустафа-паша турецкій городъ, дома и жилища, какъ и вездѣ, брошены и раззорены.

На другой день, т. е. 11 января, мы должны были вступить въ Адрианополь,—вторую столицу Турецкой имперіи. Пройдя версты три отъ Мустафа-паши и поднявшись на небольшую горку, по которой тянется шоссе, мы какъ будто очутились въ другой сторонѣ: снѣгу почти не было, взошедшее солнце жарко грѣло насъ на тепломъ воздухѣ,—словомъ, казалось, въ одинъ день весна смѣнила зиму.

Радостныя извѣстія послѣднихъ дней породили въ насъ надежды на вѣроятно скорое окончаніе войны; съ такими чувствами мы приближались къ старинному величественному городу, впереди котораго виднѣлись угрожающія могучія укрѣпленія, брошенныя въ то время по необъяснимымъ для насъ причинамъ. Верстахъ въ трехъ отъ города насъ пропустилъ мимо себя начальникъ кавалеріи отряда генерала Скобелева, генераль-лейтенантъ Дохтуровъ, начальникъ 1-й кавалерійской дивизіи, служившій прежде у насъ въ полку.

Затѣмъ, когда мы приближались къ городу, на встрѣчу намъ вышли массы народа, отчасти чтобы привѣтствовать русскія войска, и отчасти чтобы понажитья съ продажи вина, табаку и проч.

Адріанополь.

Мы не на долго стояли передъ городомъ, а затѣмъ двинулись впередъ, и съ музыкой, вступили въ Адріанополь.

Городъ, хотя и второй въ Турецкой имперіи, но не отличается ни строениями, ни чистотой.

Въ серединѣ города противъ конака (присутственныхъ мѣстъ) гдѣ помѣщался въ то время генераль Скобелевъ 2-й, онъ встрѣтилъ насъ верхомъ, окруженный своимъ штабомъ; сзади него развивался боевой бѣлый значекъ. Генераль каждый эскадронъ поздравилъ со вступленіемъ въ Адріанополь; послѣ прохода полковъ дивизіи въ городскомъ греческомъ соборѣ было назначено благодарственное молебствіе. Офицерамъ было разрѣшено ѣхать въ соборъ, такъ какъ этого желалъ генераль Скобелевъ.

На дворѣ помѣщалось очень красивое и типичное зданіе греческаго собора. Я съ трудомъ могъ пробраться чрезъ массу народа, который спѣшилъ посмотреть на русскія войска и на генерала Скобелева.

Разобрать что служатъ, конечно, я не могъ; церковное пѣніе чрезвычайно оригинальное. Службу совершалъ соборомъ митрополитъ со множествомъ священниковъ.

Послѣ окончанія молебна раздался на всю церковь пронзительный голосъ, который произнесъ вѣроятно молитву за Государя и Государыню; такъ какъ имена Ихъ можно было разобрать; послѣ чего, тутъ же въ церкви всѣ собравшіеся греки прокричали „ура“.

Богослуженіе окончилось цѣлованіемъ креста и окропленіемъ святой водой всѣхъ присутствующихъ, начиная съ генерала Скобелева. А въ это время полки шли

черезъ городъ на бивуакъ, отведенный на площадкѣ внѣ города, около разрушеннаго, тогда еще недавно, дворца и какихъ-то казармъ. Погода была такъ хороша, что стоять бивуакомъ было если не пріятно, то во всякомъ случаѣ возможно и терпимо.

За исключеніемъ дежурнаго по полку и по одному дежурному въ каждомъ эскадронѣ, остававшихся на бивуакѣ безотлучно, всѣ прочіе офицеры размѣстились въ городѣ.

Чтобы имѣть квартиру отъ города, нужно было хлопотать, а потому большинство офицеровъ размѣстилось въ двухъ смежныхъ гостинницахъ „Румынія“ и „Англія“. Тутъ мы первый разъ сносно пообѣдали, сидя за столомъ на стульяхъ, ѣли на тарелкахъ, однимъ словомъ мы пользовались всѣмъ, чего давно уже не видѣли. Въ номерахъ, согрѣваемыхъ мангалами (жаровня съ угольями), имѣлись довольно удобныя кровати съ бѣльемъ, такъ что мы раздѣвались какъ обыкновенно, испытывая при этомъ необыкновенное удовольствіе.

Два дня нашей стоянки въ Адрианополѣ мы положительно, если можно такъ выразиться, блаженствовали съ утра и до обѣда занимались осмотромъ города; были въ знаменитой мечети Селима; дѣйствительно необыкновенно благоговѣйное впечатлѣніе производитъ это обширное зданіе, огромный куполь котораго не поддерживается внутри ни одной колонной.

Замѣчательнень въ городѣ также базаръ, въ родѣ нашихъ пассажей, это лавки, устроенныя по обѣимъ сторонамъ довольно широкаго, высокаго, но немного темнаго корридора; въ этихъ лавкахъ можно найти все, что угодно; мы преимущественно обращали вниманіе на ковры и салфетки восточнаго произведенія. Цѣны на всѣ продукты и товары съ каждымъ днемъ все больше и больше

поднимались, что объясняется отчасти прибавленіемъ жителей, а отчасти и возможностью нажитья отъ русскихъ войскъ. Къ числу особенностей города можно отнести также и турецкія бани, которыя вообще въ Турціи имѣютъ большое значеніе; зданія ихъ выдаются своей величиной и оригинальностью постройки.

13 числа прибылъ въ Адрианополь генераль-адъютантъ Гурко, а 14 числа поджидали приѣзда Великаго Князя Главнокомандующаго.

Нашей бригадѣ приказано было выступить 14 числа по шоссе на г. Люле-Бургась, и идти до полученія новыхъ приказаній.

Еще совсѣмъ было темно, когда всѣ офицеры собрались на бивуакъ, а еле-еле начало свѣтать, какъ бригада выступила изъ Адрианополя.

Въ Адрианополѣ приказано было отъ всей дивизіи оставить больныхъ и слабыхъ лошадей, которыхъ помѣстили въ общей командѣ въ деревнѣ, недалеко отъ города.

Утро 14 января было необыкновенно хорошее, совершенно наше апрѣльское; мы должны были пройти чрезъ большое село Хавса и остановиться ночевать въ дер. Кулели. Хавса большое, брошенное жителями и полувыгорѣвшее село, въ которомъ тогда временно стоялъ одинъ только постъ летучей почты, оставленной генераломъ Струковымъ.

Начинало уже темнѣть, когда мы пришли въ Кулели, также брошенную, и какъ казалось, вымершую деревню.

Къ нашимъ, небольшимъ численностью, двумъ полкамъ, и то неполнымъ, такъ какъ отъ Конно-Гренадерскаго полка одинъ эскадронъ былъ направленъ на Демотику, а отъ нашего полка разставлялись посты летучей почты, была придана Донская казачья батарея, съ которой мы и

двигались; лихая батарея нисколько не задерживала бригаду.

На другой день намъ слѣдовало перейти въ г. Люле-Бургасъ; для чего выступили почти съ разсвѣтомъ, такъ какъ переходъ былъ довольно великъ; небоольшой дождь, шедшій по временамъ, заставлялъ иногда очнуться дремавшихъ солдатиковъ. Черезъ нѣсколько часовъ мы прошли черезъ мѣстечко Баба-Эски, за которымъ почти сейчасъ же кончается шоссе и далѣе приходится идти по грунтовой дорогѣ. Такъ какъ это было въ январѣ мѣсяцѣ, то земля распустилась и колеса орудій батареи глубоко врѣзывались въ землю, отчего движеніе бригады съ батареей замедлялось.

Распорядительный командиръ батареи, флигель-адъютантъ полковникъ Короченцовъ со своими офицерами придумали все, чтобы только облегчить выбивавшихся изъ силъ лошадей, лихо выхватывавшихъ изъ ручейковъ тяжелыя орудія.

Начало уже вечерѣть, по дорогѣ намъ попадались на встрѣчу сотни повозокъ, телѣгъ, съ турецкими семействами; мирные жители, турки, шедшіе съ обозами пѣшкомъ, покрикивали и погоняли своихъ буйволовъ, лѣнливо шедшихъ по липкой грязи.

Впослѣдствіи оказалось, что это были переселенцы, возвращенные генераломъ Струковымъ изъ Люле-Бургаса обратно.

Проводникъ болгаринъ говорилъ, что до Люле-Бургаса еще далеко; темнѣло, а мы очень медленно подвигались; тогда флигель-адъютантъ полковникъ Короченцовъ предложилъ, для облегченія зарядныхъ ящиковъ, раздать сняряды солдатамъ на руки; сейчасъ же остановили бригаду; фейерверкеры отперли ящики, заряды роздали солдатамъ, которые положили ихъ въ башлыки и

повѣсили себѣ черезъ плечо; такимъ образомъ ящики облегчены, но не смотря на это, наступившая темная ночь дѣлала движеніе почти невозможнымъ, а почевать подъ открытымъ небомъ, не зная гдѣ, голоднымъ, было не весело; а потому рѣшено было во что бы то ни стало дойти до Люле-Бургаса. Вдругъ среди тихой, совершенно темной ночи, гдѣ-то вдали раздались звуки музыки; обрадованный проводникъ сказалъ, что это играютъ въ Люле-Бургасѣ и вѣроятно наши (это былъ генералъ Струковъ со своей дивизіей).

Звуки музыки не вдали какъ будто бы раззадорили всѣхъ; сытые, но усталые кони батареи какъ будто тоже почували близость города и съ необыкновенными усиліями вытягивали изъ глубокой грязи орудія и ящики; наши солдатики, спѣшнные въ помощь артиллеристамъ, шедшіе съ обѣихъ сторонъ орудій, такъ и наблюдали за пушками, какъ бы онѣ не засѣли.

Люле-Бургасъ. Встрѣча съ 1-й кавалерійской дивизіей.

Скоро аккорды начали долетать до насъ громче и громче и можно было различить пріятные для каждаго ушныя звуки нашего полковаго марша, затѣмъ какой-то вальсъ, за которымъ, послѣ небольшой паузы, заиграли маршь л.-гв. Конно-Гренадерскаго полка, что значило, что голова нашей небольшой колонны была уже въ городѣ, такъ какъ конно-гренадеры шли впереди. Вскорѣ мы увидали группу всадниковъ, освѣщенныхъ кострами и большими фонарями, а поровнявшись съ ними раздались звуки нашего марша; это былъ генералъ Струковъ съ полковникомъ Балкъ, передъ хоромъ трубачей 1-го Уланскаго Петербургскаго полка, которые выѣхали къ намъ

на встрѣчу; ихъ любезность, особенно въ такое время, чрезвычайно всѣхъ насъ тронула.

Генераль Струковъ временно командоваль у насъ въ полку дивизиономъ, а полковникъ Балкъ съ корнетскаго чина служилъ въ полку, поэтому они оба имѣли еще въ полку товарищей, почему и начались самыя дружескія и радужныя привѣтствія.

Было около 12 часовъ ночи, когда мы размѣстились на ночлегъ въ пустомъ брошенномъ городѣ.

На другой день, 16 января, въ 9 час. утра 1-я дивизія выступила, а наша бригада должна была оставаться въ г. Люле-Бургасъ до приказаній. Въ городѣ были найдены большіе запасы ячменя, зерна и проч. У всѣхъ складовъ караулы 1-й дивизіи смѣнили наши часовые.

Въ небольшомъ городѣ Люле-Бургасъ намъ пришлось простоять до 19 числа; въ эти дни былъ посланъ взводъ подъ командою штабсъ-ротмистра Манюкина въ г. Ай-роболь для того, чтобы войти въ связь съ остальными полками дивизіи.

Въ ночь съ 17 на 18 число въ городѣ произошелъ пожаръ, причеиъ сгорѣлъ домъ, въ которомъ квартировали нѣкоторые наши офицеры. Во время пожара полковники Пилсудскій, Адамовичъ, штабсъ-ротмистры Яфимовичъ, Фельдманъ и корнетъ Кельчевскій лишились большей части своихъ вещей, сгорѣвшихъ вмѣстѣ съ выюками. Набѣжавшіе солдатки живо растащили горѣвшій домъ и тѣмъ спасли небольшой городъ.

У болгаръ существуетъ странный обычай стрѣлять во время пожара въ огонь, такъ что одновременно съ заревомъ пожара по городу начали раздаваться выстрѣлы.

18 числа утромъ было получено приказаніе изъ штаба генерала Скобелева 2-го отправить одинъ дивизионъ на половину дороги между гг. Чурлу и Люле-Бургасъ въ дер.

Кириштиранъ. Поэтому въ 4 часа пополудни 2-й дивизионъ, подъ командою полковника Пилсудскаго, выступилъ въ эту деревню.

19 числа нѣкоторые изъ офицеровъ ходили осматривать городъ, взбираясь между прочимъ на высокій минеретъ большой городской мечети, превращенной въ хлѣбный складъ; на дворѣ мечети помѣщались лошади 6-й Донской батареи. Артиллеристы офицеры, смѣясь, рассказывали, что нѣкоторые изъ казаковъ говорили, будто бы сегодня, т. е. 19 числа, подписанъ будетъ миръ. Не придавая конечно разсказу этому никакой вѣры, мы вмѣстѣ съ ними шутили и смѣялись.

Однако прѣхавшій со станціи казакъ сказалъ, что паши, ѣздившіе въ Адрианополь къ Великому Князю, сегодня вечеромъ возвращаются въ Константинополь; это обстоятельство какъ будто подтверждало утреніе слухи.

19 числа вечеромъ получено было приказаніе отъ генерала Скобелева: 1-му дивизиону выступить 20 января въ Кириштиранъ, гдѣ ночевать, присоединить къ себѣ 2-й дивизионъ и всему полку двигаться дальше въ г. Чурлу. Л.-гв. Конно-Гренадерскій полкъ еще 18 числа, кажется, ушелъ въ Мидію.

20 числа, въ 8 часовъ утра, мы сидѣли уже на коняхъ и вытягивались по узкимъ улицамъ города, по обѣимъ сторонамъ которыхъ въ лавкахъ и у костровъ грѣлись солдаты дивизіи генерала Скобелева, а отъ нѣкоторыхъ лавокъ съ храпѣніемъ отскакивали испуганныя лошади: тамъ помѣщались верблюды, которые были уже приспособлены подъ русскій вьюкъ ротной кухни и проч.

Пройдя верстъ десять по сѣрой вязкой дорогѣ, насъ догналъ казакъ съ приказаніями отъ генерала Скобелева, которыя и передалъ командиру полка, по званію командира бригады. Генераль Скобелевъ увѣдомлялъ генерала

Эттера о заключенномъ 19 числа перемирии, но вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ не объявлять этого официально до 21 числа.

Не смотря на то что перемиріе было пока еще секретомъ, эта радостная вѣсть живо разлетѣлась по всѣмъ офицерамъ; догадались и смѣтливые солдаты, такъ какъ кромѣ того казаекъ, перегоняя полкъ, успѣлъ уже проболтаться.

20 января день былъ сѣрый, но теплый, хорошій; жаворонки стаями перелетали съ полянки на полянку, приготавлиаясь вѣроятно къ отлету въ наши холодные, но родные намъ края.

Часа въ 3 мы пришли въ Кириштиранъ.

Никакихъ новыхъ приказаній получено не было, а потому 21 числа весь полкъ выступилъ въ Чурлу. При выходѣ изъ дер. Кириштиранъ, мы увидѣли на полянѣ цѣлое стадо брошенныхъ верблюдовъ. Ротмистры Баструевъ и Барановъ взяли себѣ по одному и эти послушныя животныя совершенно спокойно маршировали за вьюками полка.

Пройдя нѣсколько верстъ отъ деревни, мы встрѣтили разъѣздъ Петербургскаго Уланскаго полка, который доложилъ, что г. Чурлу теперь свободенъ, но что при занятіи его у генерала Струкова было тамъ удачное дѣло.

Городъ Чурлу.

Мы быстро и весело шли впередъ; часа въ три подошли къ желѣзно-дорожной станціи города Чурлу, миновавъ которую начали подниматься по шоссе въ гору, на которой и расположенъ г. Чурлу. Городъ небольшой, жители отличались крайнею нелюбезностью. Генералъ

Скобелевъ былъ уже въ то время въ г. Чурлу, куда онъ прѣхалъ изъ Люле-Бургаса по желѣзной дорогѣ.

Тотчасъ по приходѣ, командиръ полка отправился къ генералу Скобелеву узнать о подробностяхъ перемирія и въ тоже время получить дальнѣйшія приказанія. Возвратившись, командиръ полка сообщилъ, что перемиріе было дѣйствительно заключено въ видахъ скорого заключенія славнаго мира. Кромѣ того, передалъ генераль, нужно назначить отъ полка взводъ подъ командою офицера, который бы составилъ родъ почетнаго конвоя нашему парламентеру. Взводъ, подъ командою штабсъ-ротмистра Яфимовича, былъ назначенъ сборный отъ полка, который и выступилъ 22 числа по направленію къ г. Чатаджѣ.

Въ г. Чурлу остались жители, состоящіе главнымъ образомъ изъ грековъ, и сохранились магазины, такъ что можно было въ кофейнѣ пообѣдать, хотя не важно, и поиграть на билліардѣ.

Необыкновенно хорошо работали хлѣбопеки и сапожники, такъ какъ давно уже не ѣли мы свѣжаго хлѣба, и всякій спѣшилъ зашить свои, у иныхъ совершенно развалившіеся, сапоги.

23 числа мы съ полками дивизіи генерала Струкова должны были перейти въ Силиври, однако выступленіе наше отложено было до 24 числа. Прѣхавшій 23 числа офицеръ нашей дивизіи доложилъ генералу Эттеру, что штабъ дивизіи и четыре полка, въ виду заключеннаго перемирія, стоятъ, отдыхаютъ и наслаждаются мирною жизнью въ очень хорошемъ приморскомъ городѣ Родосто.

Въ тотъ же день вечеромъ 23 числа въ полкъ были присланы бамбуковыя турецкія пики, найденныя въ адрианопольскомъ складѣ (генераломъ Струковымъ), а потому Его Высочество Шефъ полка Главнокомандующій и прислалъ эти пики въ подарокъ своему полку. По возвраще-

ній полка изъ похода Государь Императоръ навсегда пожаловаль эти пики Уланскому полку.

Начальникъ кавалеріи авангарда генерала Скобелева, генераль Дохтуровъ, выступаль 24 числа вмѣстѣ съ нами и шель также въ Силиври.

Въ Силиври имѣлось двѣ дороги: одна морская дальняя, а другая ближе, вдали отъ моря, но всё были рады сдѣлать нѣсколько лишнихъ верстѣ, лишь бы идти по берегу Мраморнаго моря, которое намъ предстояло видѣть тогда еще въ первый разъ и никто не думаль, что впослѣдствіи такъ долго придется имъ любоваться. Дорога въ одномъ мѣстѣ идетъ совсѣмъ около моря, всего можетъ быть въ разстояніи десятка сажень, а потому сначала офицеры, а потомъ и солдаты спѣшили поить лошадей и омытъ имъ усталыя ноги въ водахъ Мраморнаго моря, вода котораго дѣйствительно имѣеть какой-то особенный, если можно такъ назвать, мраморный колоритъ.

Многіе уланы, выступившіе 3 августа 1877 года изъ Петергофа и поившіе лошадей тогда съ берега Балтійскаго моря, тѣхъ же лошадей—24 января 1878 года—поили съ берега Мраморнаго моря.

Затѣмъ мы шли дальше по берегу моря; наконецъ, увидѣли издали на горѣ городъ, казавшійся очень красивымъ; какой-то пароходъ довольно быстро отчаливаль отъ пристани. Масса народу изъ города вышла къ намъ на встрѣчу; большинство населенія г. Сильври греки и армяне. Городъ совершенно нераззоренный.

25 января генераль Эттеръ хотѣлъ выступить съ полкомъ дальше въ Чаталджу по слѣдамъ генерала Струкова, но генераль Дохтуровъ, какъ начальникъ всей кавалеріи отряда генерала Скобелева, отмѣнилъ это распоряженіе, приказавъ остаться въ Силиври до новаго пораженія.

Городъ Силиври.

Такимъ образомъ 25 и 26 числа мы простояли на мѣстѣ и отъ нечего дѣлать осматривали достопримѣчательности города. Замѣчательности города Силиври составляли: подземный ходъ, идущій отъ середины города къ берегу моря, затѣмъ мечеть, передѣланная изъ православной церкви, но сторѣвшая и не отстраивающаяся больше турками изъ предразсудковъ. Кромѣ того замѣчательны развалины древнихъ храмовъ, стѣны которыхъ покрыты всевозможными надписями и фамиліями путешественниковъ. Въ соборѣ г. Силиври покоятся мощи св. Ксеніи. Архіерей г. Силиври, во время осмотра, пригласилъ насъ къ себѣ. Не по богатой лѣстницѣ, вошли мы въ прихожую архіерея, гдѣ сняли пальто и затѣмъ вошли въ большую просто отдѣланную комнату, въ углу которой на диванѣ сидѣлъ почтенный старецъ лѣтъ 70-ти, съ умными выразительными черными глазами, съ длинной бѣлой бородой, на лицѣ старца лежала печать грусти и страданія душевнаго и тѣлеснаго; намъ приходилось объясняться чрезъ переводчика, который сказалъ, что владыка болѣнъ, страдаетъ ревматизмомъ и одышкой и что ему чрезвычайно грустно, что онъ не можетъ самъ на русскомъ языкѣ передать той радости, которую удалось ему испытать на закатѣ своихъ дней: видѣть войско, или такъ сказать, дѣтей Великодушнѣйшаго и Мудрѣйшаго изъ Царей; дальше продолжалъ переводчикъ: владыка желаетъ познакомить васъ съ своимъ прошедшимъ: онъ былъ долгое время митрополитомъ въ Адрианополѣ, но своимъ честнымъ и правдивымъ поведеніемъ подвергнувъ себя опалѣ Константинопольскаго патриарха, извѣстнаго туркофила, который и сослалъ его сюда въ

Силиври. Владыко разсказаль намъ, между прочимъ, что нѣсколько десятковъ или сотенъ лѣтъ тому назадъ, 24 января въ Силиври моремъ приплыли мощи преподобной Ксеніи, а теперъ 24 января 1878 года вошли русскія войска, на защиту христіанъ.

Добрый старикъ по принятому обычаю угощалъ насъ вареньемъ и очень тепло при разставаніи насъ обнялъ и каждаго благословилъ.

26 января мы получили приказанія: 1) что откомандировываемся отъ отряда генерала Скобелева и 2) что полку слѣдуетъ дожидаться 6-й Донской батареи (которая изъ Чурлу пошла съ генераломъ Струковымъ) и затѣмъ, соединясь въ Чурлу съ конно-гренадерами, перейти на стоянку въ Родосто.

Поэтому, 27 числа, рано утромъ, былъ посланъ въ Чаталджу конвой, который долженъ былъ сопровождать батарею, а мы въ тоже время получили приказаніе назначить въ конвой Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича младшаго взводъ, который бы сопровождалъ Великаго Князя изъ Силиври въ Чурлу; но въ виду ходившихъ слуховъ, что между этими городами бродятъ большія шайки черкесовъ, командиръ полка рѣшилъ конвоировать Великаго Князя цѣлымъ дивизиономъ, такъ какъ и безъ того полку слѣдовало перейти на другой день въ Чурлу. Великій Князь заѣхалъ въ Силиври мимоходомъ изъ Чаталджи, такъ какъ—говорили одно время—было предположеніе перевести туда главную квартиру; приказаніе было отдано, и 1-й дивизионъ началъ готовиться къ выступленію. Ровно въ часъ пополудни дивизионъ, построенный вдоль шоссе у выхода изъ города, ожидалъ Великаго Князя.

Скоро показалась небольшая группа всадниковъ, впереди которой ѣхалъ Великій Князь, по сторонамъ—гене-

раль Галль, полковникъ Поливановъ и проч. Поздоровавшись съ дивизиономъ, Великій Князь подѣхалъ къ командиру полка, поздоровался съ нимъ, скомандовалъ „пики за плечо“ и мы тронулись, выславъ впередъ авангардъ. Такъ какъ переходъ былъ большой, то мѣшкать было нечего; казакъ Великаго Князя шель необыкновенно большимъ шагомъ, но и дивизионъ не отставалъ, въ иныхъ мѣстахъ мы шли рысью; совсѣмъ уже стемнѣло, когда издали увидали огоньки и услышали вой и лай собакъ въ Чурлу. Около 8 часовъ прибыли къ станціи желѣзной дороги, откуда Великій Князь въ ночь долженъ былъ ѣхать въ Адрианополь. Поблагодаривъ дивизионъ, Великій Князь отпустилъ на каждого нижняго чина по полтиннику. Затѣмъ мы вернулись въ знакомый уже намъ городъ, гдѣ квартиры мы нашли лучшіе дома, а главное—болѣе радушныхъ хозяевъ.

На другой день, 28 числа, мы стояли въ Чурлу и наслаждались весенней погодой, ходили къ станціи желѣзной дороги, гдѣ встрѣтили шедшую въ Чурлу 1-ю гвард. пѣхотную дивизию, которая, согласно дислокаціи, должна была здѣсь расположиться на время перемирія.

29 числа вечеромъ прибылъ нашъ 2-й дивизионъ, конвоировавшій 6-ю батарею, а 30 числа мы, съ собравшимся въ это время Конно-Гренадерскимъ полкомъ и 6-ю батареею, должны были перейти въ Родосто. Всѣ, побывавшіе тамъ, хвалили городъ, который не пострадалъ нисколько отъ черкесовъ и баши-бузуковъ, тамъ шла торговля, пароходы брали и привозили корреспонденцію; сообщеніе съ Константинополемъ было, кажется, три раза въ недѣлю, такъ что можно было получать газеты; было кое-какое общество, отъ котораго мы такъ отвыкли,—однимъ словомъ, все насъ такъ и манило въ Родосто.

30 числа, рано утромъ, полкъ построился на город-

свой площадкѣ, гдѣ предъ выступленіемъ командиръ полка генераль-маіоръ Эттеръ сказалъ рѣчь, смыслъ которой былъ приблизительно слѣдующій:

Мы, т. е. уланы, теперь идемъ на отдыхъ, послѣ трудной службы, но въ томъ случаѣ еслибы отъ насъ потребовали новыхъ лишеній и трудовъ, то каждый изъ насъ, проникнутый чувствомъ преданности къ Государю, любви къ родинѣ и долгу службы докажетъ, что для улана не существуетъ препятствій. Послѣ громкаго „ура!“ въ отвѣтъ на слова командира полка, съ проводникомъ впереди, мы потянулись по грунтовой проселочной дорогѣ; проходили чрезъ брошенныя деревни; вскорѣ увидѣли влѣво отъ себя Мраморное море, затѣмъ, взобравшись на горку, увидали сотни домовъ, какъ будто прилепленныхъ къ берегу моря, передъ которыми стояли суда; это былъ г. Родосто.

Передъ самымъ городомъ собрали трубачей обоихъ полковъ и, увидя ѣхавшаго на встрѣчу командующаго дивизію, встрѣтили его такъ называемымъ бригаднымъ маршемъ; генераль Клотъ, здороваясь, объѣхалъ оба полка и, благодаря за службу, поздравилъ съ перемиріемъ.

Съ уланскимъ маршемъ вступили мы въ Родосто, гдѣ уже на улицахъ встрѣчались солдаты полковъ нашей дивизіи, разгуливавшихъ почти какъ дома.

На отдыхъ въ городѣ Родосто.

Помѣщеніе для лошадей было не совсѣмъ удобное, однако размѣститься было возможно, — лучшія конюшни были заняты прежде насъ пришедшими полками дивизіи.

Офицеры довольно хорошо размѣстились въ армянскихъ и греческихъ домахъ.

Въ день нашего прихода вечеромъ, офицеры дивизіи, болѣе обжившіеся въ городѣ, устраивали балъ по подпискѣ въ честь общества г. Родосто, сдѣлавъ предварительно визиты консуламъ и разославъ имъ приглашенія.

Довольно большой залѣ тамошняго лучшаго кафе, на берегу моря, постарались придать самый веселый и праздничный видъ; всѣ стѣны были отдѣланы зеленью, по стѣнамъ и потолку въ импровизированныхъ подсвѣчникахъ горѣли сотни свѣчъ. Часовъ въ 9 балъ начался; все было хорошо; одно трудно было—справиться съ музыкой; однако, человекъ 9 трубачей нашего полка и 6 драгунъ играли кое-какъ, а подъ звуки этого оркестра офицеры въ различныхъ формахъ (такъ какъ начиная съ чистаго мундира до засаленнаго полушубка были всевозможные костюмы) съ увлеченіемъ танцевали съ гречанками и армянками; разговоры во время танцевъ происходили больше пантомимами; впрочемъ, слово „хорошо“ было скоро понято всѣми, такъ что дамамъ показывали на глаза съ прибавленіемъ „хорошо“ и они нисколько не сердились и отъ души смѣялись; впрочемъ, бывали разговоры другаго рода, болѣе практичнаго: дама, напр., объясняла кавалеру сколько во франкѣ піастровъ и т. д.

Послѣ мазурки всѣ отправились ужинать.

Во время ужина пили за здоровье Государя—вся зала задрожала отъ громкаго „ура“, пили за здоровье жителей и представителей Родосто; въ отвѣтъ на послѣдній гость намъ на ломаномъ русскомъ языкѣ прочитали рѣчь, въ которой благодарили Государя, Главнокомандующаго и все русское войско за избавленіе отъ турецкихъ насилій.

Разсвѣтало уже, когда всѣ начали расходиться по домамъ,—именно расходиться, такъ какъ въ Родосто, да и въ большинствѣ турецкихъ городовъ, мало экипажей,

и дамы, съ фонарями въ рукахъ, подобравъ платья, возвращаются домой.

Скоро весь городъ преобразовался, наѣхали разные торговцы, открылись рестораны, и началась беззаботная жизнь; во время перемирія всѣ мечтали о скоромъ мирѣ, о возвращеніи домой и все шло хорошо и весело, но не долго пришлось наслаждаться намъ этой мирной жизнью. 5 февраля пришло приказаніе, чтобы 6 числа Уланскому полку выступить въ Эрекли, и ожидать тамъ приказаній.

Никто не зналъ нашего назначенія, иные говорили, что это составляется почетный конвой Великаго Князя Главнокомандующаго, другіе говорили, что перемиріе все тянется; турки не соглашаются подписать условій мира, поэтому отрядъ этотъ имѣетъ значеніе наступательное. Дѣлать было нечего, приходилось оставлять Родосто, — пришли позже всѣхъ и приходится уходить первыми.

Выступление изъ Родосто.

Утромъ 7 числа полкъ выстроился у выхода изъ города и ожидалъ приѣзда генерала Эттера, который, съ раздѣленіемъ бригады, опять вступалъ въ командованіе полкомъ. Утро было отличное, теплое, весеннее; многіе изъ офицеровъ полковъ дивизіи выѣхали насъ проводить и пожелать успѣха.

Переходъ былъ довольно большой, но тѣмъ не менѣе мы еще засвѣтло пришли въ Эрекли, гдѣ стояла въ то время 1-я бригада 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, вслѣдствіе чего помѣщенія были заняты и полку пришлось остановиться на открытомъ воздухѣ; люди же кое какъ пристроились — кто къ стѣнѣ, кто отправился къ знакомому пѣхотинцу и такъ переночевали; на другой

день, 8 февраля, мы должны были перейти въ Силиври, подходя куда обогнали Стрѣлковый баталіонъ Императорской фамиліи, командиръ котораго графъ Клейнмихель сказалъ, что къ этому отряду (какъ думали почетному конвою) прибавляется и вся Стрѣлковая бригада. Придя въ знакомый намъ городъ Силиври, почти всѣ размѣстились на старыхъ квартирахъ.

Общимъ начальникомъ этого отряда былъ назначенъ командующій 1-ю гв. пѣхотную дивизією генераль-маіоръ Раухъ, который предписалъ намъ на другой день, т. е. 9 февраля, перейти къ Каликрату—мѣстечку противъ Бююкъ-Чекмеджи, чрезъ которое шла демаркаціонная линія.

Выступивъ довольно рано и пройдя чрезъ большое греческое село Бурдосъ или Плевато, полку было прислано приказаніе отъ генераль-маіора Рауха перейти въ сторону въ деревню Кшастерово, гдѣ и остановиться до приказаній. Деревня Кшастерово довольно большая, населенная преимущественно греками; при приближеніи нашемъ мы увидѣли выходящую церковную процессію съ хоругвями и духовенствомъ впереди, пока квартирьеры отводили въ деревнѣ помѣщенія, командиръ полка и нѣкоторые офицеры были приглашены жителями въ церковь для слушанія благодарственного молебна. Черезъ нѣсколько часовъ въ эту же деревню пришли 1-й Стрѣлковый баталіонъ Его Величества и 4-й Императорской фамиліи, которые и вошли такимъ образомъ подъ команду генерала Эттера, какъ старшаго. Еще въ Родосто командованіе гвардейскимъ корпусомъ было поручено графу Шувалову, а генералъ Гурко сдѣлался командующимъ цѣлымъ отрядомъ.

9 числа мы простояли въ Кшастеровѣ, все-таки не зная своего назначенія; всѣ еще были убѣждены, что

это почетный отрядъ, который будетъ конвоировать Великаго Князя при торжественномъ Его въездѣ въ Константинополь.

10 числа, часовъ въ 5 пополудни, было получено приказаніе: 11 числа къ 6 часамъ утра полку прибыть къ Каликрату, гдѣ расположиться на отдыхъ, причемъ подтверждалось имѣть возможно больше патроновъ, а сухарей на трое сутокъ. Это послѣднее приказаніе показалось намъ немного страннымъ.

Но подтвержденіемъ нашего первоначальнаго предположенія о торжественномъ входѣ въ Константинополь служило то, что многимъ офицерамъ разрѣшено было ѣхать въ Адрианополь за новыми вещами, такъ какъ въ это время тамъ находились обозы частей гвардейскаго корпуса.

11 числа, въ 2 часа пополудни, въ совершенно темную ночь начали мы выѣзжать и выстраиваться за деревней, а въ 2¹/₂ часа мы выступили; дорога все время шла берегомъ моря, на дорогѣ замѣтно было большое движеніе: шла пѣхота, артиллерія и проч.

Безчисленное количество маленькихъ костровъ освѣщало все шоссе; это были отсталые на отдыхѣ; говоръ, окликиваніе такъ и раздавалось въ темнотѣ теплой весенней ночи.

Часовъ въ 5 пришли къ Каликрату, а пріѣхавшій ординарецъ передалъ приказаніе графа Шувалова собраться къ нему немедленно командирамъ отдѣльных частей. Я провожалъ генерала, но къ графу Шувалову не входилъ; черезъ полчаса всѣ командиры начали выходить изъ дома, гдѣ временно помѣщался графъ. Какимитовозволнованными голосами велись ихъ разговоры, большею частію шепотомъ, однимъ словомъ чувствовалось что-то недоброе. Оказалось, что турки мѣшкали подпи-

саніемъ мира, а потому рѣшено было 11 числа утромъ послать письмо туркамъ съ парламентаромъ; содержаніе письма мнѣ было неизвѣстно, но сущность заключалась кажется въ томъ, что мы требовали, чтобы турецкія войска отошли отъ Куюкъ-Чекмеджи и очистили бы Санъ-Стефану, куда долженъ былъ переѣхать Великій Князь съ главной квартирой; окрестныя деревни предписывалось очистить для войскъ, въ случаѣ же неисполненія турками этого требованія добровольно, заставить ихъ исполнить силою. Когда совсѣмъ уже разсвѣло, полкъ перешелъ къ мосту, гдѣ мы слѣзли и ожидали приказанія—послать взводъ для конвоированія нашего парламентаря. О посылкѣ этого взвода гр. Шуваловъ лично передалъ генералу Эттеру; взводъ шелъ подъ командою штабсъ-ротмистра Яфимовича.

Часовъ въ 8 утра, парламентаръ штабсъ-ротмистръ Сухановъ, бывший ординарецъ генерала Гурко, съ бѣлымъ платкомъ на нашей длинной бамбуковой пикѣ, конвоируемый взводомъ уланъ, перешелъ черезъ мостъ у дер. Беюкъ-Чекмеджи; черезъ часъ тронулся по тому же направленію нашъ полкъ, отъ котораго были посланы далеко впередъ разъѣзды, а полкъ, подвигаясь по шоссе, прошелъ черезъ брошенную деревню Беюкъ-Чекмеджи; затѣмъ версты черезъ три мы поднялись на горку, съ которой увидѣли множество турецкихъ лагерей, расположенныхъ близъ селеній Кучукъ-Чекмеджи и Флурія. Довольно длинный и широкій заливъ раздѣлялъ насъ, сообщеніе черезъ заливъ шло по узкому мосту. Для того, чтобы движеніе полка не было бы турками преждевременно замѣчено, полкъ, по приказанію генераль-адъютанта гр. Шувалова былъ остановленъ за пригоркомъ, а графъ съ командиромъ полка проѣхали дальше, чтобы наблюдать за происходившемъ въ турецкомъ лагерѣ.

Мы видѣли, какъ изъ Константинополя въ Санъ-Стефано приходили поѣзда, какъ одинъ изъ нихъ очень большой пошелъ въ Чаталджу. Пока не было никакихъ донесеній отъ парламентаря; впрочемъ, послѣ часа ожиданія, мы начали замѣчать, какъ почти во всѣхъ лагеряхъ быстро исчезали палатки; въ бинокль было видно, какъ поспѣшно лагери снимались, артиллерія увозила свои орудія и проч.; значить все шло благополучно и требованія наши исполнялись; вскорѣ парламентарь прислалъ донесеніе, что турки готовы очистить все по желанію графа, но просятъ нѣкотораго снисхожденія, т. е. разрѣшенія остаться въ иныхъ деревняхъ на извѣстное время, что и было имъ дозволено.

Тотчасъ же было послано приказаніе полку двигаться впередъ, вскорѣ подошла пѣхота и мы вступили такимъ образомъ за демаркаціонную линію въ турецкое расположеніе. Полку вмѣстѣ съ стрѣлковой бригадой и двумя пѣшими батареями приказано было переночевать въ деревнѣ Галатарія и затѣмъ ожидать дальнѣйшихъ приказаній.

Деревня Галатарія близъ Санъ-Стефано.

Подходя къ дер. Галатаріи, мы увидѣли вдалекѣ безчисленное множество константинопольскихъ минаретовъ; общее вниманіе и бинокли всѣхъ были устремлены на храмъ Софіи, мѣстонахожденіе котораго всякій объяснял по своему; за версту отъ деревни, насъ встрѣтили мѣстные жители, духовенство съ хоругвями; полкъ былъ остановленъ и тутъ же отслуженъ греческимъ священникомъ молебенъ.

Не успѣвшіе убраться турецкіе солдаты присоединились къ грекамъ и въ общей толпѣ вышли намъ на

встрѣчу; вмѣсто отвѣтовъ они тупо, но добродушно по-смѣивались на предлагаемые имъ вопросы.

Въ ночь съ 11 на 12 число, въ Санъ-Стефано при-былъ Великій Князь Главнокомандующій со всѣмъ своимъ штабомъ.

Въ 12 числа, полку приказано было перейти на стоянку въ чифлики (фермахъ).

Только что полкъ готовился расположиться въ чифликахъ, недалеко отъ Санъ-Стефано, какъ командиръ полка прислалъ приказаніе изъ главной квартиры: встать полку въ дер. Нифасъ; мы хотѣли было уже повернуть и идти по назначенію, какъ пріѣхавшій ординарецъ передалъ, что Его Высочество сейчасъ-же будетъ смотрѣть полкъ; живо подровнялись и все было готово для встрѣчи. Великій Князь объѣхалъ весь полкъ, здороваясь съ каждымъ эскадрономъ отдѣльно; затѣмъ собралъ къ себѣ всѣхъ офицеровъ, благодарилъ за службу, но впрочемъ прибавилъ, что если будетъ приказано опять идти въ дѣло, то мы (Великій Князь подразумѣвалъ и себя съ полкомъ) переплывемъ и черезъ Босфоръ; громкое „ура“ было отвѣтомъ на ласковую рѣчь Великаго Князя. Затѣмъ полкъ прошелъ по-эскадронно церемоніальнымъ маршемъ. Великій Князь благодарилъ каждый эскадронъ отдѣльно, а затѣмъ, поблагодаривъ еще разъ весь полкъ за службу, сказалъ: а теперь пока съ Богомъ по домамъ, отдыхайте!

Проводивъ Шефа, полкъ, съ пѣсенниками впереди, тронулся по направленію къ дер. Нифасъ. Дорога сперва идетъ по горкѣ, спустившись съ нея, видишь извилистый ручеекъ, по берегу котораго стояли турецкіе часовые, а около моста, по обѣ стороны дороги, раскинуто нѣсколько палатокъ; это былъ вѣроятно пропускной постъ.

Мы прямо шли на мостъ; стоявшіе тамъ парные часовые вызвали роту въ ружье, которая и отдала намъ честь; офицеръ салатовалъ, а нижніе чины все время прохожденія полка держали ружья на караулъ.

Подходя къ Нифасу, выслали впередъ квартирьеровъ, которые донесли, что въ деревнѣ турки, и что они не имѣютъ приказанія очистить деревню; поэтому, подошедши къ самой деревнѣ, командиръ полка приказалъ слѣзть и самъ поѣхалъ объяснить съ пашой, который прямо отвѣчалъ на всѣ доводы генерала, что онъ, какъ лицо тоже подчиненное, не можетъ очистить деревню безъ приказаній военнаго министра. Генералъ Эттеръ, думая что произошло какое-нибудь недоразумѣніе въ названіи деревни, рѣшилъ вернуться обратно въ Галатарію и доложить обо всемъ этомъ Великому Князю Главнокомандующему.

Трудно знать причину, но Великій Князь остался донесеніемъ крайне недоволенъ и приказалъ непременно войти въ дер. Нифасъ. Это приказаніе пришло когда полкъ расположился уже совсѣмъ въ Галатаріи; идти опять обратно было немыслимо: ночь была совершенно темная; лошади сильно утомились, пройдя довольно далеко по очень грязной дорогѣ, да кромѣ того къ намъ присоединилась на дорогѣ въ Нифасъ л.-гв. 6-я Донская батарея, которой пришлось, послѣ большого перехода, пройти къ Нифасу и вернуться тою же дорогою обратно. Командиръ батареи настойчиво просилъ разрѣшить ему ночевать въ Галатаріи и выкормить какъ слѣдуетъ усталыхъ лошадей.

Генералъ Эттеръ рѣшилъ въ ночь же идти съ однимъ дивизиономъ; въ случаѣ, если бы турки не очистили Нифаса, то вновь донести въ главную квартиру и тогда уже ожидать приказаній.

Согласно предпринятому рѣшенію, 2-й дивизионъ выступилъ въ 2¹/₂ часа ночи. Ясныя звѣзды блистали въ непроницаемой темнотѣ южной, тихой, но довольно свѣжей ночи. Такъ какъ дорога была незнакома дивизиону и идти по ней въ темнотѣ было не безопасно, то приказали слѣзть и вести лошадей въ поводу; такимъ образомъ мы двигались шагъ за шагомъ, хотѣли было начать спускаться къ мосту на ручейкѣ, вдоль котораго шла демаркаціонная линія, какъ вдругъ мы услышали какіе-то непонятные намъ крики, и кое-какъ разглядѣли приближавшіяся къ намъ фигуры, это были турецкіе часовые; черезъ переводчика они объяснили, что не имѣютъ права насъ пропустить; поэтому генераль Эттеръ остановилъ дивизионъ и просилъ поручика Хана-Нахичеванскаго, говорившаго по-турецки, съѣздить въ родѣ парламентаря къ пашѣ въ Нифасъ и просить объяснить все это недоразумѣніе.

Начало свѣтать, всходившее солнце освѣтило уже константинопольскія мечети и ихъ высокіе минареты, когда мы увидѣли на дорогѣ возвращавшагося Хана; онъ доложилъ командиру полка, что паша послѣ нашего ухода вновь телеграфировалъ военному министру и не получилъ приказаній очистить Нифасъ; тогда генераль Эттеръ послалъ офицера съ донесеніемъ къ графу Шувалову, который приказалъ стоять до 16 числа бивуакомъ, а 16 числа поутру — перейти въ Нифасъ; это было только 12 числа утромъ, приходилось такимъ образомъ стоять четверо сутокъ бивуакомъ въ февралѣ мѣсяцѣ подъ открытымъ небомъ; въ Галатаріи нельзя было уже помѣститься, такъ какъ тамъ встала пѣхота; однако помѣщеніе, хотя и неважное, но для одного дивизиона было, такъ что дивизионы по-очередно ходили почевать въ деревню. 13, 14 и 15 числа стояли въ чистомъ полѣ, ни одного ку-

стика, ни одного дерева—какъ вообще близъ Константинополя; впрочемъ нужно сказать, что погода на наше счастье была очень хорошая, такъ что вообще на бивуаки не очень терпѣли.

Деревня Нифасъ.

16 числа утромъ, выславъ впередъ квартиреровъ, мы перешли въ дер. Нифасъ. Такимъ образомъ полкъ нашъ былъ выдвинутъ въ самую передовую линію. Изъ оконъ домовъ простымъ глазомъ были видны турецкіе лагеря и одиночные люди. Въ Нифасѣ помѣстились сначала только три эскадрона: 1-й, 2-й и 3-й, а 4-й остался при батарее въ чифликѣ-Папасъ; но не долго стояла тамъ батарея; ее куда-то перевели, а 4-й эскадронъ, простоявъ нѣсколько дней въ деревнѣ Ай-па, присоединили къ полку.

Размѣстившись въ Нифасѣ, сейчасъ же были выставлены кругомъ деревни пѣшіе караулы и конные разъѣзды; первые продолжали оставаться все время нашей стоянки въ деревнѣ.

17 числа было получено отъ Великаго Князя Главнѣкомандующаго приказаніе: съ полученія сего, полку прибыть къ маяку въ Санъ-Стефано. Такъ какъ мы стояли довольно далеко отъ него и кромѣ того насъ раздѣляла рѣчка или, правильнѣе сказать, ручеекъ съ чрезвычайно топкими берегами, поэтому, не смотря на то, что полкъ все время шелъ на рысяхъ, мы пришли къ маяку когда Великій Князь вернулся уже домой; Его Высочество вызвалъ по тревогѣ отрядъ, расположенный въ Санъ-Стефано, которому и произвелъ небольшое ученье.

18 числа отъ всѣхъ полковъ, стоявшихъ вблизи Санъ-

Стефано, въ томъ числѣ и отъ нашего, были назначены взводы въ санъ-стефанскую церковь для слушанія панихиды по въ Бозѣ почивающемъ Императорѣ Николаѣ I.

Парадъ.—Санъ-Стефанскій миръ.

19 числа, въ день восшествія на престолъ Государя Императора, былъ назначенъ парадъ. Многіе говорили, что этотъ день совпадаетъ также и съ заключеніемъ мира, но это были однѣ лишь предположенія. Парадъ былъ назначенъ въ часъ дня, въ мундирахъ. Войска, какъ говорилось въ приказѣ, должны были строиться фронтомъ къ Константинополю, тыломъ къ Санъ-Стефано. Идя на парадъ, мы обгоняли пѣхотные гвардейскіе полки, которые, съ музыкой впереди, шли къ Санъ-Стефано, какъ будто на Царицынъ Лугъ въ Петербургѣ; въ 12 часовъ всѣ войска были уже на мѣстахъ. Безчисленное множество экипажей привезли изъ Константинополя самое разнообразное общество, не говоря уже о томъ, что цѣлыя массы пѣшеходовъ сновали около войска; конечно не замедлили явиться и торговцы, которые въ самое короткое время успѣли уже выучиться: „водка корошъ, табакъ бонъ“ и проч. Погода была чрезвычайно теплая, хотя и пасмурная. Не смотря на то что это было 19 февраля—въ мундирахъ было не холодно; солнце нѣсколько разъ выходило изъ-за облаковъ и своимъ блескомъ освѣщало величественную картину.

Скоро начали объѣзжать войска командиры; вотъ уже приближалось и время приѣзда Великаго Князя, но вмѣсто него подскакалъ къ генералу Гурко (командовавшему парадомъ) дежурный адъютантъ и передалъ приказаніе Ве-

ликаго Князя: пѣхотѣ составить ружья, а кавалеріи слѣзть.

Всѣ находились въ какомъ-то особенномъ настроеніи, всѣ были взволнованы, предчувствуя быть можетъ великую давно жданную минуту. Одна лишь погода хмурилась, небо затянулось свинцовыми тучами, въ особенности было мрачно надъ Константинополемъ и вправо надъ азіатскимъ берегомъ.

Прошло такимъ образомъ нѣсколько часовъ томительнаго ожиданія; наконецъ въ Санъ-Стефано раздались крики „ура“, быстро приближавшіеся къ войскамъ.

Команда: „смирно!“ заставила смолкнуть всѣхъ и забиться сердца. Великій Князь, окруженный своей свитой, широкимъ галопомъ объѣхалъ войска и поздравилъ ихъ съ заключеннымъ миромъ; громкое, непринужденное „ура!“ вырвалось изъ груди добраго честнаго солдата, не было предѣла восторга, если можно такъ выразиться.

Объѣхавъ всѣ войска, Великій Князь проѣхалъ впередъ первой линіи къ приготовленному аналою и пригласилъ къ себѣ всѣхъ офицеровъ. Когда всѣ собрались, Великій Князь еще разъ поздравилъ всѣхъ съ миромъ и благодарилъ за славную и молодецкую службу вѣреныхъ ему войскъ въ продолженіи всей трудной кампаніи. Однако Великій Князь прибавилъ при этомъ, что если бы Государь отъ насъ еще потребовалъ службы, то мы всѣ готовы умереть за своего обожаемаго Монарха, при чемъ снялъ фуражку и одиночное „ура“ его громкаго голоса, повторилось неумолкаемымъ „ура“ десятковъ тысячъ голосовъ; фуражки, какъ у солдатъ, такъ и у офицеровъ полетѣли кверху. Затѣмъ Великій Князь сошелъ съ лошади, а за нимъ и большинство его свиты, и въ присутствіи всѣхъ собравшихся начался благодарствен-

ный молебенъ, совершаемый русскимъ православнымъ священникомъ въ виду Константинополя.

Никогда не изгладится изъ памяти присутствовавшихъ эта великая, торжественная минута; сама природа какъ будто всматривалась въ совершавшееся; свинцовое небо, казалось, разодвинулось, чтобы дать заходящему солнцу освѣтить своими послѣдними лучами дня 19 февраля 1878 года эту чудную картину.

Надъ Константинополемъ также что-то прояснилось; высокіе минераты его еще лучше обрисовались на сѣромъ фонѣ неба; одни острова Принца какъ-то сумрачно глядѣли, за ними стоялъ или, правильнѣе сказать, скрывался въ то время англійскій флотъ, но миръ былъ заключенъ и никто о немъ не думалъ.

По окончаніи молебна, по провозглашеніи многолѣтія всему Царствующему Дому, христіюбивому побѣдоносному всероссійскому воинству и вѣчной памяти воинамъ, на полѣ брани за Вѣру, Царя и Отечество животовъ свой положившихъ, причемъ всѣ присутствующіе встали на колѣни, начался церемоніальный маршъ. Уже темнѣло, когда пѣхота весело проходила мимо Великаго Князя, причемъ Главнокомандующій благодарилъ отдѣльно каждую часть, но когда за пѣхотой пошла кавалерія состоявшая изъ эскадрона почетнаго конвоя Государя нашего полка и л.-гв. Казачьяго Его Величества полка — трудно было различить не только эскадронъ, но и полкъ — такъ быстро стемнѣло.

Послѣ парада намъ приходилось сдѣлать еще 8 верстъ, но въ эту минуту всѣ труды были забыты; всѣ спѣшили поздравить другъ друга; всѣ обнимались и искренно цѣловались; многіе уже дѣлали всевозможныя предположенія о скоромъ и счастливомъ возвращеніи на родину. Темнота быстро наступала, приходилось

идти шагъ за шагомъ по неизвѣстной дорогѣ и только около 11 часовъ мы пришли въ Нифасъ.

Такимъ образомъ кончается собственно боевая служба нашего полка въ турецкую кампанію 1877—1878 годовъ.

Чрезвычайно трудная и непріятная служба выпадала на долю кавалеріи въ продолженіи минувшей кампаніи.

Сколько разъ намъ приходилось разставлять цѣлыя эскадроны на постахъ летучей почты, какимъ количествомъ ординарцевъ и сколькими конвоями ослаблялась численность эскадроновъ. У насъ въ полку всѣ эти наряды исполнялись, какъ я увѣренъ и во всякомъ другомъ, съ необыкновенною добросовѣстностью.

Въ г. Брада, на примѣръ, находился цѣлый сборный эскадронъ отъ дивизіи для конвоированія транспортовъ. Отъ каждаго полка тамъ были взводы при офицерахъ. Нашему же полку и л.-гв. Гусарскому Его Величества пришлось, кромѣ того, въ продолженіи цѣлаго почти мѣсяца доставлять фуражъ въ отрядъ генерала Дандевилля, стоявшаго въ концѣ ноября и въ началѣ декабря 1877 г. на горахъ предъ Арабконакомъ.

Сколько сотъ плѣнныхъ пришлось переконвоировать каждому полку, сколько тысячъ штукъ скота пришлось перегнать русскому кавалерійскому солдату.

Съ необыкновеннымъ благоговѣніемъ вспоминаю я обо всѣхъ офицерахъ нашего роднаго полка, совершившихъ кампанію 1877—1878 годовъ и перенесшихъ всѣ физическіе труды и нравственныя страданія, честно и покорно относясь при этомъ необыкновенно строго къ себѣ въ выполненіи обязанностей службы и долга присяги.

Всѣ мелочи жизни въ кампаніи были забыты—обреченные судьбой на выполненіе одной и той же общей задачи—мы всѣ, такъ сказать, думали одними думами, заботились однѣми заботами однѣми интересами, интере-

одними надеждами жили всё и, право, смѣю сказать, скованные одинаковыми условіями, одинаковой обстановкой, одной общей идеей, мы, т. е. л.-гв. Уланскій полкъ, составляли, если не одну семью, то во всякомъ случаѣ честное, добросовѣстное и преданное Царю и Отечеству общество. Имена и фамиліи всёхъ товарищѣй, ласково относившихся ко мнѣ въ продолженіи кампаніи навсегда свяжутся въ моей памяти съ лучшими воспоминаніями минувшей турецкой войны.

Послѣ 19 февраля.

Послѣ только что заключеннаго славнаго мира, всё наши думы и желанія сводились теперь къ одному—скорѣе вернуться домой въ Россію.

Главная квартира, помѣщавшаяся въ Санъ-Стефано находилась отъ нашей деревни всего въ разстояніи восьми верстъ; вслѣдствіе чего не проходило дня безъ того, чтобы кто нибудь изъ офицеровъ не побывалъ въ ней и не привезъ въ полкъ новостей.

По видимому, все шло хорошо, все и всё приготовлялись къ возвращенію въ Россію; были уже сдѣланы разныя подготовительныя распоряженія, напр. о томъ, чтобы немедленно притянуть къ частямъ всё обозы, собрать по возможности всёхъ отсталыхъ людей, больныхъ лошадей, ускорить прибытіе маршеваго эскадрона, и проч. Какъ бы въ подтвержденіе всёхъ слуховъ, на 26 февраля было объявлено въ приказаніи по корпусу о томъ, что въ этотъ день Его Высочество Главнокомандующій сдѣлаетъ въ Константинополѣ визитъ Султану. Сопровождать Великаго Князя разрѣшено было командирамъ частей и свитѣ Его Высочества; но наганунѣ

26 числа эта поѣздка, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, была отмѣнена.

26 числа, вечеромъ, возвратившійся изъ Санъ-Стефано командиръ полка объявилъ, что, представляясь Его Высочеству Главнокомандующему, по случаю отъѣзда въ 28-ми дневный отпускъ, Великій Князь поздравилъ его съ назначеніемъ командиромъ 3-й бригады нашей дивизіи и что нашъ полкъ принимаетъ свиты Его Величества генераль-маіоръ Струковъ (бывшій адъютантъ Великаго Князя).

На другой день рано утромъ генераль Эттеръ уѣхалъ въ Санъ-Стефано; а оттуда, на отходившемъ въ тотъ-же день пароходѣ, — въ Петербургъ: во временное командованіе полкомъ вступилъ, какъ старшій, полковникъ Пилсудскій (полковникъ Гарденинъ уѣхалъ 23 февраля, будучи назначенъ командиромъ 3-го Уланскаго Смоленскаго полка). Полкъ помѣщался, какъ я уже сказалъ раньше, въ дер. Нифасъ. Нифасъ небольшая греческая деревня, окруженная со всѣхъ сторонъ виноградниками, среди которыхъ растутъ фруктовыя деревья; изъ оконъ домовъ видны высокіе минареты константинопольскихъ мечетей, Мраморное море, острова Принца и, не болѣе какъ въ разстояніи версты, деревни занятыя турецкими войсками; единственное каменное зданіе—греческая церковь, построенная на краю деревни; церковь украшена двумя роскошными кипарисными деревьями, растущими у самой стѣны.

Вскорѣ явился изъ Константинополя антрепренеръ итальянецъ Вакаро, который открылъ въ деревнѣ ресторанъ; въ немъ можно было обѣдать, а также доставать все самое необходимое; были и вина. Цѣны были высокія, но такъ какъ—въ виду приказанія по корпусу—мы должны были 8 марта выступать изъ Нифаса и идти въ

Беюкъ-Дере для посадки на суда, по случаю предполагавшагося возвращенія въ Россію, на цѣны не обращали вниманія, такъ что въ августѣ, ко дню дѣйствительной посадки, оказалось что денегъ было истрачено офицерами не мало. Службы почти не было, кромѣ пѣшаго оцѣпленія кругомъ деревни. Офицеры дежурили по полку и ежедневно по очереди одинъ ѣздилъ въ Сант-Стефано за парольными приказаніями по гвард. корпусу. Въ послѣднихъ числахъ февраля въ Нифасъ прибылъ обозъ и всѣ нестроевыя команды.

Въ концѣ февраля, Высочайшимъ приказомъ назначенъ былъ начальникомъ нашей дивизіи—вмѣсто генераль-адъютанта Гурко, сохранившаго въ продолженіи всей кампаніи это званіе,—генераль-лейтенантъ баронъ Дризенъ, который пріѣхалъ смотрѣть полкъ 2 марта. Къ часу пріѣзда начальника дивизіи полкъ былъ выведенъ въ пѣшемъ строю и былъ построенъ въ эскадронной колоннѣ на площадкѣ у церкви. Часовъ въ 11 прибылъ генераль Дризенъ вмѣстѣ съ временно-командовавшимъ сводной бригадой (нашъ полкъ и Казачій Его Величества). Его Императорскимъ Высочествомъ Княземъ Евгеніемъ Максимиліановичемъ Романовскимъ Герцогомъ Лейхтенбергскимъ и начальникомъ штаба полковникомъ Бунаковымъ. Поздоровавшись съ полкомъ и осмотрѣвъ людей, генераль Дризенъ прошелъ къ полковнику Пилсудскому, гдѣ во время завтрака была получена отъ офицера, рота котораго занимала посты вдоль демаркаціонной линіи, записка слѣдующаго содержанія: „Найдено тѣло утонувшаго офицера л.-гв. уланскаго полка, пришлите людей его взять или поставить караулъ“. Необыкновенно грустное впечатлѣніе на всѣхъ произвела эта записка. За парольнымъ приказаніемъ былъ назначенъ корнетъ Центиловичъ; онъ былъ на лицо и тутъ же

объяснилъ, что наканунѣ въ Санъ-Стефано корнетъ Браамсъ просилъ его передать ему приказаніе, такъ какъ онъ хотѣлъ раньше пріѣхать въ полкъ. Корнета Браамса до сихъ поръ не было и парольное приказаніе въ полку не было получено.

Большинство офицеровъ сейчасъ же посѣдлали лошадей и поѣхали къ указанному запиской мѣсту. Дѣйствительно — утонувшій былъ Павелъ Орестовичъ Браамсъ. Бѣдняга, возвращаясь ночью, вѣроятно сбился съ дороги и такъ какъ приходилось переѣзжать въ бродъ крутобереговую рѣчку, спустился не тамъ, гдѣ слѣдовало, оборвался съ берега вмѣстѣ съ лошадыю и захлебнулся. Черезъ нѣсколько дней, недалеко отъ этого мѣста было найдено тѣло утонувшаго вмѣстѣ съ корнетомъ Браамсомъ сопровождавшаго его вѣстового. Нужно сказать при этомъ, что нѣсколько дней подрядъ шелъ дождь и рѣчка, очень неглубокая въ сухое время, выступила изъ береговъ. Судьба какъ будто натолкнула бѣднаго юношу на самое глубокое мѣсто; однако не одна судьба виновата: не ясно и не вполне правильно была опредѣлена демаркаціонная линія. Полкъ нашъ угломъ входилъ въ расположеніе турокъ и чтобъ попасть къ намъ изъ Санъ-Стефано, слѣдовало въ бродъ переѣзжать эту рѣчку, такъ какъ мостъ, по которому шла дорога въ Нифасъ, былъ занятъ турками. Слѣдовало бы лишь немного отодвинуть турокъ отъ моста — и смерть быть можетъ не унесла бы преждевременно товарища.

Покойный лежалъ на берегу безъ малѣйшихъ признаковъ жизни; всѣ вещи его были на немъ вполне цѣлы, въ карманѣ былъ кошелекъ съ деньгами, въ боковомъ карманѣ мундира лежали часы; ясно было, что онъ не былъ жертвой насилія, что подтвердили и наши доктора.

Часовъ въ 7 вечера мы всѣ собрались въ церкви и

за панихидой молились объ упокоеніи новопреставленнаго товарища.

Не могу не остановиться чтобы хотя нѣсколькими словами не вспомнить покойнаго. Павель Орестовичъ Браамсъ 15 іюня 1877 года былъ произведенъ изъ юнкеровъ Николаевскаго Кавалерійскаго училища въ офицеры и 3 августа того же года выступилъ вмѣстѣ съ нами въ походъ. Веселый характеръ его передавался каждому, достаточно было одного его появленія, чтобы вездѣ,—въ вагонѣ, во время перехода на конѣ, въ палаткѣ, на бивуакѣ,—всюду и всѣмъ было весело.

За короткое время службы Павла Орестовича, мы всѣ душевно его полюбили, какъ славнаго товарища и хорошаго молодого человѣка.

Черезъ нѣсколько дней на офицерской повозкѣ везли высокій ящикъ, въ которомъ стоялъ гробъ Браамса. Кругомъ повозки офицеры ѣхали верхомъ, а сзади шелъ хоръ трубачей и конный взводъ уланъ; такимъ образомъ мы доѣхали до Санъ-Стефано, гдѣ поставили ящикъ на нанятый нарочно пароходъ, для доставленія тѣла въ Симферополь, гдѣ жила мать покойнаго. Гробъ сопровождалъ поручикъ баронъ Будбергъ, бывшій представителемъ полка на похоронахъ рано почившаго товарища.

Въ началѣ марта начали ходить какіе-то странные слухи: говорили будто бы произошли политическія недоразумѣнія и перевозка войскъ пріостановлена или, вѣрнѣе сказать, отложена на неопредѣленное время.

Генераль Струковъ—командиръ полка.

Нашъ новый командиръ полка генераль Струковъ лежалъ между тѣмъ больной въ Санъ-Стефано, а какъ только

почувствовали себя немного лучше, приехали принять полкъ.

Послѣ небольшой рѣчи и представленія офицеровъ, съ большинствомъ которыхъ генералъ былъ уже знакомъ, онъ передалъ командованіе полкомъ полковнику Пилсудскому, такъ какъ по болѣзни ѣхалъ въ Петербургъ.

2 или 3 марта было прислано приказаніе, по которому войскамъ предписывалось не выступать изъ мѣстъ своихъ расположеній. Ясно было, что дѣйствительно что-то не ладно, но всѣ эти усложненія составляли секретъ, намъ конечно недоступный.

9 марта прибылъ въ Санъ-Стефано маршевой эскадронъ подъ командою штабсъ-ротмистра барона Роппа, съ двумя офицерами: поручикомъ Бруннеманомъ и корнетомъ 10-го Гусарскаго Ингерманландскаго полка барономъ Корфомъ, прикомандированнымъ къ нашему полку. Численный составъ маршеваго эскадрона состоялъ изъ 213-ти человекъ и 164-хъ лошадей.

Вскорѣ маршевой эскадронъ смотрѣлъ Его Императорское Высочество Главнокомандующій, напелъ его въ отличномъ порядкѣ и благодарилъ шт.-рот. барона Роппа.

Давно прошелъ срокъ нашей предполагавшейся посадки на суда, а о возвращеніи ничего не было слышно, напротивъ, всѣ говорили о возможности возобновленія войны, что подтверждали также и константинопольскія газеты, распространенныя въ Санъ-Стефано въ большомъ количествѣ.

Погода все время стояла дурная, конечно относительно, такъ какъ въ концѣ марта цвѣли уже черешни, вишни, персиковыя и другія фруктовыя деревья, но тѣмъ не менѣе дни были холодные, сырые, такъ что въ домахъ, дурно построенныхъ, безъ печей — положительно нельзя было жить безъ мангаловъ (жаровня съ угольями). Вѣтры съ мелкимъ дож-

демъ дули почти не переставая; дороги, вслѣдствіе глинистаго грунта, дѣлались непроходимыми и непроѣздными.

Въ Санъ-Стефано, какъ извѣстно, помѣщалась главная квартира, при которой были сосредоточены и всѣ главныя управленія, поэтому за продуктами, фуражомъ, хлѣбомъ и прочими припасами для продовольствія полка приходилось посылать въ Санъ-Стефано, а такъ какъ перевозочныя средства эскадроновъ были крайне ограничены, то нужно было отправлять за сѣномъ, ячменемъ и проч. цѣлыя взводы и эскадроны. Люди ѣхали верхомъ, а назадъ вели лошадей въ поводу, навьюченныхъ торбами съ ячменемъ или сѣтками съ сѣномъ.

Сырая и холодная погода продолжалась, люди начали болѣть, скоро наполнились всѣ госпитали, почему приказано было открыть усиленные лазареты и приѣмные покои при полкахъ, причемъ предписывалось не стѣсняться никакими расходами въ виду сохраненія и поддержания здоровья войскъ.

Многія лошади, не поправившіяся послѣ похода, стоя бивуакомъ на открытомъ воздухѣ, также болѣли и околевали.

Дни тихо и скучно тянулись въ Нифасѣ.

Большинству офицеровъ дѣлать было нечего, а потому прохождение времени у Вакаро за картами сдѣлалось вещью обыкновенною и домъ, въ которомъ помѣщался его ресторанъ, сдѣлался какъ бы полковой клубъ.

Постоянныя поѣздки въ Санъ-Стефано были нашими единственными развлеченіями, впрочемъ, нужно сказать, что осмотръ Константинополя [было вещью чрезвычайно любопытною, и это удовольствіе офицеры позволяли себѣ не разъ.

Относительно поѣздокъ въ Константинополь было нѣсколько распоряженій, то онѣ запрещались безусловно,

то разрѣшались, одно время можно было ѣздить въ штатскомъ, затѣмъ въ военномъ платьѣ и т. д. 7 апрѣля большинству изъ насъ пришлось испытать необыкновенное чувство: часовъ около 9 вечера я и мои сожители услышали бѣготню по лѣстницамъ сверху внизъ, гдѣ помѣщалась канцелярія, а затѣмъ увидѣли и почувствовали, что стѣны дома плавно колышутся. Мы всѣ машинально бросились къ двери и спѣшили выбѣжать на улицу, не мы одни это дѣлали — многіе, такъ что скоро на площадкѣ въ серединѣ деревни собралось насъ большое общество; всѣ мы не знали въ чемъ дѣло; это было землетрясеніе, которое, какъ рассказывали греки, было вещью обыкновенною.

Простоявъ съ четверть часа на воздухѣ, мы разошлись, причѣмъ нельзя было однако не сознаться, что всѣ испытали что-то необыкновенное.

Въ началѣ апрѣля мы замѣтили изъ оконъ дома, въ которомъ жили полковники Пилсудскій, Адамовичъ, Бобылевъ и я, какую-то усиленную дѣятельность турокъ; не только что въ бинокль, но даже простымъ глазомъ было видно, какъ турки рыли укрѣпленія; поэтому полковникъ Пилсудскій донесъ объ этомъ въ главную квартиру, по распоряженію которой были назначены офицеры генеральнаго штаба для того, чтобы подробно изслѣдовать это донесеніе.

Между тѣмъ у турокъ шла самая дѣятельная работа, видимо они укрѣплялись по всей линіи. Не знаю, были ли сдѣланы нашей главной квартирой запросы тургамъ насчетъ постройки укрѣпленій, но какъ бы въ отвѣтъ всякимъ предположеніямъ явились въ газетахъ, наиболѣе распространенныхъ въ то время, въ Санъ-Стефано, статьи, въ которыхъ говорилось, что лѣтомъ назначены въ окрестностяхъ Константинополя, въ присутствіи султана,

большіе маневры и ученья съ боевыми патронами. Его Высочество Главнокомандующій объѣзжалъ укрѣпленія и, какъ говорили, вслѣдствіе его желанія, работы были прекращены.

Свѣтлый праздникъ подъ Константинополемъ.

Между тѣмъ приближалась Святая; въ продолженіи поста говѣли и приобщались въ греческой церкви наши солдаты. Свѣтлую заутреню 15 апрѣля служилъ нашъ батюшка въ присутствіи всѣхъ офицеровъ.

Заутреня отошла и всѣ мы собрались въ столовую къ Вокару, гдѣ все было приготовлено для розговень по русскому обычаю. Красныя яйца, пасхи, куличи—все стояло на столѣ; обрядъ розговень соблюденъ былъ до мельчайшихъ подробностей, но невесело было встрѣчать этотъ великій праздникъ вдаль отъ своихъ, только что окончивъ одну кампанію и находясь быть можетъ наканунѣ начала другой, а потому понятно съ какимъ радушіемъ были приняты слова полковника Пилсудскаго: „за здоровье близкихъ намъ, оставленныхъ въ Россіи“.

Въ первый день праздника, 16 апрѣля, съ утра всѣ офицеры нашего полка отправились верхомъ въ Санъ-Стефано, поздравить Его Высочество шефа и Главнокомандующаго.

Собравшись въ саду дома, гдѣ жилъ Великій Князь, мы ожидали его выхода.

Въ Санъ-Стефано, во время заутрени была получена отъ Государя телеграмма, въ которой Его Величество извѣщалъ Великаго Князя о пожалованіи ему званія фельдмаршала и о томъ, что Государь въ виду разстроеннаго здоровья Великаго Князя, вызываетъ его въ Петер-

бургъ. Въ командованіе же войсками дѣйствующей арміи, согласно Высочайшему повелѣнію, вступалъ генераль-адъютантъ Тотлебенъ. Часовъ около 11 вышелъ Великій Князь и похристосовался съ нами по православному обычаю, при чемъ вновь поблагодарилъ полкъ за службу.

На другой день, 17 апрѣля, всѣ войска потянулись въ Санъ-Стефано, гдѣ строились около чифлика (фермы) Ай-мама, для предстоящаго парада по случаю дня рожденія Государя Императора. Часовъ около 12 Великій Князь Главнокомандующій вмѣстѣ съ генераль-адъютантомъ Тотлебенемъ объѣхалъ всѣ войска; затѣмъ собралъ съ себѣ начальниковъ и благодарилъ ихъ какъ представителей частей, находившихся подъ командою Его Высочества и совершившихъ такіе славные подвиги. Затѣмъ Великій Князь прочелъ Всемиловивѣйшій приказъ, которымъ даровались многимъ частямъ награды за службу; наконецъ сказалъ послѣднее прощальное слово, которое было заглушено долго не перестававшимъ „ура“, послѣ чего была прочитана Великимъ Княземъ телеграмма Государя, въ которой Его Величество благодарилъ войска дѣйствующей арміи за поздравленія, принесенныя отъ ихъ имени Его Высочествомъ.

Послѣ народнаго гимна, привѣтствовавшаго телеграму Государя, начался церемоніальный маршъ, по окончаніи котораго всѣ офицеры, бывшіе на парадѣ, верхомъ поѣхали провожать Великаго Князя; съ такой громадной свитой Его Высочество въѣхалъ въ Санъ-Стефано, гдѣ на небольшой площадкѣ передъ домомъ, занимаемымъ Великимъ Княземъ, стоялъ почетный караулъ; множество публики пришло проводить Великаго Князя, который пользовался большою популярностью у грековъ, армянъ и турокъ.

Отъездъ Главнокомандующаго.

Послѣ напутственнаго молебна, Великій Князь въ сопровожденіи свиты направился къ пристани, дорога къ которой шла между густыми массаами народа, впереди котораго стояли офицеры всѣхъ частей войскъ. Великій Князь отправлялся на пароходѣ „Ливадія“, провожаемый до Константинополя пароходомъ „Константинъ“.

Любезный капитанъ парохода „Константинъ“ — флигель-адъютантъ Макаровъ — предложилъ многимъ офицерамъ поѣхать проводить Великаго Князя до Константинополя, съ обѣщаніемъ въ тотъ же день вернуться въ Санъ-Стефано; конечно желающихъ было много, а потому скоро отъ парохода къ пристани и обратно забѣгали паровые катера, привозившіе каждый разъ на „Константинъ“ все больше и больше офицеровъ.

Около 3 часовъ „Ливадія“ снялся съ якоря и сдѣлалъ кругъ, чтобы пройти мимо пристани Санъ-Стефано. Великій Князь стоялъ все время на палубѣ и при громкихъ крикахъ „ура“ съ берега отъѣхалъ изъ Санъ-Стефано.

Вскорѣ раздались свистки, „Константинъ“ сдвинулся съ мѣста и почти всю дорогу шелъ непосредственно за „Ливадіей“, но подъѣзжая къ Константинополю, „Ливадія“ убавилъ ходъ, нашъ пароходъ прошелъ вперёдъ и мы, т. е. всѣ присутствовавшіе на „Константинѣ“, громкими криками „ура“ напутствовали отъѣзжавшаго Главнокомандующаго.

Офицеровъ нашего полка на „Константинѣ“ было много, такъ что большою компаніею возвратились въ Нифасъ, гдѣ во время нашего отсутствія была получена телеграмма отъ командира полка, въ которой онъ позд-

равлялъ полкъ съ праздникомъ, а также поздравлялъ и съ производствомъ въ день Пасхи: въ полковники—ротмистра Бобылева, въ штабсъ-ротмистры—поручика Гордѣва и Хана-Нахичеванскаго и въ поручики—корнетовъ Маньковскаго и Медвѣдева.

Съ отъѣздомъ Великаго Князя работы въ турецкихъ лагеряхъ возобновились; говорили, что возобновеніе войны вещь уже рѣшенная, а потому въ то время все приготовлялось къ началу военныхъ дѣйствій.

Вскорѣ дислокація войскъ была совершенно измѣнена; полкъ нашъ, стоявшій впереди, долженъ былъ отойти нѣсколько назадъ; вообще всѣ войска располагались такъ, чтобы въ случаѣ внезапнаго начала дѣйствій быть въ извѣстной степени готовыми встрѣтить непріятеля.

Во второй половинѣ апрѣля былъ полученъ Высочайшій приказъ, а впослѣдствіи и Высочайшая грамота на пожалованіе полку за оказанные подвиги, мужество и храбрость, какъ значилось въ грамотѣ, въ турецкую войну 1877 и 1878 гг. знаки отличія на головные уборы, съ надписью: „за Телишъ 16 октября и Балканы 18 декабря 1877 года“.

Число больныхъ и заболѣвающихъ все болѣе и болѣе увеличивалось, всѣ временные госпитали были переполнены больными, а въ полкахъ число больныхъ было слишкомъ велико, но дѣлать было нечего, нужно было бороться съ эпидеміею.

Одинъ изъ нашихъ докторовъ былъ откомандированъ къ временному госпиталю, а исправляющій должность старшаго врача докторъ Терпиловскій самъ заболѣлъ тифомъ, такъ что всѣ заботы, хлопоты и труды пали на Н. М. Парамонова, съ необыкновеннымъ усердіемъ исполнявшаго свое дѣло. Однако нужно сказать, что смертные случаи въ полку были весьма рѣдки. На попеченіи

Н. М. Парамонова полкъ находился до 23 мая, когда былъ командированъ докторъ медицины В. Н. Поповъ.

Въ концѣ апрѣля и началѣ мая по вечерамъ приходилъ къ намъ нашъ грекъ хозяинъ съ испуганнымъ лицомъ говорилъ, что ему положительно извѣстно, что въ ночь будетъ нападеніе со стороны турокъ,—но всѣ ночи проходили благополучно.

4 мая намъ приходилось оставлять Нифасъ, гдѣ стоя съ 16 февраля мы успѣли уже обжиться и привыкнуть; на наши мѣста становилась пѣхота, а полку предписано было отойдя за пѣхоту, стать бивуакомъ у дер. Галатарія: бивуакъ былъ выбранъ чрезвычайно удачно: на высокомъ мѣстѣ на ровной площадкѣ, по правую сторону которой на извѣстномъ разстояніи шла большая дорога, а еще правѣе, въ разстояніи версты, было Мраморное море, впереди площадки росли фруктовыя деревья, налѣво виноградники съ черешнями, а позади спускъ съ горки, гдѣ устроили эскадронныя кухни. Деревня Галатарія была отъ бивуака меньше чѣмъ въ полуверстѣ; въ ней помещались хозяйственная часть, пріемный покой, обозъ, канцелярія и нѣкоторые изъ гг. офицеровъ, большинство же жило въ палаткахъ впереди или лѣвѣе бивуака.

Съ общимъ переходомъ на новыя мѣста, полки должны были имѣть дежурныя части, а отъ нашего полка ежедневно посылалось по четыре взвода въ распоряженіе: временно-командующаго корпусомъ, начальниковъ гв. пѣхотныхъ дивизій, начальниковъ передовыхъ постовъ и проч. Бивуакъ нашъ былъ всего въ 3-хъ верстахъ отъ Санъ-Стефано, въ которомъ въ концѣ апрѣля открылся театръ—итальянская опера—въ балаганѣ, построенномъ на скорую руку. Представленія въ театрѣ всегда привлекали большое общество, такъ какъ это было единствен-

нымъ мѣстомъ развлеченія и, кромѣ того, исполненіе нѣкоторыхъ оперъ было весьма удовлетворительно.

Съ полкомъ переѣхалъ въ Галатарію и итальянецъ Вакаро, такъ что вскорѣ жизнь наша пошла тѣмъ же порядкомъ.

Число больныхъ все болѣе и болѣе увеличивалось, у всѣхъ почти было одно и то же—тифъ съ разными его измѣненіями. Воздухъ былъ кругомъ зараженъ, главнымъ образомъ зараза происходила отъ дурно зарытаго павшаго скота. Зараза прибавлялась также и отъ запаха лекарствъ, распространявшагося въ деревнѣ изъ домовъ, въ которыхъ временно помѣщались больные Семеновскаго полка, стоявшаго до насъ въ Галатаріи.

Въ первый же день прихода полка были отправлены цѣлыя команды для зарытія падали, но тѣмъ не менѣе, при сильной жарѣ, воздухъ въ деревнѣ былъ почти невыносимый. Много трудовъ и заботъ было приложено всѣми, чтобы сохранить здоровье людей,—денегъ не жалѣли, пища у людей была отличная: по фунту мяса, давали водку за обѣдомъ, каша; но не смотря на это въ концѣ мая и началѣ іюня больныхъ было такъ много, что они не могли помѣститься уже въ деревнѣ, а потому вскорѣ разбили въ виноградникахъ цѣлые ряды палатокъ; тѣнь отъ виноградныхъ лозъ и растущихъ между ними фруктовыхъ деревьевъ уменьшала жару палящаго солнца. Больныхъ поили молокомъ, болѣе слабымъ давали шампанское, кормили яйцами; однимъ словомъ, могу сказать по совѣсти, что со стороны полка и всѣхъ отдѣльныхъ начальниковъ было сдѣлано все, чтобы сохранить жизнь и здоровье каждаго нижняго чина.

13 мая пріѣзжалъ на бивуакъ ексархъ болгарскій, его живо окружили офицеры, собрались также и нижніе чи-

ны. Послѣ небольшой рѣчи онъ благословилъ полкъ образомъ.

Полковой праздникъ.

25 мая — въ день нашего полковаго праздника *)— съ ранняго утра начались приготовленія; влѣво отъ бивуака была разбита большая палатка, въ которой предположено было завтракать, а къ часу дня полкъ былъ построень для слушанія молебна и ожидалъ пріѣзда временно-командующаго корпусомъ графа Шувалова, но графъ пріѣхалъ раньше и, поздравивъ полкъ съ праздникомъ, объявилъ, что пріѣдетъ на молебенъ главнокомандующій генераль-адъютантъ Тотлебенъ. Вскорѣ послѣ пріѣзда графа Шувалова, мы увидѣли подѣзжавшаго галопомъ къ полку всадника въ сопровожденіи вѣстоваго, — это былъ генераль-адъютантъ Гурко; онъ какъ бывший нашъ однобригадникъ хотѣлъ почтить своимъ присутствіемъ полковой праздникъ л.-гв. Уланскаго полка, праздновавшійся въ 1878 году на берегу Мраморнаго моря, при совершенно своеобразной обстановкѣ. Во второмъ часу пріѣхалъ главнокомандующій и начался молебенъ, послѣ котораго полкъ прошелъ церемоніальнымъ маршемъ и затѣмъ всѣ присутствующіе были приглашены къ завтраку.

Генераль Тотлебенъ остался очень доволенъ полкомъ, о чемъ и телеграфировалъ Государю Императору и Шефу полка.

Генераль-адъютантъ Тотлебенъ въ 1-мъ эскадронѣ, взявъ чарку воды въ руки, провозгласилъ тостъ за здоровье Государя Императора, Шефа полка и командира

---

*) Полковой праздникъ л.-гв. Уланскаго полка празднуется и день Вознесенія.

гвардейскаго корпуса Наслѣдника Цесаревича командующій полкомъ полковникъ Пилсудскій предложилъ тостъ за здоровье главнокомандующаго — генераль-адъютанта Тотлебена.

Задолго до начала молебна была получена телеграмма отъ Наслѣдника Цесаревича слѣдующаго содержанія:

„Изъ Царскаго Села, командиру л.-гв. Уланскаго полка. Передайте уланамъ мое душевное поздравленіе съ полковымъ праздникомъ, пьемъ за здоровье полка.

„Цесаревичъ Александръ“.

Во время завтрака полкъ удостоился получить милостивую телеграмму отъ Государя Императора слѣдующаго содержанія: „изъ Царскаго Села, командиру л.-гв. Уланскаго полка.

„Поздравляю гвардейскихъ уланъ съ полковымъ праздникомъ и повторяю Мое сердечное спасибо за молодецкую службу въ послѣднюю кампанію, гдѣ полкъ вполнѣ показалъ себя достойнымъ прежней своей славы.

„Александръ“.

Отъ Шефа полка на имя генерала Струкова подали депешу слѣдующаго содержанія:

„Поздравляю съ полковымъ праздникомъ тебя и молодецкій Мой Уланскій полкъ. Спасибо вамъ всѣмъ за вашу славную боевую службу. Душевно сожалѣю, что не съ вами въ этотъ день.

„Николай“.

При этомъ Его Высочество интересовался числомъ больныхъ.

Кромѣ того были получены телеграммы отъ товарищей, запаснаго эскадрона, многихъ полковъ, бывшихъ командировъ полка и лицъ, служившихъ въ полку. Часовъ

до 8 пробылъ съ нами главнокомандующій, генераль Гурко и графъ Шуваловъ, проводивъ которыхъ, многіе изъ офицеровъ поѣхали въ Санъ-Стефано въ театръ, возвратясь откуда еще застали большое общество товарищей въ палаткѣ. Около 3 часовъ ночи всѣ разошлись.

Въ концѣ мая началась берлинская конференція, собраніе которой много говорило или, иначе сказать, обезпечивало мирный исходъ тогдашнихъ политическихъ затрудненій, тѣмъ не менѣе всѣ находились въ какомъ-то натянутомъ настроеніи, это показалъ случай, надѣлавшій много хлопотъ. Дѣло было въ томъ, что, по приказанію главнокомандующаго, въ половинѣ мая были построены на высокихъ мѣстахъ вышки, съ которыхъ наши часовые могли слѣдить за всѣмъ происходившимъ въ турецкихъ лагеряхъ.

4 іюня пріѣхалъ въ распоряженіе гвардейской стрѣлковой бригады, какъ впоследствии объяснилось, какой-то турецкій офицеръ, и передалъ, что эти вышки должны быть сняты, въ противномъ случаѣ, объяснилъ онъ, и съ нашей стороны будутъ приняты мѣры; что хотѣлъ выразить этимъ турецкій офицеръ—было неизвѣстно, но фактъ заключался въ томъ, что генераль-лейтенантъ Эллисъ, командиръ гвард. стрѣлковой бригады, счелъ нужнымъ телеграфировать объ этомъ главнокомандующему и начальнику штаба дѣйствующей арміи; телеграмма эта пришла во время обѣда на праздникъ л.-гв. Сапернаго баталіона, по окончаніи котораго всѣ начальствующія лица немедленно уѣхали и начались дѣлаться приготовленія на случай возможной тревоги или внезапнаго нападенія турокъ. Я былъ въ Санъ-Стефано и уже тамъ слышалъ, что дѣлаются распоряженія къ тому, чтобы на другой день въ 7 часовъ утра всѣ обозы были уложены и войска были-бы на позиціяхъ, обозначенныхъ присланными заранѣе диспозиціями.

Трудно было вѣрить всему этому, а потому, возвратясь на бивуакъ, я не считалъ нужнымъ никому рассказывать слышаннаго; однако въ эту ночь мнѣ не спалось, одна дума смѣняла другую, наконецъ, часовъ около трехъ, я услышалъ топотъ скачущаго всадника и вскорѣ невдалекѣ отъ меня раздался громкій голосъ, просившій указать палатку командующаго полкомъ; я наскоро одѣлся и вышелъ; передо мной стоялъ жандармъ верхомъ и передалъ изъ корпуснаго штаба запечатанный конвертъ. Принявъ конвертъ, я пошелъ разбудить полковника Пилсудскаго и вмѣстѣ съ нимъ прочитали приказаніе и диспозицію на 5 іюня, согласно которой одинъ дивизионъ нашего полка шелъ въ Санъ-Стефано, одинъ эскадронъ къ мосту у Кучукъ-Чекмеджи, а одинъ эскадронъ къ чифлику Папасъ; всѣ эти передвиженія должны были быть исполнены къ 9 час. утра. Больнымъ предписывалось оставаться пока на мѣстахъ, до полученія дальнѣйшихъ приказаній. Въ 7 час. утра полкъ былъ уже готовъ къ выступленію.

Бивуакъ опустѣлъ; почти у всѣхъ было предчувствіе, что скоро вернемся обратно, такъ какъ все это казалось слишкомъ странно: въ Берлинѣ — конференція, а здѣсь подъ Константинополемъ — война изъ за такого пустаго предлога.

Къ 9 час. утра всѣ войска были уже на мѣстахъ, всѣ смотрѣли въ бинокль по направленію турецкихъ укрѣпленій, но тамъ было все тихо и спокойно.

Время тянулось, но вотъ прошло 10 часовъ — часъ начала военныхъ дѣйствій — но не было никакого признака наступленія или какихъ бы то ни было приготовленій со стороны турокъ.

Въ ночь, т. е. сейчасъ же по полученіи телеграммы отъ генерала Эллиса, былъ сдѣланъ запросъ нашему

послу въ Константинополѣ князю Лобанову-Ростовскому обо всемъ этомъ, который утромъ же отвѣтилъ, что все это какое-то недоразумѣніе и что напротивъ того турки удивлены и испуганы нашимъ наступательнымъ движеніемъ.

Простоявъ такимъ образомъ на позиціяхъ часовъ до 3-хъ, мы вернулись на старыя мѣста и около 6 часовъ вечера всѣ обѣдали уже въ Галатаріи у Вакаро, а люди въ это время разбивали палатки на старыхъ мѣстахъ; тревога была такимъ образомъ, какъ и слѣдовало думать, фальшивая.

Хотя тревога 5 іюня и была вызвана простымъ недоразумѣніемъ, тѣмъ не менѣе она доказала, насколько обѣ стороны были не увѣрены другъ въ другѣ, такой по видимому пустой фактъ, какъ требованіе снятія вышки, переданное неизвѣстнымъ турецкимъ офицеромъ, заставилъ приготовиться гвард. корпусъ и занять позицію для боя. Поэтому въ виду такого, можно сказать, натянутого положенія, начали дѣлать всевозможныя дѣйствительныя приготовленія для встрѣчи въ данную минуту разсердившихся друзей и еще недавно побѣжденныхъ враговъ. Такъ, рѣшено было, на передовой линіи оставить всего два полка, по одному отъ 1-й и 2-й гв. пѣхотныхъ дивизій, а для связи между ними и содержанія постовъ ленточей почты поставить нашъ полкъ.

Начальникомъ передовыхъ постовъ гвардейскаго корпуса назначенъ былъ командиръ полка—свиты Его Величества генераль-маіоръ Струковъ, возвратившійся въ началѣ іюня изъ Петербурга.

Всѣ же главныя силы отошли на старыя позиціи. Заранѣе были разосланы диспозиціи на случай тревоги и могущаго произойти временнаго отступленія.

Такимъ образомъ въ концѣ іюня нашъ полкъ пере-

поль въ дер. Ай-па, а въ Галатаріи остались по прежнему хозяйственная часть, пріемный покой и 3-й эскадронъ.

Въ одной изъ комнатъ дома командира полка въ дер. Ай-па помѣщалась подзорная труба, принадлежавшая корпусному штабу, смотря въ которую можно было наблюдать за всѣми производившимися въ турецкомъ лагерьѣ работами.

Генераль Струковъ долженъ былъ принимать утромъ и вечеромъ рапорты отъ командировъ дежурныхъ батальоновъ, стоявшихъ въ передовой линіи и согласно этихъ рапортовъ и своихъ собственныхъ наблюденій, составлять два раза въ день телеграммы на имя начальника штаба дѣйствующей арміи и временно-командовавшаго войсками гвард. корпуса. Всякій день приходилось доносить почти одно и тоже: „работы турками продолжаются“, или: „въ такомъ то мѣстѣ турки закладываютъ новое укрѣпленіе“ и т. д. Въ нѣкоторыя укрѣпленія турки поставили уже и орудія.

Такимъ образомъ вся линія передъ Константинополемъ была теперь отлично укрѣплена.

Деревня Ай-па находилась верстахъ въ 10 отъ Санъ-Стефано, но не смотря на это разстояніе часто ѣздили туда офицеры верхами, исключительно чтобы побывать въ театрѣ или въ саду „Concordia“, открывшемся въ началѣ мая, на маленькой сценкѣ котораго пѣли, танцовали, а иногда исполнялись небольшія пьески константинопольскими актерами, по преимуществу французенками, успѣвшими въ молодости объѣхать всѣ большіе европейскіе города. Не могу не сказать, чтобы „Конкордія“ не оставила на большинство изъ насъ пріятнаго воспоминанія, не одинъ и не десятокъ вечеровъ провели мы въ небольшомъ, но красивомъ саду этого увеселительнаго учрежденія, слушая веселые мотивы шансона-

токъ, а въ антрактѣ женскій оркестръ, состоявшій исключительно изъ нѣмокъ и очень недурно исполнявшій разныя музыкальныя вещицы.

Иногда въ Санъ-Стефано устраивались пикники и ѣздили на острова Принца.

Острова Принца.

На островахъ Принца построены дачи, въ которыхъ лѣтомъ живетъ богатое не турецкое населеніе Константинополя. Мнѣ въ числѣ прочихъ товарищей удалось разъ побывать на этихъ островахъ. Часовъ въ 10 утра отъ санъ-стефанской пристани отчаливалъ пароходъ „Константинъ“, захватившій съ собой много пассажировъ; мы шли тихимъ ходомъ по гладкому уровню Мраморнаго моря, все время любясь замѣчательно красивыми видами.

Весь Константинополь и Золотой Рогъ оставались влѣвѣ, а мы шли правѣе, прямо къ высокому и гористому острову, чистая прозрачная морская вода на столько просвѣчивалась, что можно было слѣдить за движеніями быстро плывущихъ кругомъ парохода дельфиновъ, которые время отъ времени выскакивая изъ воды, перекувыркивались въ воздухѣ и снова тяжело погружались въ море.

Любезный капитанъ парохода, флигель-адъютантъ Макаровъ, во все время нашего небольшого путешествія объяснял устройство машины, показывалъ миноносныя лодки; конечно все это насъ, людей незнакомыхъ съ морскимъ дѣломъ, крайне интересовало. Часовъ около 12 пароходъ остановился невдалекѣ отъ пристани и мы на паровыхъ катерахъ поѣхали на островъ, пріѣхавъ куда, все общество разсѣялось, — кто въ коляскѣ, кто верхомъ, кто пѣшкомъ, — отправились осматривать дѣйствительно краси-

вый островъ. Мнѣ случилось видѣть монастырь св. Николая, гдѣ поставленъ памятникъ умершимъ русскимъ воинамъ во время Крымской войны, а на самой вершинѣ высокой горы острова расположенъ монастырь св. Георгія, откуда видъ дѣйствительно поражающій.

Часамъ къ 6 всѣ собрались въ одну изъ лучшихъ гостинницъ къ обѣду, послѣ котораго перешли на террасу и подъ звуки привезеннаго нами съ собой оркестра военной музыки начались танцы, въ которыхъ принимали участіе и мѣстные дачники; такимъ образомъ мы провели время часовъ до 10, а ко времени нашего отъѣзда вся набережная была иллюминирована, отовсюду летали ракеты, а собравшаяся на пристани публика провожала насъ криками „ура“.

Около 12 часовъ вечера возвратились мы въ Санъ-Стефано, поблагодаривъ капитана за доставленное намъ удовольствіе.

Между тѣмъ говорили, что берлинская конференція пришла къ концу, измѣнивъ во многомъ санъ-стефанскій договоръ; теперь ждали только ратификаціи и тогда была возможность надѣяться скоро возвратиться домой.

3 августа состоялась ратификація и въ тотъ же день, при парольномъ приказаніи по гвард. корпусу, объявлена была очередь отправленія въ Россію войскъ гвард. корпуса. Полкъ нашъ долженъ былъ идти въ первомъ эшелонѣ, что и казалось намъ совершенно законнымъ и справедливымъ, такъ какъ мы, т. е. уланы, первые изъ полковъ гвард. кавалеріи, подошли къ Санъ-Стефано и въ продолженіи 6 мѣсяцевъ несли аванпостную службу.

Въ началѣ іюля и очень замѣтно въ концѣ, число больныхъ и заболѣвающихъ значительно уменьшилось, да кромѣ того были эвакуированы слабые и выздоравливающіе въ Россію. При всемъ томъ полкъ нашъ

на бывшемъ 5 августа, въ присутствіи главнокомандующаго, парадъ *) былъ единственный изъ гвардейскаго корпуса, который вывелъ по 16 рядовъ во взводахъ. Фактъ этотъ дѣйствительно заслуживаетъ особеннаго вниманія.

Парадъ по случаю возвращенія войскъ въ Россію и отъѣздъ полка изъ Санъ-Стефано.

5 августа въ окрестностяхъ Санъ-Стефано собралось три корпуса; громадное поле было въ нѣсколько линій занято войсками, тѣмъ не менѣе и на передовой линіи оставались дежурныя части. Часовъ около 12 объѣхалъ войска главнокомандующій, въ свитѣ котораго былъ турецкій военный министръ и другіе турецкіе офицеры.

Десятки тысячъ русскихъ штыковъ и сотни мѣдныхъ орудій, какъ жаръ горѣли и блестѣли подь жгучими лучами южнаго солнца.

Главнокомандующій за отличное прохожденіе церемоніальнымъ маршемъ благодарилъ командира полка, а главное благодарилъ за 16 рядовъ, доказывавшихъ, что въ полку люди и лошади сбережены: „Еще разъ благодарю васъ“, повторилъ генераль-адъютантъ Тотлебенъ. Гвардейскій корпусъ смѣнялъ 8-й армейскій, а потому и намъ пришлось отойти съ передовой позиціи и мы опять вернулись на бивуакъ къ дер. Галатаріи, но выбрали другое мѣсто.

Съ часа на часъ и со дня на день ждали мы посадки на суда, но все были только ожиданія; Гусарскій Его Величества, какъ младшій полкъ, садился раньше

---

*) По случаю ратификаціи мира и возвращенія войскъ въ Россію.

нашего; но вотъ наконецъ 25 августа вечеромъ было получено приказаніе на другой же день перейти въ Санъ-Стефано и начать посадку.

Послѣ молебна въ Галатаріи, полкъ направился къ санъ-стефанской пристани, съ которой и начали грузить лошадей.

Санъ-стефанская гавань слишкомъ мелка, такъ что въ нее большіе суда войти не могутъ, а потому лошадей первоначально ставили на барку, затѣмъ перевозили къ пароходу, на которомъ ихъ уже и устанавливали; на первомъ пароходѣ отправился 2-й дивизионъ; на второмъ—1-й дивизионъ; 26 числа при звукахъ трубачей полкъ отчалилъ отъ Санъ-Стефано.

Санъ-Стефано небольшое мѣстечко на самомъ берегу Мраморнаго моря, растянуто вдоль берега, образуя довольно красивую набережную, среди которой устроена пристань; не разъ намъ всѣмъ приходилось проходить ее, отправляясь въ Константинополь и возвращаясь обратно.

Зданія наиболѣе выдающіяся въ городѣ—это гостиница, за нею католическій монастырь, братія котораго состоитъ всего изъ трехъ монаховъ, да домъ кн. Дадіанъ, въ которомъ жилъ главнокомандующій. Семейство Дадіанъ чрезвычайно любезно относилось ко всѣмъ русскимъ вообще и въ особенности къ своимъ знакомымъ, которыхъ у нихъ, благодаря ихъ радушію и гостепріимству, образовалось чрезвычайно много. Не одинъ хороший вечеръ пришлось провести въ ихъ роскошномъ саду. Санъ-Стефано навсегда останется въ памяти всѣхъ простоявшихъ въ окрестностяхъ его почти шесть мѣсяцевъ.

Переѣздъ по Черному морю, благодаря отличной погодѣ, прошелъ весьма благополучно.

Первоначально предполагалось полку высадиться въ

Николаевъ, и затѣмъ чрезъ Вильно направиться въ Петербургъ, но потомъ произошло измѣненіе, полкъ высадился въ Севастополь 29 числа, и здѣсь мы должны были въ числѣ прочихъ войскъ, возвращавшихся чрезъ Севастополь, представиться на смотръ Государю. На смотру была также и армейская пѣхота.

Смотръ Государя въ Севастополь.

Полкъ нашъ, составивъ бригаду съ лейбъ-драгунами, ожидалъ приѣзда Государя. Около 10-ти часовъ прибылъ изъ Ливадіи Государь, объѣхалъ полки при громкихъ крикахъ „ура“, причѣмъ въ милостивыхъ словахъ Его Величество благодарилъ полкъ за боевую службу, послѣ чего полки прошли церемоніальнымъ маршемъ. Государь вновь благодарилъ каждую часть отдѣльно и затѣмъ отбылъ на пароходѣ въ Ливадію, а полкъ, простоявъ въ Севастополѣ 3 и 4 сентября, въ составѣ четырехъ эшелоновъ отправился изъ Севастополя на Курскъ, Москву въ Петербургу.

Въ Курскѣ была дневка, во время которой генераль отъ кавалеріи К. Л. Монтрезоръ пригласилъ къ себѣ обѣдать всѣхъ офицеровъ полка; во время обѣда были провозглашены тосты за здоровье Государя, Шефа полка и почтеннаго хозяина.

Жители многихъ городовъ Россіи чрезвычайно тепло и радушно встрѣчали полки, въ числѣ прочихъ полковъ и на долю нашего выпадали сердечныя встрѣчи, какъ напр. въ Севастополѣ, Москвѣ, Вышнемъ-Волочкѣ и проч.

По составленному заранѣе маршруту, полкъ долженъ былъ въ ночь съ 14 на 15 сентября высадиться на станціи Колпино Николаевской желѣзной дороги, для

того чтобы перейти оттуда въ с. Славянку и 19 сентября, вмѣстѣ съ конно-гренадерами, вступить въ Петергофъ.

Къ приѣзду 1-го эшалона на Колпинской платформѣ собрались всѣ офицеры запаснаго эскадрона, а также бывшіе въ отпуску или по какимъ нибудь обстоятельствамъ приѣхавшіе раньше и ожидали приѣзда товарищей. Кромѣ офицеровъ на платформѣ находились жены, сестры, матери, родственники и родственницы многихъ изъ возвращавшихся.

Поѣздъ 1-го эшелона около 11 часовъ вечера началъ медленно подходить къ платформѣ, а изъ передняго вагона раздались звуки полковаго марша, вскорѣ слышали топотъ лошадей въ вагонахъ, а изъ открытыхъ оконъ и дверей выглядывали веселыя лица солдатиковъ. Раздался свистокъ—поѣздъ остановился. Картина была удивительная: послѣ нѣсколькихъ минутъ цѣлованій, разспросовъ и проч., по всей платформѣ солдатики повели лошадей и, выведя ихъ на мостовую, спѣшили въ вагоны за сѣдлами. Конечно не обходилось при этомъ безъ понуканій и прочей суэты, однакожъ не долго мѣшкали солдатики, живо построились и вскорѣ, съ пѣсенниками впереди, по темнымъ улицамъ Колпина пошли въ село Славянку, жители котораго приняли полкъ совершенно по-русски, впереди деревни, по бокамъ улицы, горѣли смоляныя бочки; а у входа въ село встрѣтили насъ поселяне со священникомъ во главѣ, который сказалъ отъ имени общества, на самомъ простомъ общепонятномъ языкѣ, радужное слово, послѣ котораго благословилъ полкъ образомъ.

Село Славянка.

Въ одномъ изъ домовъ Славянки офицеры запаснаго эскадрона, желая встрѣтить товарищей съ хлѣбомъ и солью, устроили ужинъ, на накрытомъ столѣ, стояли всевозможныя яства; столъ не убирался въ продолженіи всей ночи. Приѣзжавшіе разное временно съ эшелонами офицеры свѣшили туда, гдѣ шли громкіе разговоры о пережитомъ времени, или вспоминалось старое.

2-й эшелонъ пришелъ ночью, 3-й—утромъ, а 4-й—15 числа, часовъ около 11-ти.

И такъ 15 сентября весь полкъ собрался въ Славянкѣ, гдѣ и долженъ былъ простоять до 19 числа.

Во время стоянія нашего въ Славянкѣ, все село приняло праздничный видъ, по вечерамъ раздавались пѣсни, по улицѣ ходили хороводы, передъ домомъ священника, гдѣ остановился командиръ полка, въ саду устраивали родъ иллюминаціи, во время которой ученики сельской школы пѣли разныя хвалебныя и воинственныя пѣсни.

19 числа, рано утромъ, полкъ выступилъ изъ Славянки; дорога наша шла черезъ Царское Село.

Пройдя черезъ городъ, у казармъ Кирасирскаго Его Величества полка мы были встрѣчены всѣми офицерами Кирасирскаго полка, на правомъ флангѣ которыхъ стояли трубачи, игравшіе нашъ полковой маршъ, такимъ образомъ прошелъ весь полкъ и любезные кирасиры провожали насъ верхами до деревни Синды, гдѣ былъ накрытъ на улицѣ столъ со всевозможными закусками. Всѣ сошли съ лошадей и съ большою благодарностью отлично позавтракали у радушныхъ кирасирь. Командующій Кирасирскимъ полкомъ нѣсколько разъ пилъ за

здоровье полка и его представителя, под разными предложениями, за что всякий раз генераль Струковъ благодарилъ за оказанное полку вниманіе.

Поблагодаривъ радушныхъ хозяевъ, мы сѣли на коней и съ каждымъ шагомъ ближе и ближе подходили къ казармамъ, изъ которыхъ вышли больше года тому назадъ.

Встрѣча полка въ Петергофѣ.

У мызы Михайловки *) мы прошли подъ арку, устроенную изъ зелени, причѣмъ жители поднесли полку хлѣбъ-соль, вскорѣ мы дошли до петергофской заставы, гдѣ вся бригада была остановлена въ ожиданіи пріѣзда Цесаревича.

Часа въ два Цесаревичъ объѣхалъ полки бригады при чемъ благодарилъ отъ имени Государя за службу въ минувшую кампанію. Затѣмъ я отвезъ штандартъ впередъ 1-го эскадрона л.-гв. Конно-Гренадерскаго полка, гдѣ послѣ небольшого промежутка времени полковые адъютанты обоихъ полковъ, въ сопровожденіи штандартовъ, за командирами полковъ, вѣхали подъ арку, затѣмъ спѣшились вмѣстѣ съ штандартными унтеръ-офицерами и вышли немного впередъ, приготовляясь слушать благодарственный молебень. Ворота заставы превратились въ очень красивую арку, на ней были сдѣланы надписи названій тѣхъ мѣстъ и селеній, гдѣ отличились полки бригады отдѣльно или находясь въ составѣ всего гвардейскаго корпуса, затѣмъ у вѣзда въ Александрію была сдѣлана эстрада, украшенная краснымъ сукномъ, съ ложей впереди для особъ Императорской фамиліи, а позади

---

*) Дача В. К. Михаила Николаевича.

шли въ нѣсколько ярусовъ скамейки, на которыхъ помѣщались дамы—родственницы офицеровъ.

Не смотря на то что было 19 сентября, день былъ отличный, осеннее солнце жарко согрѣвало вступающіе полки.

По окончаніи молебна, который служилъ настоятель Сергіевскаго монастыря съ братіей, и по окропленіи штандартовъ святой водой, адъютанты, въ сопровожденіи штандартныхъ унтеръ-офицеровъ, подносили штандарты къ ложѣ, гдѣ Цесаревна и Великая Княгиня Александра Іосифовна надѣвали на штандарты лавровые вѣнки, полковымъ адъютантамъ Цесаревна давала букеты, а Великая Княгиня Александра Іосифовна — лавровые вѣнки, затѣмъ мы сѣли на коней и, подъ звуки полковаго марша, прошли мимо Особъ Императорской Фамиліи и направились дальше по шоссе къ казармамъ.

За штандартами ѣхали георгіевскіе кавалеры всей бригады, а затѣмъ послѣдовательно одинъ за другимъ выступали эскадроны бригады.

По окончаніи молебна бургомистромъ города были прочитаны полкамъ адреса отъ жителей города, послѣ чего полкамъ отъ города была поднесена хлѣбъ-соль на серебрянныхъ блюдахъ, на которыхъ были вырѣзаны слова: „Нашимъ доблестнымъ воинамъ л.-гв. Уланскаго полка въ память подвиговъ за Балканами. Отъ жителей города Петергофа. 19 сентября 1878 года“.

Масса публики съ цвѣтами въ рукахъ привѣтствовала возвращавшихся конно-гренадеръ и уланъ. Государыня Цесаревна и Великая Княгиня Александра Іосифовна каждому офицеру собственноручно давали вѣнки. Непосредственно за эстрадой, по лѣвой сторонѣ шоссе, стояли запасные эскадроны, вышедшіе на встрѣчу своимъ боевымъ товарищамъ.

На площадкѣ у театра полки были остановлены и разведены по улицамъ площадки; посреди площадки былъ раскинутъ громадный шатеръ, въ которомъ на средства города былъ устроенъ для офицеровъ завтракъ, а пока офицеры завтракали, нижніе чины спѣшили и ихъ угощали водкой, пивомъ, медомъ, пирогами, папиросами и проч., затѣмъ позавтракавшіе смѣняли товарищей, державшихъ лошадей. Въ этой палаткѣ собрались также и полковныя дамы, которыя поднесли полку очень красивый и изящной работы кубокъ съ надписью: „отъ женъ, матерей и сестеръ офицеровъ л.-гв. Уланскаго полка“. По бокамъ кубка или, правильнѣе сказать, большого кувшина, были вырѣзаны фамиліи поднесшихъ его.

Входъ въ шатеръ былъ сдѣланъ изъ живой зелени, по бокамъ котораго были также написаны наиболѣе выдающіеся эпизоды дѣйствій полковъ бригады.

Позавтракавъ, я съ хоромъ трубачей отвезъ штандартъ во дворецъ, откуда онъ былъ взятъ 3 августа 1877 года, а офицеры и нижніе чины спѣшили и собрались въ полковую церковь, гдѣ и былъ отслуженъ благодарственный Господу Богу молебенъ, послѣ котораго начали разводить лошадей по конюшнямъ, куда поставивъ ихъ, люди спѣшили бѣжать въ свои казармы. Вечеромъ городъ былъ иллюминированъ, на площади горѣли бочки, — однимъ словомъ — Петергофъ ликовалъ. Но не однимъ этимъ кончилась встрѣча: на другой день были присланы Ея Императорскимъ Высочествомъ Великой Княгиней Александрой Петровной калачи на каждого нижняго чина и по чаркѣ водки, кромѣ того Великая Княгиня встрѣтила офицеровъ хлѣбомъ и солью, лежавшей въ солонкѣ изящной работы; Великій Князь Петръ Николаевичъ подарилъ въ полкъ кубокъ; офицеры запаснаго эскадрона — солонку; кромѣ того солонки были получены

и отъ многихъ другихъ лицъ; извошки при вступленіи вновь благословили полкъ образомъ. Нѣкоторые бывшіе уланы давали водку, а петергофскіе кушцы два дня топили бани бесплатно. Такимъ образомъ празднества вступленія полка въ мѣста своей старой стоянки продолжались три дня.

Днемъ 19 сентября, я заканчиваю свои записки.

Да напомнятъ они товарищамъ истину перенесеннаго нами труднаго, но славнаго похода.

Александръ Трубиновъ.

Новый Петергофъ.
13 іюня 1879 г.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Гг. Офицеры л.-гв. Уланскаго полка, выступившіе изъ Петергофа 3-го августа 1877 г. въ турецкій походъ.

Командиръ полка—Свиты Его Величества генераль-маіоръ Николай Павловичъ Эттеръ.

Командиръ 1-го дивизіона—полковникъ Яковъ Александровичъ Гарденинъ.

Командиръ 2-го дивизіона—полковникъ Александръ Мечиславовичъ Пилсудскій.

Завѣдывающій хозяйственною частью полка—полковникъ Михаилъ Ефремовичъ Адамовичъ.

Полковой адъютантъ—штабсъ-ротмистръ Александръ Николаевичъ Трубниковъ.

Полковой квартирмейстеръ — штабсъ-ротмистръ Николай Александровичъ Яфимовичъ.

Полковой казначей—штабсъ-ротмистръ Евгений Николаевичъ фонъ-Фельдманъ.

Командиръ 1-го эскадрона—ротмистръ Федоръ Ивановичъ Бобылевъ.

Гг. субалтернъ-офицеры 1-го эскадрона:

Штабсъ-ротмистръ Александръ Максимовичъ Людерсъ.

Поручикъ баронъ Андрей Романовичъ Будбергъ.
 Корнетъ Николай Александровичъ Медвѣдевъ.
 „ Графъ Николай Яковлевичъ Сиверсъ.
 „ Александръ Константиновичъ Шильдбахъ.
 „ Баронъ Александръ Карловичъ Менгденъ.
 „ Константинъ Николаевичъ Болдаревъ.
 „ Павель Орестовичъ Браамсъ.

Командиръ 2-го эскадрона—ротмистръ Николай Никитичъ Бастревъ.

Гг. субалтернъ-офицеры 2-го эскадрона:

Штабсъ-ротмистръ Николай Захаровичъ Манюкинъ.

Поручикъ Яковъ Яковлевичъ Гордѣевъ.

Корнетъ Александръ Андреевичъ Жандръ.

„ Николай Николаевичъ Федоровъ.

„ Евгений Генриховичъ Лееръ.

„ Павель Константиновичъ Гертикъ.

„ Федоръ Федоровичъ Центиловичъ.

Командиръ 3-го эскадрона—ротмистръ Николай Валеріановичъ Бибиковъ.

Гг. субалтернъ-офицеры 3-го эскадрона:

Штабсъ-ротмистръ Владиславъ Доминиковичъ Добошинскій.

Корнетъ Викторъ Александровичъ Левстремъ 1.

„ Баронъ Владиміръ Ивановичъ Сталь-фонъ-Гольштейнъ.

„ Анатолій Игнатьевичъ Кельчевскій.

„ Владиміръ Александровичъ Левстремъ 2.

„ Сергѣй Владиміровичъ Токаревъ.

Командиръ 4-го эскадрона—ротмистръ Петръ Петровичъ Барановъ.

Гг. субалтернъ-офицеры 4-го эскадрона:

Поручикъ Николай Михайловичъ Сулима.

Корнетъ Сергѣй Ильичъ Маньковскій.

Корнетъ Виталій Платоновичъ Целебровскій.
 „ Владиміръ Алексѣевичъ Ухинъ.
 „ Сигизмундъ Сигизмундовичъ Пилсудскій.

Кромѣ вышепоименованныхъ гг. офицеровъ принимали участіе въ турецкой кампаніи офицеры л.-гв. Уланскаго полка, находившіеся въ слѣдующихъ командировкахъ:

Штабсъ-ротмистръ Сергѣй Николаевичъ Евреиновъ.	} Ординарцами у Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго съ 8-го апрѣля 1877 года.
Штабсъ-ротмистръ графъ Рейнгольдъ Оттоновичъ Стакельбергъ.	
Корнетъ Христофоръ Платоновичъ фонъ-Дерфельденъ.	

Ротмистръ Георгій Антоновичъ Скалонъ—ординарцемъ у генераль-адъютанта Гурко.

Штабсъ-ротмистръ Василій Николаевичъ Трубниковъ—въ должности бригаднаго адъютанта 1-й бригады 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи.

Штабсъ-ротмистръ Александръ Петровичъ Сафоновъ—ординарцемъ при комендантѣ главной квартиры съ начала іюля до 6 октября, когда вернулся въ полкъ съ зачисленіемъ въ 4-й эскадронъ.

Поручикъ Эксанъ Ханъ-Нахичеванскій—находился въ распоряженіи Главнокомандующаго Кавказскою арміею (гдѣ былъ раненъ) съ апрѣля до 1 ноября, когда, въ дер. Бренницѣ, присоединился къ полку съ зачисленіемъ въ 4-й эскадронъ.

Корнетъ Венедиктъ Викторовичъ Петровъ—въ продолженіи всей кампаніи находился въ войскахъ Кавказскаго военнаго округа, гдѣ въ дѣлѣ подъ Большими Ягнами былъ контуженъ въ голову.

Къ дню выступленія въ походъ полковъ 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи, съ Высочайшаго разрѣшенія,

были прикомандированы отъ полковъ кирасирской дивизіи по нѣсколько человекъ во всѣ полки; такимъ образомъ къ нашему полку были прикомандированы:

Л.-гв. Коннаго полка—поручикъ Владиміръ Федоровичъ Ореусъ (4-й эскадронъ).

Л.-гв. Кирасирскаго Его Величества полка—корнетъ Сергѣй Александровичъ Миллеръ (3-й эскадронъ).

Кромѣ того численный составъ офицеровъ Уланскаго полка увеличился отъ перевода обратно въ полкъ, только что вышедшаго изъ полка, сотника Владикавказскаго казачьяго полка—Николая Сергѣевича Федорова (4-й эскадронъ) и корнета С.-Петербургскаго Уланскаго Короля Баварскаго полка—Василія Васильевича Воейкова (2-й эскадронъ), который будучи до кампаніи прикомандированнымъ къ полку для перевода впослѣдствіи въ полкъ, въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ былъ прикомандированъ къ Кавказской казачьей бригадѣ.

Временныя командировки:

Съ переходомъ полка черезъ Дунай, ординарцемъ къ командиру бригады былъ назначенъ корнетъ Федоровъ 2-й (2-й эскадронъ).

Въ Боготѣ, 7 октября, ординарцемъ къ командующему дивизіею былъ назначенъ корнетъ баронъ Сталь-фонъ-Гольштейнъ (3-й эскадронъ).

Въ Боготѣ, 8 октября, ординарцемъ къ генераль-адъютанту Тотлебену былъ назначенъ корнетъ баронъ Менгденъ (1-й эскадронъ).

Первые два присоединились къ полку послѣ 19 февраля 1878 года, а корнетъ баронъ Менгденъ—по возвращеніи полка въ Петергофъ.

Съ приходомъ маршеваго эскадрона, прибыли къ полку: штабсъ-ротмистръ баронъ Николай Васильевичъ фонъ-деръ-Роппъ (3-й эскадронъ), поручикъ Эдуардъ

Вильгельмовичъ Бруннеманъ (4-й эскадронъ) и прикомандированный къ полку 10-го Гусарскаго Ингерманландскаго полка корнетъ баронъ Семень Николаевичъ Корфъ (1-й эскадронъ).

По распоряженію Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго къ полку былъ прикомандированъ, въ мартѣ мѣсяцѣ, С.-Петербургскаго Уланскаго Короля Баварскаго полка корнетъ Иванъ Николаевичъ Евреиновъ, а въ апрѣлѣ мѣсяцѣ—Кубанскаго полка есауль баронъ Александръ Александровичъ Дризенъ.

Высочайшимъ приказомъ въ 16 день апрѣля 1878 г. въ полкъ было произведено изъ учебныхъ заведеній 12 человекъ корнетами, которые оставались прикомандированными къ запасному эскадрону, за исключеніемъ корнета Сергѣя Петровича Сафонова, который въ концѣ іюня прибылъ въ полкъ.

Въ началѣ іюля, по откомандированіи отъ запаснаго эскадрона, къ полку прибыли: поручикъ Федоръ Сигизмундовичъ Пилсудскій (въ 4-й эскадр.) и корнетъ Федоръ Николаевичъ Кудрявцевъ (въ 4 эскадр.), поступившій обратно на службу въ полкъ послѣ почти 3-хъ лѣтъ отставки.

Въ походѣ съ полкомъ находились:

Полковой священникъ протоіерей Федоръ Ивановичъ Смѣловъ.

Исправляющій должность старшаго врача прикомандированный отъ л.-гв. Финляндскаго полка Митрофанъ Васильевичъ Терпиловскій.

Младшій врачъ Станиславъ Александровичъ Пржебытекъ.

Ветеринарный врачъ коллежскій совѣтникъ Александръ Афонасьевичъ Подшиваловъ.

Дѣлопроизводитель хозяйственной части губернской секретарь Дмитрій Ивановичъ Бирюковъ.

Лекарскій помощникъ губернской секретарь Николай Матвѣевичъ Парамоновъ.

Командиръ нестроевой роты маіоръ Евстафій Денисовичъ Шепель, остававшійся все время въ Румыніи въ городѣ Александріи.

Вольноопредѣляющіеся:

Александръ Николаевичъ Гультъ. } Высочайшимъ приказомъ произведены въ корнеты въ

Юрій Николаевичъ Милютинъ. } лейбъ-гв. Уланскій

Михаилъ Николаевичъ Гирсъ. } полкъ за военныя

Баронъ Фридрихъ Карловичъ Фирксъ. } отличія.

Павель Ивановичъ Симъ. } Высоч. приказомъ произведены въ корнеты въ

Петръ Федоровичъ Мурзинцевъ. } 1-й Уланскій Сиб. полкъ.

Эскадронные вахмистры были:

1-го—Василій Піявкинъ.

2-го—Федоръ Штрумбергъ.

3-го—Ипатій Золотаревъ.

4-го—Андрей Носуа.

Полковой писарь Павель Терешинъ.

Награды, полученныя полкомъ въ минувшую кампанію:

Полкъ удостоился получить Высочайшую грамоту.

Полкъ не разъ удостоивался благодарностей отъ Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго, объявленныхъ чрезъ ординарцевъ Его Высочества.

По представленію Главнокомандующаго, Государь Императоръ на всегда утвердилъ л.-гв. Уланскому полку турецкія бѣлыя бамбуковыя пики, захваченныя въ адрианопольскихъ складахъ.

На Высочайшемъ смотрѣ въ г. Севастополѣ 2 сентября Государь Императоръ лично изволилъ благодарить полкъ за славную боевую службу.

Въ день полковаго праздника 25 мая 1878 года полкъ удостоился получить отъ Государя Императора телеграмму слѣдующаго содержания:

„Поздравляю гвардейскихъ уланъ съ полковымъ праздникомъ и повторяю Мое сердечное спасибо за молодецкую службу въ послѣднюю кампанію, гдѣ полкъ вполнѣ показалъ себя достойнымъ прежней своей славы.

„Александръ“.

При вступленіи въ Петергофъ, полкъ былъ встрѣченъ Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, Цесаревною, Ихъ Августѣйшими Дѣтьми и прочими лицами Императорской фамиліи, при чемъ Государыня Цесаревна изволила собственными руками возложить на штандартъ лавровый вѣнокъ.

Въ память минувшей кампаніи утверждена бронзовая медаль, съ надписью на одной сторонѣ: „Не намъ, не намъ, а Имени Твоему“, а на другой сторонѣ стоитъ крестъ на лежащемъ полумѣсяцѣ.

Въ память перехода черезъ Дунай и нахождения при обложеніи Плевны въ отрядѣ Принца Карла Румынскаго, Ево Свѣтлость прислалъ во всѣ полки желѣзные кресты.

По приказанію Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго, всѣ офицеры полка—принимавшіе участіе въ дѣлахъ подъ Горнымъ Дубнякомъ 12 и Телишемъ 16 октября—были представлены къ наградамъ, которые Государь Императоръ изволилъ утвердить.

За телишскую атаку командиръ полка и ротмистръ Барановъ награждены золотымъ оружіемъ.

За аванпостную службу въ продолженіи ноября и

декабря мѣсяцевъ до перехода черезъ Балканы приказано было представить отъ полка пять офицеровъ къ наградамъ.

По приказанію Его Императорскаго Высочества, всѣ офицеры и классные чиновники—перешедшіе Балканы—представлены къ наградамъ, которыя и утверждены Государемъ Императоромъ.

За дѣйствія по переходѣ черезъ Балканы—подъ Тапхисевами, Филипполемъ, Хаскѣй, до вступленія въ Адрианополь—приказано было представить къ наградамъ одну треть числа офицеровъ; награды эти, равно какъ и всѣ предшествующія, были утверждены Государемъ Императоромъ.

Изъ вышеозначеннаго видно, что всѣ гг. офицеры полка получили по двѣ и по три награды.

